

Виктор Гридюшко

БРОУНИАДА

ИЛИ

путешествие

по

замкнутой

спирали

Вюрцбург
2019

Гридюшко В. М.

Броуниада или путешествие по замкнутой спирали: трилогия.

Книга вторая: – Лучшее время нашей жизни. 2019г. – 386 стр.

Во второй книге трилогии автор вспоминает школьные и студенческие годы и продолжает рассказ о жизни своей семьи.

©Гридюшко В.М.

КНИГА ВТОРАЯ

**ЛУЧШЕЕ
ВРЕМЯ НАШЕЙ
ЖИЗНИ**

Доброй поре со светлой печалью

Содержание

Тонкая материя	6
Зюзя и кресты на дорогах	16
А роза упала на лапу Азора	27
Про школу	37
Одноклассники	49
Генезис	56
Как становятся «идейными»	63
Шедевры мировой литературы	79
Учителя	87
Учителя (<i>продолжение</i>)	101
Учителя (<i>окончание</i>)	113
Обыденность волшебства	127
Волшебство обыденности	137
Кошмары и радости сельской жизни	153
Галопом по Европам и Азиям	171
Последний год детства	189
Поступление	200
Сельхозработы	212
Новая жизнь	226
Учёба	232
Страсти второго курса	246
Ленинский стипендиат	261
А что даёт комсомол?	273
Как мы фестивалили в Венгрии	290
Как мы фестивалили в Венгрии (<i>окончание</i>)	303
Другие события жизни	313
Практика в «Учхозе № 2»	331
«Повесть о капитане Копейкине»	351
Пятый курс	361
А после?	379

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ТОНКАЯ МАТЕРИЯ

Странное дело! Когда возникла, диктуемая железной логикой повествования, необходимость написать о своих родителях, меня вдруг охватил душевный трепет. Всё-таки сакральные это понятия – отец и мать. С одной стороны, как выразился Андрей Вознесенский, «Я – памятник отцу...» и это обязывает рассказать об оригинале, но, с другой, между нами и действительностью стоит стена слов, и, как только мы начинаем выстраивать словесные конструкции, правда исчезает.

– Слово изречённое и мысль изречённая есть ложь!

Очень уж это тонкая материя – писать о других людях, тем более, что речь идёт о конкретных, а не придуманных личностях. Люди сами по себе не ангелы и одной белой краской нам уж никак не обойтись.

Деликатно, деликатно начинаю я своё повествование...

Многие сомневаются в существовании Бога, но в том, что звёзды каким-то образом определяют нашу сущность, не сомневается никто.

По знаку Зодиака отец – Стрелец (26 ноября), а мать – Козерог (16 января).

Стрельцы очень общительные и дружелюбные люди, отличающиеся прямоотой в отношениях с другими. Не судите их строго, у них нет плохих намерений. Они такие же искренние и серьёзные, как 6-летние дети. Очень подвижны, любят животных, скорость, спорт. В душе это транжиры. Как правило, эти люди всегда счастливы и веселы, пока здоровы. Рисковые. Самые чувствительные места для болезней – лёгкие, печень, руки

и ноги. Среди самых неприятных черт Стрельца – тенденция много пить и есть, что может привести к алкоголизму.

Каким бы Стрелец ни был, его истинная натура – щедрый и весёлый идеалист.

Козерог – знак человека, добивающегося цели. Люди этого знака честолобивы, трудолюбивы, практичны, расчётливы, дипломатичны, честны, ответственные, терпеливы, но могут быть подозрительными и самовлюблёнными. Не всегда справедливы и часто не умеют быть снисходительными к другим. Им присуще осознание собственной силы. Они отличаются крепким здоровьем и долголетием. Склонны к художественному творчеству. Твёрдо придерживаются семейных ценностей.

Если бы мне сейчас кто-то Высший сказал:

– Заканчивай! Твоё время истекло! – то я, после вышеприведённых характеристик, поставил бы точку и пошёл собираться в дорогу.

Ну есть, есть что-то в этом звёздном толковании!

А поскольку времени у меня, буду надеяться, ещё немного осталось, я точку не ставлю, а закрываю на мгновение глаза и вновь уплываю, как сказал поэт, «по волнам моей памяти» туда, где на окраине Куспека стоит, занесённый до крыши чёрным снегом, каменный дом, в правой половине которого живёт наша семья. Мать, отец и мы, трое маленьких ребятишек. Для нас отец и мать в восприятии неотделимы друг от друга, являя собой живой пример единства и борьбы противоположностей.

Продолжая рассказ о наших родителях, не буду углубляться в их босоное детство, я о нём знаю только с их слов, и, к прискорбию, очень мало. Детство нашего отца можно отметить только штрихами. Оно проходило в местечке Лужки Полоцкой области. К моменту оккупации ему было 8 лет и прожил он «под немцами» три года, не озлобившись на представителей этой нации. Кстати, в Лужках (если только это те Лужки), в 1943-1944 гг. стояла бригада СС, сформированная из бывших русских солдат, перешедших на сторону немцев. Они потом

взбунтовались, перебили немецких офицеров и перешли на сторону Красной Армии. Их командир за успешные боевые действия был представлен к ордену «Боевого Красного Знамени», но получить не успел, погиб в бою. Судьба солдат бригады мне неизвестна.

Отец всю жизнь как-то положительно относился к немцам, ценя, в первую очередь, качество их работы, аккуратность и бережливость.

«По-немецки сделано», – в его устах это было высшей формой похвалы. «Немецкий угол» – специфическая укладка брёвен в срубе. Ещё он часто вспоминал какую-то свадьбу, на которой еда подавалась «по-немецки», то есть подали одно блюдо – съели, затем тарелки убирают и подают второе. Стол всё время чистый, в отличие от русских (белорусских) свадеб, где столешница ломится от яств и треть продуктов просто-напросто сметается в помой.

Важный момент его ранней жизни – уважительное отношение к дядьям по отцовской линии, которые научили его различным ремёслам и преподали первые жизненные уроки. Их он часто вспоминал как своих учителей. Именно там, в Лужках, приобщился он ко всем сторонам деревенской жизни, богатой на работу, приобрёл необходимые навыки и сноровку, позволившие ему в дальнейшей жизни твёрдо стоять на ногах. Он постоянно учился и самосовершенствовался в своём деле, выделяя этим *интеллигентность* – качество, присущее далеко не каждому, имеющему диплом о высшем или среднем специальном образовании.

В верхнем ящике комода бережно хранились документы, подтверждающие его растущую квалификацию.

«Тракторист-машинист 3 класса», «Тракторист-машинист 2 класса», «Тракторист-машинист 1 класса», «Тракторист К-700», «Водитель автомобиля 2 класса». А зимой он работал мотористом в МТМ, ремонтируя и обкатывая моторы всех марок тракторов, включая К-700 и К-701. Высшая квалификация

для рабочего. Мать вспоминает, что его за глаза уважительно называли «**профессором**».

В том же ящике лежали награды и знаки отличия. Их было много, но главные – «Орден Октябрьской Революции», «Орден Трудового Красного Знамени», «Золотая медаль ВДНХ». Это за комбайновую уборку. Он любил и мог быть лучшим в деле. А самая первая его награда – заводные настольные часы со светящимся ночью циферблатом, на подставке из жёлтого стекла, получена ещё в Сибири, за работу в леспромхозе. Качественные тогда делали вещи. В детстве мне понадобилось несколько лет, чтобы их окончательно раскурочить. Они продолжали идти, несмотря на все мои потуги. И только когда, не выдержав издевательств, выскочила пружина, часы, всхлипнув, остановились.

О юных годах матери известно больше, да это и не му-дрено: она сама мне о них рассказывала, и этот рассказ подробно изложен в первой книге «Броуниады...». Я, как человек пишущий, очень горжусь, что сумел выудить из неё ту информацию и изложить на бумаге, бережно сохраняя язык оригинала. За этот рассказ я удостоился её похвалы:

– Ну так всё хорошо написано, будто я снова там побывала!

Не успел я приладить ко лбу лавровый венок, как последовало окончание фразы:

– А всё остальное, так себе – ерунда.

– Слышишь, Мир, остальное всё ерунда, ну как тебе это нравится?

– А чему ты удивляешься? Людям свойственно проявлять интерес только к тому, что касается их самих.

– Или к тому, что их совершенно не касается – подумал я.

– Это их натура! – продолжал Мир. – Самый приятный звук в жизни – звук собственного имени. Уверяю тебя, если бы, вдруг, ожила ваша Красуля, и смогла каким-то образом прочесть страницы, ей посвящённые, она обязательно бы промыча-

ла о том, как всё хорошо и верно о ней написано, а ко всему остальному отнеслась бы равнодушно. Ну что поделаешь, закон жизни таков – все ревнивы!

Я описал детство матери, но потом у нас были ещё разговоры на эту тему. Всплывали какие-то новые детали и уточнялись уже известные. Меня, почему-то, очень интересовали подробности их тогдашнего быта.

– А вот вспомни ещё, как тогда на Беларуси резали сви-ней?

– Кололи перед Рождеством. Смолили соломой кулевой. Зима была тёплой, так что всё мясо и сало солили в кадушках. Резали больших свиней – полутороговых. Солили даже голову. И был такой, значить, закон, что на Пасху эту солёную голову отваривали и резали на холодные закуски. Это даже нужно было! Разрубали, мозги вытаскивали, и солили.

Мать не совсем правильно говорит по-русски, но тем и интересна её речь.

– А колбасы делали?

– Колбасы делали. Ну, если с одного, там сильно колбасы не было. Но, делали, делали! Мясную колбасу, ливерную... Ну, её сделают, а потом перед русской печкой, вот такой *ше-сток* был привязан, деревянная палка, ну, там полотенца висели, что-то ещё, а потом вешали эту колбасу. И как русскую печь протопят и закладут, с неё тёплый воздух идёт на эту колбасу. Надо было, чтобы кишка как присохла, захватилась. Потом вывешивали её в кладовку и она там всю зиму висела. Хоть и хотел ты кушать – тебе не дадут. Это для лета: на покос, рожь вручную жали, дрова заготовить, чтобы было что в сумку положить, понимаешь ты?

Потом её складывали в плетёную корзину с крышкой, *кошек* назывался, вешали на чердаке под соломенной крышей и она там на воздухе завяливалась. Мы как к дядьке Михайлову ездили, он угощал нас такой колбасой – **трёхлетней(!)**. Ну такая это вкуснотища была! Пахучая, цвет красный, туда ведь всё до-

бавляли – и селитру, и пряности всякие: чеснок, гвоздику, перец душистый – это всё добавлялось. Она *всаливалась*, своими пряностями *вбиралась*. Резали её наискосок, это такой аромат, и как было вкусно!

Мы небогато жили. Засолили кабана в кадушки и поставили на чердак. Отец иногда говорил:

– Полезли, Зоя, на чердак, я один боюсь.

И мы лезли с ним, и там он мне кусочек чего-нибудь вкусенького отрезал. Там ведь всё держали – и сало, и мясо, и сдор. Всё солилось, иначе не сохранилось бы. Оттуда и любовь ко всему солёному в последующей жизни.

– А огород садили?

– Помидоры садили, огурцы, лук, чеснок, картошку. Перца не садили. Леса и хвойные были, и такие. И грибы были, и черника, и брусника, и клюква на болоте. Грибы сразу за сараем. И боровички, и маслята, и рыжики, и обабки. А вот груздей не помню. Огурцы солили в кадушке, иногда вместе с капустой. Ряд капусты, ряд огурцов. Бруснику варили с яблоками, сахара ведь не было. И ели потом её с картошкой варёной. Помидоры не солили.

Корову держали, курей, свиней. Свиней кормили конским калом. Отварят картошку, добавят кала и этим кормили. А перед забоем месяца полтора давали ржаную муку, чтобы салоросло. Свиней пасли или они сами гуляли. При партизанах я тифом болела, меня на воздух вынесли, а *кнур* подошёл ко мне и стал валять, я такая слабая была, что не могла обороняться. Партизаны увидели, отбили. В нашей хате штаб был, рация стояла. Мы были очень бедные. У нас не было земли. У нас спальня была, отгороженная досками, зал и кухня с русской печкой.

– Рано ли ложились спать?

– Ну, не знаю. Света то не было. Лучины жгли. Лампа – уже «царство небесное». Скот в сарае держали. Под русской печкой было место для кур. С воротцами. Их туда в сильные морозы запускали.

Ладно, оставим маленькую девочку в покое. Про нормальную жизнь, пусть даже и военную, она нам рассказала. Про *вопиющую бедность* послевоенных погорельцев ей вспоминать не хочется и я её не неволю. Людям свойственно прятать такие воспоминания в самую глубину памяти и только мазохисты смакуют их, находя в этом нездоровое удовольствие.

Мать в своих рассказах часто произносит слова: «мы жили бедно», «мы были очень бедные, у нас не было земли». Послевоенное время до высылки в Сибирь характеризуется вообще обречённо: «у нас ничего не было!». Тот же мотив звучит и в воспоминаниях о первых годах ссыльной жизни, до тех пор, пока она не вышла замуж за нашего отца.

Потом как отрезало!

Слово «*бедность*» не произносится больше ни разу. На смену ему приходят другие словосочетания.

«Жили, можно сказать, неплохо, только родни много было» – это о белорусском периоде жизни. «Жили мы хорошо, *бай дюже*» – это уже про Казахстан. Что такое «бай дюже» не знаю до сих пор, но звучит очень оптимистично.

О жизни сегодняшней, в Людиной семье, и говорить нечего. Всем бы такую старость. Конечно, лучше всего было бы доживать век с мужем, отдельно, получая от нас поддержку. Но не сложилось. Мать пережила отца уже на 20 лет.

Наверное, тогда, в Черемшанке, отец сразу её заметил, ведь жили они в одном бараке, работали на одних лесных делянах, но «*полячке*» было не до него. Полячка искала своё счастье и на застенчивого парня с обвислыми веками внимания не обращала. Счастье грезилось ей в образе молодого поляка.

Один парень, Франеком его звали, стал с ней дружить, но родители ему запретили:

– Не надо нам таких бедных! Был ещё Рысик Забранский, хороший такой, добрый, и мать его сильно желала, но он переехал с родителями в Раздолье, а оттуда не всегда в Черемшанку можно было добраться. То Китой разольётся, то лодки

нет, а моста через реку тогда ещё не было, так встречи и затухли. Рысик, кстати, с отцом дружил. *(Он потом с родителями уехал в Польшу и там, находясь в подпитии, сильно разбился на мотоцикле, снёс лицо. После получения этого известия вид нетрезвого отца за рулём всегда вызывал у матери панический страх.)*

А отец сильно переживал. Они не только вместе в одном бараке жили, но даже в одну дверь заходили. Видел он, как мать другие парни до дома провожают, страдал. Сильно уж она ему нравилась, а он ей, как вспоминает мать, и на дух не нужен был.

Однако, когда поляки «закончились», мать вынуждена была искать другие варианты. А что искать, если рядом живёт тихий парень, который глаз с неё не сводит и только тяжело вздыхает? Она всегда знала, что стоит ей с ним *правильно* заговорить, и он уже никуда не денется.

Так и случилось. Посидели пару вечеров на скамеечке и стали дружить.

– Давно бы так, – сказал один дед из барака. – А то ходишь, носом крутишь, такого парня теряешь!

Год проходили, потом вечер сделали и стали жить вместе в том же бараке, где им в комнате родителей отца выгородили угол.

Фотография из той поры. Отец – второй справа. Обратите внимание, как молодые люди держатся за руки. К съёмкам тогда относились серьёзно. Но нашей будущей матери на снимке нет. Наверное, побежала за поляком. Вон как отец хмурится.

..

А вот на этой фотографии они изображены вместе, но, вроде бы, как и отдельно. Видно, ещё до женитьбы. Интересная мода начала 50-х. Сегодняшняя российская молодёжь тоже предпочитает военный стиль, но не галифе, а «защитку». Или им в училище механизации форму выдали?

Глава 2

ЗЮЗЯ И КРЕСТЫ НА ДОРОГАХ

А вот что рассказывает мать про жизнь в Белоруссии, когда мы вернулись туда из Сибири.

– Ехали мы до сестры моей, Франи. Вагоны специальные были, для тех, кто возвращался. В них и вещи везли, что из Сибири взяли. Высадили прямо в лесу, в месте, откуда до Липлян ближе всего было. Я с вами осталась, болела тогда гриппом, слабая была, а батька пошёл в деревню. Там с мужем Франькиным, Иваном Бельским, попросили в колхозе лошадей, перевезли нас. В одной хате ютились. Те пацаны до вас задирались, но ты не поддавался, брови насупишь – и на них. Сибиряк! За Сашку горой стоял.

Батька поехал в Лужки к своей родне, искать работу. Дядька Мефодий ему сильно помог, добрый такой мужик, умный, уважаемый, в войну старостой деревни был. Устроился в совхозе «Городец» бульдозеристом. Приехал за нами на машине, перевёз. Сняли квартиру и стали жить.

Родня потянулась нас проводить. И дядьки, и тётки, и братья, и сёстры. Шли на базар в Лужки и обязательно к нам заглядывали. Мы в своих Кривках как раз на перепутье оказались. (4 км до Лужков). Каждое воскресенье у нас гости. Кадушку мяса съели, что из Сибири привезли. Выпивку надо было обязательно ставить. Купили козу и большую свинью, деньги откуда-то были. Коза осталась, я её доила, а свинью опять съели.

Прожили года полтора, квартиру уже давали, но батька завёлся с председателем (с директором, наверное, если совхоз, но мать точно не может вспомнить) из-за креста. На дороге

перед деревней большой крест стоял, огороженный, цветочки в ограде росли. Тогда с религией боролись, вот и крест этот кому-то помешал, директора, наверное, тоже заставляли. Батька, может быть, крест и свернул бы, он ни в какого Бога не верил, но довелось ему встретиться с одним человеком. Тот на центральной усадьбе управляющим работал. Разговорились, кто, да откуда, кто жена. Отец рассказал, а управляющий и говорит:

– Так я же твою жену знаю. Поехали, хочу сам посмотреть на неё.

И они приехали, и зашли в дом. Я его сразу узнала. Он был из того «Ветровского» отряда, что в Горново стоял, а командиры у нас в доме вместе с рацией жили. Он тоже командир был, только по хозяйственной части. Приносил мне рваные мешки и просил:

– Заштопай, Зоя, я тебя за это угошу.

А я хоть и маленькая была, но всё по хозяйству делать умела. И правда, приносил мне кусок сушёной колбасы из партизанских запасов, вкусная такая. У них склады были ещё в начале войны тайно заложенные, а, может быть, и перед войной, там оружие, мука, сахар, соль, табак, колбаса вяленая, консервы всякие.

Хороший такой дядька, толстый, выпить любил. Батька его угощает, а он всё про меня говорит:

– Будем тебе, Зоя, документы выправлять, потому как ты есть участница партизанского движения и семья ваша сильно в войну пострадала.

Тут про крест разговор зашёл.

– Не смей, Михаил, здесь люди верующие, они тебе не простят. Ты молодой, тебе здесь жить, а люди на тебя озлобятся. Если ему надо, пусть сам и сворачивает, он на тракторе умеет. А ты не смей!

И батька отказался. А директор ему сказал:

– Раз так, ты это ещё вспомнишь!

Вскоре какая-то деталь в тракторе сломалась, он пошёл в

контору новую выписывать, а директор говорит:

– За свой счёт!

Потом ещё что-то, а тут вербовка. Мы и собрались. Может и не надо было уезжать, как-нибудь всё наладилось бы? Кто знает?

Отец за год до смерти тоже о том решении вспоминал и мне говорил:

– Там можно было жить, только надо было что-то «химичить».

Это слово в его устах определяло не совсем честную жизнь. Другой и глазом не моргнёт, скажет:

– А чего тут такого? Хочешь жить – умей вертеться, но для него это имело какое-то принципиальное значение. И Целина, с её новым, тогда, укладом жизни, стала в этом плане комфортной средой обитания, позволявшей сохранять душевное равновесие.

У него и по поводу высылки в Сибирь было своё мнение, поразившее бы тогдашних, да и сегодняшних, диссидентов и борцов за права человека:

– Наверное, правильно сделали, что выслали, лишнего много болтали.

Он ведь свидетель того времени и, вроде бы, тоже пострадавший, но совершенно не озлобившийся, а рассуждающий с точки зрения государственной пользы.

Не каждый так может.

А ведь и правда. Сибирь стала для большинства из 4000 ссыльных «андерсовцев» и членов их семей не местом юдоли и печали, а добрым краем, который многие после реабилитации не захотели покидать. Сибирские гении оказались сильнее белорусских.

А из времён, когда ссыльных поставили перед выбором ехать жить в Польшу или оставаться дальше в Сибири, он вынес присловье, смысл которого понимали только те, кого это непосредственно касалось, и которое использовалось оставшимися:

– Здесь дурных нема. Все дурные у Польшу уехали.
У него были и другие своеобразные словечки и словосочетания, которые он часто употреблял в своей речи. Например:

- Непроханже (или раздельно надо писать?)
- Не дурней паровоза
- Отметелить (побить кого-то)
- Замёрз, как Зюзя (Зюзя – это белорусский дед Мороз)
- До предела
- Вижу, что малый ты не дурак, но и дурак немалый
- Я тебе кто? Мужик или портянка?
- Ты за меня не беспокойся!
- Что, наелись батькового хлеба?
- Бабы вы рязанские (нам с Сашкой)
- У шкуру получишь... вместе с маткой
- Дать дрозда (это про технику: – Как я дал ему дрозда!)
- Кромсать (сделать чего-то много: – Накромсал целую кучу!)

– Надо – значит надо!
– Хер вам (им, тебе) в сумку! – когда был с чем-то или с кем-то несогласен.

– Охламоны (это про нас).
– Ты что, против Советской власти? (это к матери)
– У тебя хоть на грамм гражданской совести осталось?
– Ты не хозяйка! (это тоже к ней, опрометчиво, после потери бдительности...). На этом его фраза и заканчивалась, поскольку в ответ следовал пятиминутный монолог, в котором перебирались все женщины, к которым он мог убираться, с подробными их характеристиками, доказывающими, что они на «хозяек» не тянут вообще.)

А у матери обиходным было выражение по поводу незначительных происшествий:

– Такая беда повек бы велась...

Ещё одним из важных выражений её лексикона было слово «справедливо»:

- Это несправедливо!
- Ну что же, пусть и тяжело, но справедливо
- Лахудра (это к Люде или другим разгильдяйкам)
- Не говори...
- А я что, знаю?
- Ну ты ж своей дурной головой маленько думай...
- Не торопись. За тобой с собаками никто не гонится...

А вот по поводу отца она ни разу не сказала, что он не хозяин. Это, по её понятиям, было бы несправедливо. Он был редкий трудяга и они стоили друг друга.

У нас были родственники в Америке, брат мате­рино­го отца с большим семейством. Он до войны туда на заработки уехал, там женился и остался. Не помню, чтобы мы писали в Америку письма, но их фотографии у нас были, наверное из Польши пересылали. Мать рассматривала их и говорила:

- Ну и слава Богу. Видать, *тоже* хорошо живут.

Американский дедушка

Другой, глядя на фото, (а это 60-е годы) на г...но бы изощёл, а тут вот такая реакция. Всё потому, что жили мы полноценной жизнью и никому не завидовали. В ней было всё, что наполняло её смыслом: дом, семья, дети, работа, и не только ради денег, заботы, печали, радости, спокойная мирная обстановка, которая гарантировалась сильным государством, гордость за него. Внутреннее содержание жизни куда важнее богатства, хотя достаток в разумных пределах обязательно должен присутствовать. Бедность стыдна.

Любопытный читатель хочет спросить, да и мне самому интересно, что это был за крест, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, и который так неожиданно повернул нашу жизнь? Ни в Казахстане, ни в Сибири я таких крестов перед деревнями не встречал, может быть сейчас появились, не знаю. Поспрашиваем всезнающий интернет, а может и Мир чего подскажет?

Некоторые считают, что «мода» на такие кресты появилась во времена Великой Отечественной войны, со всеми её ужасами. Кресты ставили, прося помощи от Бога.

На самом деле эта традиция идёт с ещё дохристианских времён как отображение культа тотемизма. Люди поклонялись некоторым вещам, которые выступали в роли оберегов, например, камни, дубы. С распространением христианства роль эта перешла к крестам. Крест как символ, знак сохранения своего рода, семьи, общины, деревни. Их ставили, чтобы уберечь от невзгод, которые несли эпидемии, стихии, войны, пожары и другие нашествия, которые затрагивали всех жителей деревни. Такие кресты очень дорожились. Считалось: когда что-то случится с крестом, в деревню придёт несчастье.

Ещё их ставили на перекрёстках и приходили туда колдовать, или в нехороших местах, где разбойники убивали неповинных людей, чтобы это место пометить.

Традиция почитания крестов сохраняется поныне. Раз в год священник вместе с жителями молится у креста за деревню и её обитателей. Гроб с покойником несут к кресту, а после уже

везут на кладбище. Невесты приходят. От креста начинается и им же заканчивается деревня.

*На этой фотографии увековечена жизнерадостная белорусская отцовская родня. Ну просто приятно смотреть на эти лица.
Слева – дядька Мефодий.*

– Это для жителей крест – свой, у них на него иммунитет, а чужим прохожим или проезжающим лучше возле него не останавливаться и в ограду не заходить. Если он оберегает, то всё зло на нём оседает, на чужака может перекинуться, – делится своим соображением Мир. – И отец твой правильно сделал, что умного человека послушался.

А ещё они ругались. Все ругаются, но происходит это по-разному в каждой семье. В нашей слов не подбирали и во время перепалок обменивались такими матами, что хотелось зажать ладонями уши и скорее выбежать на улицу. Я много разного в своей жизни слышал, но, поверьте мне, самое страшное я пережил в детстве. Не мог переносить жестокости словесных перепалок, хотя руку никто никогда ни на кого не поднимал. Обходились без драк.

Откуда у них взялся такой «богатый» словарный запас? А я вам скажу, откуда. Из Сибири. Там мат был совершенно естественным языком общения, особенно в деревнях. Я в своей дальнейшей жизни не раз с этим сталкивался и до сих пор остаюсь при своём мнении, несмотря на исключения.

Но матершинство не было их внутренней сутью. Это было наносное, усвоенное в угоду тамошней традиции, и оно облетело, как шелуха, когда они попали в другие условия жизни, а если быть совершенно конкретным, то на Целину, в село Куспек. Не Беловодье, конечно, но всё-таки... Там не принято было употреблять маты в общении с другими людьми, а потом мы подросли и они стали подбирать выражения.

Это неправда, что если родители дома матерятся, то и дети вырастут такими же. У меня в ту пору выработалось абсолютное неприятие бранных слов, я не мог их произносить без краски стыда, и уж совсем из ряда вон выходящее: на уроке ботаники я так и не смог рассказать учительнице, как цветы размножаются с помощью тычинок и пестиков – язык, в буквальном смысле этого слова, онемел во рту.

Сегодня я могу *«загнуть»* так, что мало не покажется, но этому я научился позже, пробираясь через дебри жизни. И обороты мои витиеватые, порой единственные в своём роде, вызывали улыбку и понимание у слушателей, но, это если меня не разозлит по-настоящему. А тех слов, из детства, я не употребляю.

Возможно, они притирались друг к другу, деля сферы влияния. Но что делить, если на руках уже трое? Один раз, зимой, ещё в начале нашей жизни в Куспеке, отец хотел в воскресенье поехать с мужиками на подлёдную рыбалку на Аканское озеро, что в 20 км от нас.

Не пустила!

Ругалась по-страшному, хватала нас с пола и совала ему в руки. Он заплакал от бессилия и не поехал, хотя упрашивал ведь по хорошему, свежей рыбы обещал ребятишкам привезти.

Может, она боялась за него, на рыбалке ведь разные случаи происходили, люди тонули, убивались. Или думала, что уступи раз, а он и повадится каждое воскресенье из дома исчезать? А может просто наперекор шла. *(Для замужних рыбалка – та же пьянка, только в резиновых сапогах.)*

Мне кажется, что сферы они всё-таки разделили. Мать оставалась хозяйкой в доме, но во дворе главенствовал отец. Пока она налаживала в кухне еду свиньям, он стоял, переминаясь в своих огромных валенках с ноги на ногу, и молчал. Любое его невинное замечание вызывало встречный поток слов, самым употребимым из которых было «кавела». Отец был чересчур большим в нашей маленькой кухне и это почему-то раздражало мать. Отца, у которого всё «горело» в руках, она называла «кавейлой»! Я не прощал и половины своим жёнам, а он старался промолчать.

Может быть, поэтому, я и сижу сейчас, относительно свободный, и пишу свои мемуары, а про отца мать недавно сказала:

– Вот бы он ещё немного пожил, покомандовал...

Мужчина покоряет женщину, уступая ей. Но я, почему-то, ещё борюсь... *(Слава павшим героям!)*

Моя жена тоже любит, когда я командую. Ей доставляет особое удовольствие мои команды не исполнять.

Некоторые черты нашего характера заложены в нас изначально и многие последующие события и происшествия определяются ими. Чтобы каким-то образом проиллюстрировать эту мысль, приведу ещё один рассказ матери, поведанный Люде в 1995 году, может быть он поможет нам лучше понять мотивы её поведения.

– Сашку рожала. Затопили печку, ну, я прыгаю, мне больно, а батька так, украдкой, через занавеску поглядывает. Позвали старуху-повитуху, она наклонилась, перегаром как дыхнула, тут Сашка у меня и выскочил. А вокруг тишина. Пасха. Конец поста. Все ждут 12 часов *(ночи)*, чтобы можно было

выпивать. Дождались. Весь барак пришёл, «обмыли» новорожденного. Боже, как напился, как напился! Батька мой тоже напился. А Витька ко мне лезет, маленький ещё, ему год и семь месяцев было. Как я его потягала, у меня живот весь скрутило. Думала, умру. Живое ещё всё. Сашка кранётся, а у меня всё внутри отзывается.

– Так а свекровка где была?

– Я же тебе гавару, свёкр со свекровкой пошли свою подругу на Белоруссию провожать, а батька мой напился. Наутро проспался и стал свиньям налаживать. Лежу и чувствую, что *делает не так*. Не выдержала, встала с постели, наладила, как сама всегда делала. Ну надо мне это было?

Сильный характер, сильный, но терпеливый. Я помню, как она рассказывала, что баба Катя её на работе (на току) постоянно третировала и «бандеровкой» обзывала. Это долго длилось, может быть и два года. А один раз она пришла с работы очень возбуждённая и рассказала отцу, что когда «Малюченчи-ха» на неё в очередной раз напала, она не выдержала:

– Ещё раз услышу хоть одно плохое слово про меня – убью ломом!

(Волновалась, что та пожалуется начальству или сообщит в милицию и её выгонят с работы или посадят. А что, за плечами семь лет ссылки ,всякого навидалась. Отец храбрился и успокаивал, но я чувствовал, что и он немного растерян.)

Но случилось совсем наоборот. Баба Катя не просто стала её уважать, а, более того – защищать перед другими желающими потренироваться в остроумии по поводу недавно приехавших. А поскольку она была старожилкой, причём коренной, со связями, то и разговоры вскоре прекратились. И мы по-соседски стали дружить семьями.

Традиция фотографирования осталась. Надо было что-то посылать в письмах. Одевалась лучшая одежда, за нами строго следили, чтобы мы не разбегались, а осознавали важность происходящего. Я помню и люблю эту фотографию. Здесь мы вместе с Жинями: мать с Людой на руках, отец, дядя Коля, тётя Аня, я, Сашка и Соня. На дворе зима 1962-го года. Из района приезжал фотограф (Меняйлов?) и снимал за плату.

Глава 3

А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА

В первый класс я пошёл 1 сентября 1962 года. Это был единый день начала школьных занятий по всей стране. Традиция сохранилась до сих пор.

Первое сентября – это пара часов праздника в озабоченном уборкой урожая селе. Нет красных знамён и транспарантов, но по улице к школе идут нарядно одетые ученики и их родители. Старшеклассники самостоятельными стайками, а первоклассники в сопровождении тех, кто разделяет вместе с ними торжественность этого дня. Белеют фартуки девочек на коричневых ученических платьях, пышные банты украшают их гладко причёсанные головы. Блестят начищенные ботинки мальчиков, выглядывающие из-под купленных специально к новому учебному году брюк и костюмов, алеют на груди красные пионерские галстуки, ярко отсвечивают октябрятские звёздочки и комсомольские значки.

Почти у каждого ученика в руках яркие букеты вкусно пахнущих бархатцев, георгин, астр, хризантем, космей. Их будут дарить учителям. Взрослые тоже одеты празднично. После окончания «*линейки*» они вернутся домой, переоденутся и пойдут работать, а пока все радуются возможности принарядиться и поучаствовать в действе.

Я одел «*школьный*» костюм, натянул на ноги новые ботинки, показавшиеся мне после босоногого счастья лета колодами, взял в руки приготовленный матерью незатейливый букет, и мы пошли. Мать несла на руках годовалую Люду, которая с интересом лупала глазёнками по сторонам.

Сначала вниз до Советской улицы, а потом по ней вверх, к школе. Исполненный торжественности момента, я ничего не замечал вокруг, а мать шла и плакала. Впереди и сзади нас тоже двигались первоклассники, и пожилые люди, сидящие на лавочках возле домов, кричали, искренне, или театрально, удивляясь:

– Да ты что, уже такой большой вырос, что в школу идёшь?

На что гордые родители отвечали:

– Да, мы уже такие!

Нас с матерью никто не приветствовал. Мы были «приезжими», и, кроме соседей, никого практически не интересовали. О моём существовании вообще мало кто догадывался. Я был сам по себе мальчик, в садик не ходил. А мать переживала.

– Никогда не поймёшь этих женщин. То им родни много, то мало, – комментирует написанное Мир.

Восьмилетняя школа располагалась напротив совхозной конторы в сторону сопок. Это было приземистое продолговатое здание, как бы выросшее из-под земли. Обычно пишут – вросшее в землю, но для меня она выглядела большим бело-синеватым груздём, вылезшим из опавших листьев наружу. Встречаются и такие. Сумрачные деревья и кустарники сада с их тенью и тишиной окружали школу.

Она напоминала крепкого пенсионера, которого попросили ещё немного поработать, пока не подъедет обещанный молодой специалист. Не по-деревенски просторны и широки были её классы, но исполнять свою функцию в полной мере она уже не могла. Воздвигнутая самостроем во время Целины (*приветствую вас, Георгий Васильевич Лызлов*), она была гордостью села, но после неё стала его головной болью. Школа не вмещала всех имеющихся учеников. И наш 1«а» начал занятия в новом жилом доме, переоборудованном под класс. Помню очень высокое крыльцо по которому мы поднимались к входной двери. Все перегородки были удалены, и печь для обогрева находилась

прямо в классе. При сильных морозах мы сами топили её во всё время занятий.

Новая типовая двухэтажная средняя школа была построена в 1965 году. И тогда все вздохнули свободно. Девятиклассникам и десятиклассникам уже не надо было уезжать на всю неделю в Акан-Бурлук, где, явно не по статусу 4-го отделения совхоза «Аканский», находилась средняя школа, в отличии от восьмилетки центральной усадьбы.

А старая школа продолжала служить наряду с новой. В ней учились младшие классы, потом здание признали аварийным, но ещё в начале 70-х годов там проводили занятия по машиноведению и домоводству.

После потери старого здания занятия в новой школе стали проводить в две смены.

Главной достопримечательностью и олицетворением всех праведных и неправедных школ Куспека был их директор Перетятыко Павел Григорьевич. Крепкий, седой, с никому не верящим взглядом (*мне так казалось*), очень строгий. Когда он, вертя на пальце связку ключей, шёл по коридору, даже самые примерные ученики старались как можно скорее прошмыгнуть мимо, чтобы не встретиться с ним глазами. А хулиганы хвалились, что он этими ключами бил их по рукам.

Перетятыко был представителем другой эпохи, более суровой, чем наша, хотя что я тогда мог понимать в эпохах? Но я знал его и с другой стороны. Он воевал и имел награды и ранения, жена его служила санинструктором и тоже была отмечена. Они были нашими соседями и жили в таком же доме, как и наш. Это Перетятыко предложил матери пойти работать техничкой в новую школу. А когда родители рискнули и первыми на нашей улице купили телевизор, то приходили к нам по вечерам смотреть интересные передачи вместе с добрым десятком других соседей и ребятишек. Им из уважения уступали место на диване, а мать на кухне стряпала пирожки и угощала всех сидящих и лежащих на полу.

Это наш класс, то ли на третьем, то ли на четвёртом году обучения. Здесь не все, в классе было более 20 человек.

Сидят(слева направо):

Коля Немков, Витя Сайбель, Фанис Шаехов, Володя Руцкий, Рома Шатдинов, Володя Громов, Петя Сорокин, Витя Смоквин.

Стоят (слева направо):

Костя Кордияк, Валя Кузьмицкая, Наташа Ситарская, я, Тоня Скоржевская, Надежда Афанасьевна, Саша Логвин, Катя Боровицкая, (не помню, возможно, Тивикова, на Таню Бевз непохожа), Аня Власова, Володя Логвин.

Я почему-то не помню свою первую учительницу. Осталось ощущение настойчивой доброты – и всё. Даже если мне назовут её фамилию, мало что изменится. Наверное, это нехорошо с моей стороны, но так уж получилось. Мне что теперь, пойти и застрелиться? А может так и должно быть, чтобы учитель без остатка растворялся в своих учениках.

Вот Надежда Афанасьевна, жгучая брюнетка, запомнилась: и то, может потому, что она изображена на нашей общей фотографии. Позже, после её отъезда из села, прошёл слух, что она из-за несчастной любви постриглась в монахини. Вот и запало в памяти. А может она и была нашей первой учительницей?

Но о тех, кого хорошо помню и кому благодарен, расскажу обязательно, даже если имена некоторых из них выпали из памяти.

Школьная тема – невыигрышная для автора. Все учились в школе, по одной программе, с общим для всей страны распорядком, и удивить кого-либо своими воспоминаниями трудно. Я и не ставлю перед собой такую задачу. Главы про школу в моём изложении будут, наверно, интересны только тем, кто в них фигурирует и тем, кто знает, о ком и о чём идёт речь. Но важным остаётся место действия – сельская средняя школа. Я бы, например, с интересом почитал воспоминания известного мне человека об учёбе в городской школе.

И ещё один нюанс. Смотрел недавно английскую экранизацию историй про Шерлока Холмса (там сейчас настоящий киношный бум по этой тематике, хотя, порой, от оригинала остаются только имена действующих лиц) и мне запомнились два эпизода.

Доктор Ватсон долго звонит в дверь, но миссис Хадсон не торопится открывать. Наконец она отпирает и на немой вопрос доктора отвечает:

– Извините, я увлеклась вашей книгой.

Польщённый автор, просияв, спрашивает:

– Она вам понравилась?

– Нет!

– Почему?

– Я в ней не разговариваю, а только хожу молча, открываю дверь и провожаю гостей наверх к Вам и мистеру Холмсу.

Второй разговор, и тоже из-за задержки, происходит у доктора со служанкой его жены:

– Извините, я была увлечена вашей книгой.

– Она вам понравилась?

– Нет!

– Почему?

– В ней ничего не написано про меня.

Всё время обучения можно разделить на три этапа: начальное образование (1-4 годы), восьмилетнее (5-8) и среднее (9-10). В 60-х годах восьмилетнее образование стало обязательным для всех учащихся, а полная десятилетка – по желанию и возможностям. Срок обучения в школе ограничили десятью годами, до этого он составлял 11 лет.

Что я помню о первых четырёх годах? Должно же было что-то остаться хотя бы на периферии памяти? Конечно осталось. Помню, как перед большой переменной, за полчаса до окончания урока, учительница доставала из стола холщовый мешок и вместе с деньгами вручала дежурному. Тот поднимался, одевался и шёл в пекарню за булочками, (круглые такие, по 6 копеек), а она подбрасывала в печь дрова и ставила на плиту чайники. На перемене мы пили горячий сладкий чай из алюминиевых кружек и ели ещё тёплые булочки.

Помню, как на уроке природоведения мерили километр. Был такой *сажень*, который учительница попросила, видимо, у кого-то из учётчиков полеводческих бригад. Это был их первейший рабочий инструмент, да вы видели его в фильмах про колхозы и совхозы. Им землю меряют, две палки с перекладиной, длина шага – два метра.

Начали мерять от класса в сторону Крутого лога, меняясь по очереди. И вышли как раз в ложбину, по которой павод-

ковая вода стекала в озеро. С тех пор для меня километр – это расстояние от школы до лога. Правда, позже, добавился ещё один ориентир – сторона квадратного 100-гектарного поля.

Однажды целый день был посвящён природоведению. Ходили пешком на Бобынскую речку, что в 11 километрах от Куспека. Речушка так себе, но на Уварово очень красиво. Скалы, сосны, вода чистейшая, её пить можно было. Моллюски в плоских раковинах на дне жили, всех рыб сверху можно было увидеть, как они плавают. Потом химизация земледелия началась, раковины пропали, траванулись. Скалы и сосны остались, вода вроде тоже чистая, но из живой превратилась в мёртвую. И десятой доли жизни в ней не осталось, что мы тогда на уроке видели. Может сейчас восстановилась? Как в деревне денег на «химию» не стало, так зверьё в лесах и рыба в речках расплодилось.

Сидели за партами по два человека. Сосед по парте – это главное, чем сосед по улице. С кем же я сидел вместе? С Тоной, с Колей Немковым, в старших классах с «Гриней», ещё с кем-то, учителя тасовали нас исходя из каких-то своих, педагогических соображений.

Парты были с откидывающимися крышками, местом для книжек и тетрадей, углублениями для чернильницы и ручки. Когда входил учитель, мы приветствовали его вставанием. Он здоровался и разрешал садиться. Сидеть надо было ровно, со сложенными перед собой руками. В первые годы обычно было четыре урока, чтобы не переутомлять юные организмы. Все тетради и книжки носили с собой в портфеле. Но он не был тяжёлым, как у сегодняшних немецких учеников, которые просто переламываются под его весом и напоминают, скорее, диверсантов, уходящих на задание с полной боевой выкладкой, чем жизнерадостных малышей, машущих портфелями.

Мать сделала всё возможное, чтобы создать приемлемые условия для занятий. В спальне поставили маленький столик, пристроили в угол «смоквинскую» этажерку для книг и тет-

радей, но я этой заботы не оценил, и своё учебное место так и не полюбил. Может потому, что было мало света: электрическая лампочка в 40 ватт светила, но она находилась за спиной, а прямо перед лицом нависала амбразура окна, заваленная со стороны двора чёрным снегом. Снег служил теплоизолятором и его до весны не откидывали. Во-первых некуда, а во-вторых, в очищенное окно дуло. Тепло было главное. Можно было бы поставить настольную лампу, но в спальне не было розетки. Хотя, что это я тут расплакался. Люди в кельях жили, при лучинах читали-писали, и ничего, шедевры создавали.

Дело, наверное, было в том, что я с самого начала не захотел грызть гранит науки в одиночку. Совсем рядом, на кухне, кипела жизнь и я под всяким предлогом пытался туда переместиться со своими занятиями. Мать ругалась, но потом освобождала половину стола, вытирала насухо клеёнку и расстилала газету.

Ну совсем же другое дело: уютно потрескивали дрова в печи, из радиоприёмника звучала весёлая музыка, вкусно пахло готовящейся едой, из зала доносились звонкие голоса беззаботных моих гешвистеров. Так я там и обосновался на последующие годы. А поскольку, как вы помните, стол был не стол, а шкаф, то некуда было девать ноги, и я становился на стул коленями. В этой позе я делал домашние задания первые годы, а потом стал устраиваться «по-египетски», то есть туловище было повёрнуто к столу, а ноги были вытянуты в сторону печи.

Мне трудно сейчас оценить своё тогдашнее прилежание, но, сдаётся, что поначалу я вызывал у матери большую тревогу. И на то были веские основания. Однажды, в конце сентября, я, как всегда, пошёл в школу через лес, но до школы не дошёл, а залез в свою зелёную пещеру и просидел там четыре часа, что-то рисуя в блокноте. *(Прошу обратить внимание на эту деталь, но не на прогул, а на рисование)*. Заметив, что из школы потянулись ученики (многие с нашего края спрямляли путь), я вылез и, как ни в чём ни бывало, пошёл домой. На вопрос мате-

ри: – «Как дела в школе?», – ответил жизнеутверждающе и показал рисунки. Мать оставила меня в покое и пошла во двор. А мимо, как назло, проходил мой одноклассник Костя Кордяк, который по просьбе учительницы громко поинтересовался, почему меня не было в школе?

В большей ярости по отношению ко мне я мать ни до, ни после не видел. Она схватила ремень и хлестала меня по заднице и по спине, пока я не выскочил из дома.

– Как зверь! – вспоминала она недавно и плакала. – Ты уж прости меня, сынок!

А я удивлённо думал, зачем она просит прощения? Ведь правильно тогда сделала: за преступлением неминуемо должно следовать наказание, иначе мир станет несправедливым. Правда, представление о справедливости у всех разное, так, может, сверхзадача религии и состоит в том, чтобы утверждать, хотя бы на словах, какой-то высший идеал, которого достичь невозможно, но он светит в ночи как путеводная звезда? *(Ты смотри, как про ремень вспомнит, так у него в голове сразу прояснение начинается).*

Плохо я начинал, плохо.

Когда почти все мои соученики уже бойко читали, я не мог превращать слоги в слова и, стоя на коленях перед «Букварём», «бекал» и «мекал», вызывая подозрения матери в некоем моём дебилизме. Это «*позднее зажигание*» преследовало меня всю оставшуюся жизнь. Но если уж мотор начинал работать, то он работал как надо.

Однажды она не выдержала моего «мычания» и на перепутье между двумя слогами, которое я никак не мог преодолеть, отвесила мне такой ошутимый подзатыльник, что я от неожиданности впервые правильно произнёс всё слово целиком и, именно с этого момента, научился по-настоящему читать. Умение читать позволило подтянуться по другим предметам и учёба стала в радость. Я постигал предметы через Слово. И мать могла уже без стыда ходить на родительские собрания.

Начальное образование я завершил с «пятёрками» по всем предметам и только по *рисованию* у меня в ведомости стояла «тройка». Предполагаю, что она была «натянута», чтобы не оставлять меня на второй год. Хотя не помню, чтобы кого-то оставляли на повторное обучение из-за рисования. Все худо-бедно могли малевать.

Что же так отвращало учительницу рисования от моего творчества? Ведь я любил рисовать! (*Смотрите выше*.) Но, видимо, какая-то элементарная художественная эстетика не позволила ей переступить через себя.

Спасибо тебе, добрая женщина. Ты спасла мне детство. Золотая медалистка Лида вспоминает о своём с содроганием.

Вот они, парты, вот они, незатейливые букеты, вот они, девочки с бантами, вот оно, 1-е сентября.

Глава 4

ПРО ШКОЛУ

Я не был «упорным Юнсу» и не прикладывал титанических усилий для усвоения знаний. Обладая недостаточной усидчивостью (*«шило в заднице», говорила мать*), домашние задания выполнял наскоро и только в том минимальном объёме, который задавали. Быть бы мне, по справедливости, «крепким» троечником, но судьба наградила меня хорошей памятью, в том числе и визуальной.

– Слушай, Мир, я правильно написал – «Судьба», или лучше будет – «Господь»?

– Вот у них больше забот нет, чтобы твоей памятью заниматься, – ворчливо отвечает он.

– Пиши – «Природа», случайное стечение обстоятельств, к тому же ты сам утверждал, что твоя мать была смыслённой девочкой и, в отличие от тебя, лоботряса, тянулась к знаниям. И что это за «тройка» по рисованию? Ты что, совсем дефективный был?

Лучше не затрагивать болезную тему. Наверное, я им и остался. Сидя в президиумах различных собраний, я рисовал в блокнотах только кинжалы, ножи, мечи и сабли, иногда воспаряя к щитам. Попытка нарисовать человека оборачивалась выводением овала, к которому приставлялась голова и палочки ручек и ножек. Пальцы на них я, как Остап Бендер, пересчитывал с особенной тщательностью. Вершиной моего художественного творчества стал один вечер в Арыкбалыке, когда мы с Володиёй Михедейко, приняв на кухне нашего дома литр на двоих, решили посвятить остаток его интеллектуальному занятию, а именно ри-

сованию гуашью. Поля училась тогда в третьем классе впервые образованной Арыкбалыкской гимназии, так что краски и листы бумаги у нас в доме были.

Володя по памяти нарисовал вид из окна его комнаты на наш дом, почти профессионально (он был талантливым человеком во многих областях), я же создал нечто серо-буро-малиновое, вызывавшее неприятие даже у меня самого, но назвал его – «Восхождение на Фудзияму», что давало мне хоть какой-то шанс перед жюри, в лице Лиды. Слово – великая сила!

Однако, вернёмся к памяти. Именно благодаря ей я смог подняться на ступеньку выше и, неожиданно, стать «крепким» хорошистом, несмотря на неусидчивость. Я понимаю, что данное утверждение необходимо как-то проиллюстрировать, чтобы не возникло впечатления о моём бахвальстве. Нужны доказательства или хотя бы намёки. В чём же выжалось моё «природное» преимущество?

Учебники для школы продавались тогда в магазине, и мать шла и покупала их. Они были копеечны по цене, как и все тогдашние товары первой жизненной необходимости, в том числе и школьной. Уже в июле-августе книги для следующего учебного года стояли на моей этажерке, маня новизной и вкусным запахом типографских красок. Перед книгами я тогда и сейчас испытывал и испытываю благоговение. Они – мой Бог и моя Религия.

Я брал учебник и за несколько дней, не всё понимая, внимательно прочитывал его от начала до конца. Естественно, я веду речь о литературе, истории, географии, биологии и тому подобном. Но и остальные тоже просматривал. И когда начинался учебный год, мне нужно было только вспомнить, где и на какой странице я читал то, о чём сегодня говорил учитель, и что он задал выучить на дом. Я мог мысленно представить страницу учебника, расположение на ней абзацев текста, иллюстрации. Выполнение устных домашних заданий было для меня делом нескольких минут, иногда я просто оставался после занятий в

классе и по горячим следам прочитывал текст, запоминая его надолго.

С физикой, химией, математикой было сложнее, но я изначально интуитивно стал использовать метод «крючочков» – каких-то основных формул, понятий, символов, размещаемых в сознании, на которые можно было навешивать дополнительный материал и получать целостную картину. О том, что метод этот действительно существовал и использовался в преподавании, я с удивлением узнал в 1984 году, во времена секретарства К.У. Черненко, когда с его подачи, как бывшего учителя, в стране началась кампания по поднятию престижа преподавательской профессии. Учителям ощутимо прибавили зарплату, о лучших из них писали все газеты и журналы. В одной из статей я вычитал, что народный учитель СССР Ильин (за достоверность фамилии и звания не ручаюсь) в преподавании математики использовал именно метод «крючочков» и результат был таков, что почти все выпускники школы без проблем поступали в технические ВУЗы.

Существует ещё выражение «разложить всё по полочкам», но, чтобы разложить, надо сначала эти полочки построить и где-то разместить. Каким-то образом мне это удавалось.

Урок русского языка в одной из кавказских школ. Учитель:

– В русский язык слова «сол», «мол» и «бол» пишуца с мягкий знак, а слова «вилька» и «тарелька» – бэз мягкий знак. Запомнитэ это, дэти, потому что панят это – невозможна!

Если летом я жил в лесу, то не будет преувеличением сказать, что зимой, начиная с класса 6-7, почти всё время проводил в школе. И не только в будние дни, но, иногда, и по воскресеньям, когда матери выпадала смена. По ночам школу охранял сторож, а днём по очереди дежурили технички. Мать добросовестно сидела всё утро, пока директор был в кабинете (он приходил обязательно), а когда тот уходил, она звала меня, тщательно инструктировала, передавала связку ключей и шла домой за-

ниматься хозяйством. Никаких особых происшествий за все годы, к счастью, не случилось.

В первый раз я сел в вестибюле возле гардероба на стул и начал смотреть на Ленина. Большой портрет, писанный маслом, висел как раз напротив, рядом с часами и электрическим звонком. Ленин строго шурился и тоже не отрывал от меня взгляда. Не выдержав, я поднялся и пошёл в сторону коридора, вроде бы, как по делам. Ильич повернул голову мне вслед. Спрятавшись за угол я пару минут выждал, потом осторожно выглянул и сразу же наткнулся на его прищуренный взгляд. Ленин был начеку и снисходительно улыбался.

Как он может поворачивать голову, ведь он же не живой, а нарисованный? Меня разобрало уже неподдельное любопытство. Не отрывая глаз от ленинского лица, я медленно переместился влево, в сторону актового зала. Невероятно! Голова на портрете, как на шарнире, повернулась вслед.

До сих пор меня поражает этот феномен, причём свойство относится не только к картинам, но и к фотографиям. Да вы и сами это не раз замечали, что я вам рассказываю? Просто в то воскресенье я тщательно исследовал его.

Связка ключей обязывала, и я, с сожалением отставив эксперименты с портретом, приступал к обходу. В моих руках были ключи почти от всех помещений школы, исключая, пожалуй, только кабинеты директора, секретаря и библиотеки.

В зимнее время могла неожиданно произойти разгерметизация системы отопления («*трубу порвало*»), поэтому периодическая проверка классов и кабинетов была обязательной для дежурного.

Типовая двухэтажная кирпичная (или блочная?) сельская школа представляла из себя вытянутое побеленное здание, к которому с парадной стороны слева были пристроены спортивный и актовый залы, соединённые с основным объектом вестибюлем, где размещалась раздевалка. Хорошее архитектурное решение, учитывающее многообразие школьных занятий.

Территория вокруг школы была огорожена штакетником и на ней устроен сад. Деревья сада были представлены всё теми же старыми добрыми тополями, правда, слева и справа от центрального входа был разбит чахлый казахстанский огород-цветник, за которым всё лето по очереди ухаживали ученики вместе со своими классными руководителями. Воду в большой железный чан завозил водовоз.

Обходить вокруг такую большую территорию никто не собирался, поэтому в саду были протоптаны дорожки, которые упирались в забор, отделяющий школу от Школьной улицы, где-то в районе дома Скоржевских, но верхняя часть нескольких штакетин была обломана и даже первоклассники могли легко перелезть через оставшуюся преграду. Спрямять путь – в крови у человека, так что ничего необычного в этом не было. И дирекция, может быть, пошла бы навстречу людям и устроила бы в том месте калитку, но всё дело в том, что ограду ставили не от людей (их никакой забор не остановит, тем более деревянный), а от скота, то есть коров, телят, свиней, гусей и т.д. Куры не в счёт, они могли взлетать.

Говорят, в Англии, когда устраивают парк в жилой зоне, сначала засевают газоны, высаживают деревья, а потом наблюдают, как жители того района спрямяют и укорачивают свой путь к их целям, протаптывая в траве тропинки. И потом, на основе тех тропинок, выкладывают пешеходные дорожки и делают проходы в ограде.

Умные англичане и глупые русские. Но по английскому парку не бродят голодные коровы и не обглаживают маленькие деревца, оставляя после себя «лепёшки».

Впрочем, школьная ограда только сдерживала натиск скота, не решая проблемы в целом. Они всё-равно находили лазейки, и технички гонялись за ними с палкой.

Давайте посмотрим, как выглядела наша Аканская средняя школа в те годы. Высокое бетонное крыльцо главного («парадного») входа со ступенями, окантованными 5-см металличе-

ским уголком. Площадка от ворот ограды до крыльца заасфальтирована: на ней 1 сентября при хорошей погоде проводилась торжественная линейка, кроме того, осенью и весной там, рядом с крыльцом, ставили длинные железные корыта с водой, в которых ученики мыли свои грязные резиновые сапоги и туфли.

Под зданием школы находился подвал, образованный фундаментными блоками, (я между ними плавал на досках весной, когда школу только начинали строить). В подвале среди прочего хлама хранились до списания поломанные парты, столы, стулья.

Ну вот, слава Интернету, и изображение отыскалось. Фото из новых времён, потому что ограда другая. Главный вход, само здание школы. А слева, их не видно, спортивный и актовый залы. Столб тот же. Если от него идти направо, то через 30 метров будете стоять прямо напротив нашего бывшего дома.

Вокруг здания школы вдоль стен, по всему периметру была уложена полутораметровая асфальтированная дорожка, которая обеспечивала «чистый» проход, по крайней мере на ней можно было стряхнуть с обуви грязь, а кроме того, по ней можно было с большой скоростью мчаться на велосипеде, кою возможность я, как сын технички, пользуясь блатом, часто использовал. Внутренний двор тоже был заасфальтирован.

Поднявшись на крыльцо, мы попадали в небольшой тамбур, служивший защитой от ветра и снега (несчастные двери, как они только выдерживали!), а за ним начинался уже вестибюль, выложенный жёлтой метлахской плиткой. На фоне светлых квадратиков краснели большие цифры «1965», то есть года, когда новая школа была сдана в эксплуатацию. Или «1966», точно не помню.

— А как же твоя хваленая память, в том числе и визуальная? — ехидно спрашивает Мир.

— Да никак! Если что-то видишь перед собой постоянно, просто перестаёшь замечать.

Справа располагалась раздевалка со стоячими вешалками для верхней одежды. Раздевались ученики самостоятельно и никто за вещами специально не следил.

Поглядим, что было налево от вестибюля. Вниз вела широкая бетонная лестница в несколько ступеней, но, ещё до неё, слева были две двери узких комнат, окна которых выходили на цветник, и это были «Пионерская комната» и помещение для хранения спортивного инвентаря. «Пионерская» была резиденцией школьной пионервожатой, которая учителем не считалась, но получала свой оклад от школы. Чаще всего, хотя как можно основываться на статистике одной школы, пионервожатыми становились активные, обладающие организаторскими способностями, красивые выпускницы, которые не смогли в этом году сдать экзамены в педагогический ВУЗ, но о профессии учителя продолжали мечтать. Вспоминаю Любу Немкову и Таню Малюченко. «Пионерская» была открыта во все перемены, там у стендов всегда толпился народ, с интересом рассматривавший кра-

сочные материалы о пионерах-героях, а на большой перемене или после обеда собирались классные пионервожатые, чтобы обсудить какие-то свои «пионерские» вопросы и получить настоящие инструкции. В общем, жизнь кипела и приносила свои положительные плоды.

Плохому не учили, это я вам точно говорю.

Стена за «спортивной» дверью была богато представлена материалами на спортивную тематику. Поскольку надёжно укрепить что-то на бетонной стене было невозможно, то вдоль неё шли деревянные планки, пришитые дюбелями, на которые уже с помощью кнопок крепились типографические листы. Из них можно было узнать о нормах ГТО («Готов к труду и обороне»), выяснить, за сколько минут надо пробежать ту или иную дистанцию, чтобы получить 3-й, 2-й, или 1-й юношеский спортивный разряд. Далее следовали цветные фотографии лучших футбольных команд СССР: меня поражали мускулистые ноги спортсменов, ну, прямо, вздутия какие-то!

Вот вроде мелочь, вся эта информация, а что-то в себе несла, не зря висела. Когда однажды я узнал, что пробежал километровую дистанцию на лыжах не просто так, а выполнил норму 3-го юношеского разряда, мысль об этом согревала меня следующие десять лет, хотя на самой дистанции я настолько замёрз, что мечтал только лишь о том, чтобы как можно скорее добежать до финиша, и там, наконец, укрыться в низине от пронизывающего ледяного ветра. По идее для каждого разряда полагался свой значок, да где их напасёшься на всю талантливую страну. Вроде бы, знак ГТО тем, кто выполнял нормативы, торжественно вручался, но, по другим позициям, были в ходу лишь значки высокого достоинства.

Спустившись по лестнице, мы видели слева маленькую дверь, ведущую в спортзал, и широкие двустворчатые двери актового зала. В спортзал мы заглянем позже, а пока приглядимся к актовому. Это было относительно просторное помещение со сценой и зашторенными большими окнами. Позади него разме-

щалась кухня, где тётя Рая Аширбекова пекла свои восхитительные пирожки, и куда голодные ученики, рискуя сломить головы на лестнице, неуправляемой толпой неслись на большой перемене.

Пионерские линейки и Новогодние ёлки проводились в спортзале, но все другие культурные мероприятия, то есть вечера, в том числе и выпускные, репетиции хора, диспуты, концерты художественной самодеятельности, общешкольные собрания, встречи и т. д. имели место в этом уютном зале.

Теперь вернёмся обратно в вестибюль, осторожно пройдем мимо любопытного Ленина и повернём направо.

Вот она, заветная дверь, где в крошечной комнатухе усилиями учителя физики Сартакова Анатолия Фёдоровича и его технического кружка был создан школьный радиоузел, и где на переменах крутили на всю школу пластинки с песнями в исполнении Муслима Магомаева, Валерия Ободзинского и других популярных тогда исполнителей.

Да, наша школа была радиофицирована, и в каждом классе висел репродуктор, по которому мы могли слушать новости школьной жизни.

Следующая дверь – каптёрка техничек, в которой стояли в углу швабры и сохли тряпки из разрезанных вдоль старых мешков. В ней находился унитаз, единственный на всю школу. Им не пользовались.

Напротив двери комнаты техничек стоял 20-литровый бак для питьевой воды, с краником и, почему-то, ковшиком вместо кружки, остатки воды из которого выливались в тазик. Зимой технички брали воду для мытья полов из системы отопления и выливали грязную на улицу. Впрочем, если вылить её в тот же унитаз, она тоже куда-то уходила, значит, где-то находился септик, и я даже догадываюсь где – за школьной оградой, напротив дома Карпенко.

Далее, в том же ряду, располагалась дверь, ведущая в кабинет труда с верстаками вместо парт, но она мне не очень инте-

ресна. Зато в торце всеми цветами радуги **сияли врата, ведущие в сказочный мир**. Там, за ними, Иван-царевич скакал верхом на волке, чтобы спасти свою невесту, Маленький принц разговаривал с Лисом, король Матиуш думал, как лучше обустроить своё государство, а кто-то предлагал съесть сердце кита, чтобы стать таким же сильным, как он. Руки мои и сейчас дрожат, как будто я снова готовлюсь открыть ту дверь.

Время, время, ты не властно над нами, если мы вспоминаем о том, что по-настоящему любили!

С сожалением развернусь на 180 градусов и пойду в другую сторону.

За радицентром, справа, лестница, ведущая на второй этаж и запасной выход на улицу. Верхний этаж подождёт пока, а я иду дальше по коридору. Надо сразу сказать, что школа была светлой: что в классах, что в коридорах – большие окна, несущие массу света в тёплое время года, но, тусклые, заледенелые, сквозящие в сильные морозы. К счастью, зима тоже не постоянна, она то ударит, то отпустит, а нам и хорошо от положительной перемены, и окна оттаивали. Маленькая радость – тоже ведь радость.

Первая дверь направо – в учительскую.

Вот она, святая святых каждой школы. Незапертый шкаф с рядами классных журналов за стеклом, столы учителей, завуча. Разве простой смертный ученик мог сюда проникнуть просто так? Но я не простой смертный, я при исполнении. Любопытный, я читаю листки, лежащие на столах, выдвигаю ящики, но ничего не трогаю. Мне просто интересно заглянуть в чужой мир, я не собираюсь его нарушать. И классные журналы интересуют только возможностью посмотреть на успехи или неуспехи моих знакомых.

За учительской, в том же ряду, шли классные комнаты, 4 или 5, не скажу точно. Пол широкого коридора и классов был деревянный. Коридор заканчивался дверью, которая сейчас была закрыта, но во время занятий служила запасным выходом. На

стене висели фотографии членов Политбюро, материалы посвящённые 50-летию Октябрьской революции, а за ними типографские листы с портретами дважды Героев Советского Союза с кратким описанием их подвигов.

Проверив батареи, я по лестнице поднимался на второй этаж. Там тоже был такой же широкий коридор с большими окнами и классные комнаты. Кроме того, на втором этаже размещались кабинеты директора школы и секретаря, а так же лаборантская, в которой дежурные получали учебные пособия для уроков. Напротив кабинета директора на стене висела большая школьная газета. Была, конечно, и Доска почёта и другие наглядные материалы, но деталей я не помню.

Вот, собственно, и вся школа. Рядом с ней был построен интернат для отделенческих ребят, котельная на угле и деревянный туалет на шесть очков с каждой стороны.

Классных комнат должно было быть не меньше десяти, иначе, даже занимаясь в две смены, все бы не размещались. В каждом потоке было по два класса – «А» и «Б», то есть всего 20. Это получается около 500 учащихся. Сегодня не набирается и половины.

Снимок из той поры. Слева наша мама, за ней секретарь школы Бевз, в центре жена нового директора школы Набокова, мамин коллега Лоос, а справа – тётя Рая Аширбекова.

Глава5

ОДНОКЛАССНИКИ

Мы прошли школьный путь вместе, порой тесно сближаясь, порой расходясь, но не далее, чем позволяли размеры корабля, перевозящего нас по морю жизни из пункта «А» в пункт «Б». Кто-то, помахав на прощание рукой, сходил на берег или пересаживался на другое судно и исчезал, а кто-то, наоборот, поднимался на борт и присоединялся к нам. Но оставался костяк, который не менялся все десять лет, и я тоже к нему принадлежал.

Может быть, было бы уместней сравнить с кораблём всю школу, но мне кажется, что это неверно. Школа – флот, состоящий из двух десятков кораблей, каждый из которых имеет своё название. Наше судно вначале именовалось «1«а» класс», но ежегодно цифра менялась в сторону увеличения и вот – мы уже выпускники 10-го. Ушли мы – не стало и нашего корабля.

А как же школа без нас?

Да запросто! У неё каждый год пополнение, и рассекает волны новый 1«а» класс и сходит на берег очередной 10-й, забирая на память свой корабль.

Школа как стояла, так и должна стоять. Она – один из столпов, на которые опирается наша жизнь.

Ну, что, вперёд – и с песней! Вернее сказать – назад.

Каждый год в сентябре
Я в свой класс прихожу,
Как приходят домой
После долгой разлуки

С добрым утром, друзья
Я в ладонях держу
Ваши сильные руки...

Тогда, 1 сентября 1962 года, за парты в нашем первом классе село больше 20 человек, возможно, 25, столько же было в параллельном 1-ом «б». И вот скажи ты мне, вроде бы они должны были быть нашими самыми близкими друзьями, ан нет, как называли нас «параллельными», так мы и проучились все годы, почти не пересекаясь до 9 класса, времени школьной производственной бригады, в которой шесть месяцев должны были вместе трудиться. Мы были конкурентами, ревностно следившими за успехами друг друга и рьяно отстаивающими честь своего флага. Плыли мы вместе, тут спора нет, но каждый на своей посудине. И пусть они говорят, что хотят, но наш класс был лучше.

Я уже назвал имена своих одноклассников, запечатлённых на фотографии с будущей монахиней Надеждой Афанасьевой, но там не все, кого помню. Отсутствует такая личность, как Таня Бевз, Петя Гойда, наверно и ещё кто-то. Вот буквально сейчас всплыло в памяти имя – Сидорович.

Из всех нас до десятого класса дотянули Валя Кузьмицкая, Наташа Ситарская, Тоня Скоржевская, Катя Боровицкая, Таня Бевз, Коля Немков, Витя Сайбель, Фанис Шаехов, Рома Шатдинов, и я. Если кого-то упустил, прошу великодушно простить, у меня нет злого умысла.

Учились все по-разному, в зависимости от способностей и отношения к образованию в семье, но изначально в классе образовалась «могучая кучка», которая на протяжении всех лет учёбы задавала тон и на должном (достаточно высоком) уровне удерживала планку усвоения предоставляемых учителями знаний. Мне кажется, они с большей охотой открывали дверь нашего класса, чем параллельного. *(Вот с утра себя не похвалишь, и потом ходишь весь день, как оплётанный).*

Что же это за «кучка», и кто в неё входил?

Секрета нет. Кому надо, помнят о ней до сих пор. Тоня Скоржевская, Витя Гридюшко, Витя Сайбель, Фанис Шаехов, Рома Шатдинов (*ребят называю по алфавиту*) и «примкнувший к ним» Немков. Все поступили в ВУЗы и только путь Коли до главного энергетика строительного треста в плане образования был более извилистым.

Подкрадывается искушение сразу описать судьбу каждого одноклассника, но вряд ли это будет правильным на данном этапе повествования. Лучше покажем её в развитии, а сейчас прощаемся с теми, кто рано сошёл с нашего корабля и пропал из вида на просторах жизни.

Вот стоит первым на фотографии Костя Кордияк и смотрит прямо в объектив. Он белорус, его родители тоже приехали в совхоз «по вербовке», то ли раньше нас, то ли позже, но жили они на нашей Целинной улице, в левом её конце. У него был брат, то ли близнец (тогда он должен был учиться с нами?), то ли погодок, и мы вместе играли в детстве. Помню, пришёл к ним домой, а он стоит над большим тазом и трёт в него на тёрке очищенный картофель.

– Мамка наказала натереть, хочет крахмал добыть, – сказал он виновато, и пока не кончил работу, играть не вышел.

Они потом куда-то переехали, приходили письма соседям. Братья не стали долго учиться и поступили в ПТУ (профессиональное техническое училище), получили специальность автомехаников. Один из них, то ли снимал мотор с автомобиля, то ли устанавливал, но тот оборвался и раздавил насмерть. Ты ли, Костя, лежал внизу, или твой брат, не знаю.

Рядом с Надеждой Афанасьевой стоит амбалистый Сашка Логвин, а на краю его брат Вовка. Учились они ни к чёрту, жили на ингушском краю и помню, как мы в один из осенних дней гнали их лесом к дому, потому что был какой-то внутренний классный конфликт и кто-то должен был взять верх. Я плохо их помню, они хоть и были сильными физически, но не опре-

деляли атмосферу класса. В нём, хочу повторить ещё раз, витала некая интеллектуальность, которая притягивала к себе.

Они тоже, с грехом пополам, добрались до обязательного срока обучения и поступили в Лобановское ПТУ, где, по их рассказам, развлекались тем, что «портили» девок. Дальнейшая их судьба мне неизвестна, видимо, получили рабочую специальность и где-то трудились, потому что тунеядство в стране преследовалось законом. А может они вообще стали ударниками коммунистического труда?

Если на фотографии перед Аней Власовой стоит Тивикова, то единственное, что я могу о ней вспомнить, это то, что её отец работал в совхозе главным зоотехником, потом его куда-то перевели и они уехали. Она была первой, кто принёс в класс шариковую ручку, наверное отец привёз с областного или районного совещания и подарил ей. Мы глядели на ручку как на чудо, потому-что все писали ещё перьями, ну, конечно, не теми перьями, что в начальных классах, а авторучками, но всё равно, пером и чернилами. А тут, вдруг, стержень, паста и шарик на конце.

Первое время учителя запрещали ими пользоваться, особенно малолеткам, потому что считалось, будто они портят почерк. Был ведь целый предмет – правописание и чистописание, в котором чётко определялось, где надо надавить пером, а где отпустить, чтобы буква вырисовалась во всей красе.

Хотя тому, кто царапал, как курица лапой (мне, например), было без разницы, чем царапать. От шариковой ручки хоть клякс на листе не оставалось.

Постепенно победило удобство, но и перьевые не пропали совсем. И немецкие дети начинают учиться писать авторучками, только им не надо засасывать чернила пипеткой, достаточно вставить в ручку пластмассовый патрон. Я сам такой ручкой несколько тетрадей исписал.

Власова Аня. Она тоже жила на ингушском краю. У них был свой дом и отец её демонстративно держал свиней невзирая на угрозы ингушей. Он по своей натуре был бунтарь, причём

бунтарь настоящий, отчаянный, несговорчивый. Мне кажется, ингуши побаивались его непредсказуемости, потому что, когда возник наш конфликт и отец показал рукой на власовских сви-ней, ему ответили, что Власову **можно**.

Володя Руцкий, Петя Сорокин, Витя Смоквин, Петя Гой-да и Володя Громов после 8-го класса пошли работать в совхоз. Первые четверо устроились на стройучасток, а Володя Громов трактористом во вторую тракторно-полеводческую бригаду. Знаю, что Смоквин и Гойда работали в столярной мастерской, где-то там рядом, на пилораме, трудился и Руцкий.

Петя Сорокин впоследствии женился на учительнице, которая уговорила его продолжить образование. Естественно, заочно, но в данном случае важен сам факт, вызывающий уваже-ние к обеим сторонам.

Наташа Ситарская была крепко сбитой девочкой, склон-ной к полноте. Валя Кузьмицкая – наоборот, миниатюрной, не-много кокетливой. Они сидели за одной партой и дружили меж-ду собой. Про будущую судьбу Наташи ничего не знаю, а вот Валя была на встрече, посвящённой 10-летию окончания шко-лы. Молодая красивая женщина, с весёлым лёгким характером. Говорят, когда она переехала в Кокчетав и стала там где-то учи-ться, в неё влюбился главный хулиган района, расположенного за линией, то есть за вокзалом. Слышал, что она рано умерла, не дожив и до сорока лет. *(Вот бы этот слух не подтвердился!)*

Катя Боровицкая после окончания школы работала в школе лаборантом, вышла замуж за Коновалова Володю, трак-ториста К-700 из второй бригады. Вообще, надо расспросить ко-го-то знающего, кто оставался в Куспеке и был в курсе дальней-ших событий. В первые годы ею, безусловно, была Таня Бевз, которая после окончания десятилетки работала библиотекарем в школьной библиотеке и все новости мы узнавали через неё. Впоследствии Таня вышла замуж за Калиопу, водителя автолав-ки, и они во времена Горбачёва стали на селе пионерами в во-просе содержания большого количества скота в личном хозяй-

стве. Я не знаю, что ими двигало, любовь к деньгам или к независимости, но трудились они как проклятые, от зари до зари, не бросая и основной работы. Это было такое переходное предприятие между привычным личным подсобным хозяйством и будущим фермерством. Судя по «Одноклассникам» на сегодняшний день они живут в г. Кокчетаве.

Нет на фотографии Альберта Бартоломея, наверное он пришёл к нам в класс позже, но десятилетку мы заканчивали вместе. Его отец работал управляющим первого отделения и жили они на Советской улице, недалеко от продуктового магазина. В их семье было четверо детей, Альберт и трое девчат. Бартоломей-старший увлёкся другой женщиной и покинул семью.

Оставшись единственным мужчиной в доме Альберт с 13 лет был вынужден всю тяжёлую домашнюю работу принять на себя. Возможно, его тело имело склонность к атлетизму, но к окончанию десятого класса Альберт имел фигуру, позавидовать которой мог любой спортсмен. Его бицепсы и трицепсы (*плохо представляю, что это такое, у меня их не было*) выглядели в 2-3 раза объёмней, чем у всех других моих одноклассников. Только Ромка мог с ним соперничать, но Альберт был выше ростом.

Он ушёл в армию, потом женился на учительнице, работал учётчиком на свиноферме первого отделения совхоза «Константиновский», на каком-то этапе жизни заболел, болезнь съела его, и от сильного тела мало что осталось. Видимо, они с женой тоже переехали в Германию.

В пятом или шестом классе у нас появился новый ученик по фамилии Павлухин. Он был со второго отделения и у него болело сердце. Такой добродушный парень, никогда не сердившийся ни на кого. Сидел на последней парте и периодически зевал. Мы сначала начали над этой его привычкой смеяться, но нам объяснили, что смеяться не надо, это следствие болезни. Мы поняли и не донимали. А через год он умер, и это были первые страшные похороны, на которых мне довелось присутствовать.

С тех пор, когда я непроизвольно зеваю, то сразу думаю:

– Уж не заболело ли у меня сердце?

Да, Красново, Красново. Так называлось село, где жили рабочие второго отделения совхоза. Школа у них была только начальная. Значит они в нашу попадали раньше остальных. Тогда и Дулат Мусенов в наш класс попал раньше аканцев. Интересный парень, я о нём в третьей книге обязательно расскажу.

Ну как тут не поверить, что собеседник Мира сдержал своё слово и стал помогать нам в работе над книгой. Это он на-доумил Колю Немкова выложить фотографии на адрес: **Куспек. Школа**, а меня зайти туда и их обнаружить. Не возражай, Коля, три-четыре сдёрну в качестве иллюстраций к тексту. Моих недостаточно.

*Виктор Гридюшко, Фанис Шаехов, Роман Шатдинов.
Восьмой класс.*

Глава 6

ГЕНЕЗИС

За десять лет я прошёл путь от Иванушки-дурачка до юродивого. Но поскольку оба персонажа испокон веков пользовались на Руси уважением или, по крайней мере, любовью, то и мне этот переход не доставил особых неприятностей, если не считать, что где-то в шестом-седьмом классе я оглох и долго довольствовался только тем, что учителя писали на доске и учебниками. Обычную речь я воспринимал с трудом, а порой не слышал даже самого себя. Это было страшно, но, к счастью, слух восстановился. Глухие, в отличие от слепых, вызывают раздражение. Тогда я научился на всякий случай постоянно дружелюбно улыбаться. Привычка осталась.

Во второй раз глухота настигла меня в 60 лет, но теперь у меня есть слуховые аппараты, которые, правда, тоже не решают всех проблем. Однако без них было бы вообще тоскливо.

Возможно, кому-то из читателей резануло слух слово «юродивый», не беда, заменим его на «блаженный», это синонимы.

Юродивый – аскет-безумец. Чудаковатый, глуповатый (преисполненный юродства), непрактичный, неприспособленный к жизни.

Блаженный – в высшей степени счастливый, не совсем нормальный (юродивый), святой. Живёт в полном неведении о чём-нибудь плохом, неблагополучном (в блаженном неведении). Я сейчас говорю не о религии, я говорю о **вере**. И говорю именно о юродстве, а не об инфантильности, как некоторым продвинутым читателям может показаться.

Если вы думаете, что тут перед вами распускают хвост и перья, то вот такой факт. Когда я учился в институте, девчата нашей группы к 23-му февраля выпустили стенгазету, в которой к фотографическим изображениям лиц ребят пририсовывали тела, отражающие, по их мнению, нашу характерную сущность. Братья Кролевцы бугрились накаченными мышцами, Вася Трусов в трико катил куда-то футбольный мяч, я же, в длинных белых одеждах стоял босыми ногами на облаке, а над головой моей зависал нимб.

У глубоко почитаемого мною поэта Николая Глазкова есть стихотворение, которое называется «Боярыня Морозова».

Чтобы его проиллюстрировать, привожу здесь репродукцию той самой картины, что вдохновила его.

Несуразность этой параллели
Пусть простят мне господа философы.
Помнишь, в Третьяковской галерее
Суриков – «Боярыня Морозова»?

Правильна одна из двух религий,
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
Он старообрядец и юродивый.

Он аскет. Ему не надо бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы, –
Он раздет, разут, но не простудится.

У него горит святая вера,
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.

Что ему церковные реформы,
Если даже цепь вериг не режется?..
Поезда отходят от платформы, –
Ему это даже не мерещится!..

Там дальше идёт продолжение, но я остановлюсь здесь.

Сам Суриков вспоминал, что нашёл «своего» юродивого на московском базаре, где тот торговал огурцами. Попросил позировать, на что мужик охотно согласился. Художник заплатил ему 3 рубля (большие по тем временам деньги). Тот тут же нанял лихача на полдня за 1 р. 70 коп. и поехал кататься по Москве.

Каждый человек во что-то верит: один – в силу, другой – в деньги, третий – в Бога, четвёртый – в сатану, пятый – в разум, шестой – в судьбу, седьмой – в удачу и так далее. Бывает так, что на протяжении жизни приоритеты меняются, но вера – отличительная черта homo sapiens, человека разумного.

Моё юродство или блаженство (как хотите), заключалось в том, что я свято верил в доброту, справедливость, правду,

светлое будущее нашей страны и народа, но я догадывался, что достичь его можно только упорным созидательным трудом. А с теми, кто не разделяет этих принципов и вставляет палки в колёса, надо бороться, вплоть до высшей меры по законам военного времени. Меньше думать о себе, больше о Родине, а она тебя не забудет. «Готовься к великой цели, а слава тебя найдёт».

Скажите – дурачок; о себе надо в первую очередь думать, о своих близких, страна большая, как-нибудь перебьётся. И по большому житейскому счёту вы будете правы. Но истина ваша – малая, повседневная, а есть куда более величественные, которые возвышают человека и ставят его на одну ступень с богами. Счастлив тот, кто хотя бы приближался к этому состоянию. *(Он что, там бывал? Неоднократно. То-то от него жёны бежали куда глаза глядят.)*

«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для своей страны». Это не Хрущёв сказал, это сказал американский президент Джон Кеннеди.

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества. **И надо спешить жить.** Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её».

Этот отрывок из книги Николая Островского «Как закалялась сталь» люди моего поколения подряд не читают, думают, что знают его наизусть, что, в общем-то, недалеко от истины: в школе его заставляли заучивать. А вы не пропускайте, вдумайтесь в слова с высоты прожитых вами лет, если вы не гниды. Ведь всё верно думалось тогда Павлу на кладбище у братской могилы и не фанатичная ярость рождала его мысли, а грусть, великая грусть. И тот, кто жил на острие и находился на передовой (трудового, трудового фронта) смело и открыто смотрит се-

годня в глаза другим людям, а что касается идеи про «освобождение человечества», то и она ведь во многом осуществилась благодаря СССР. Капиталистический мир был так напуган созданием первого социалистического государства, что во избежание протестов своих рабочих вынужден был повышать их заработную плату, которая составляет сегодня в развитых странах до половины стоимости товара, в то время, как в самом СССР она находилась на уровне 20-25%. Правда, плюс к этому бесплатное жильё, образование, здравоохранение, отдых и санаторно-курортное лечение. Богатые поделились с бедными частью своих доходов. Это было в 50-е, 60-е, особенно в 70-е годы. *(Ну, наверное было чем делиться?)*

Все книги в мире относятся к какому-либо разделу, чтобы легче было искать. Крими, детективы, фэнтези, женские романы и прочее. Американцы перевели и издали «Как закалялась сталь», отнеся её к разряду «биографии инвалида», чем вызвали, разделяемый мной, протест советской стороны. Но капиталистический мир проще, в нём меньше идеологии, они даже не поняли сути претензии.

Итак – юродивый. Хотел бы я, чтобы таких юродивых школы выпускали побольше. Мы были продуктом своего времени, сегодня критерии жизни изменились. Я их не знаю, могу только догадываться, поэтому промолчу. Скажу только, что таких, как я, было большинство и школа выполняла свою важнейшую задачу, сея в наших душах семена «разумного, доброго, вечного». У кого-то они взошли, созрели и дали плоды, у кого-то так и остались ростками, а у некоторых погибли под воздействием неблагоприятных погодных условий, без живительной влаги, а то и просто были съедены вредителями или забиты сорняками.

«Человек – это не только он сам, это ещё и его обстоятельства».

– Так может быть, вы, святой отец, партийный? – блеснув эрудицией тактично прерывает мой монолог Мир.

– Ну обидно же, пишешь о том, что действительно ощущал, и, вроде как оправдываешься. Перед кем? Перед мещанами, которые сегодня на коне, потому что восторжествовала их мелочная идеология? Знаешь, что сказал Довлатов про мещан:

– Мещане – это люди, которые уверены, что им должно быть хорошо.

– Знаю я Довлатова, знаю и тебя теперь. Тоже мне идеологи нашлись: один в Америке помер, другой в Германии мемуары про бывшую страну пишет. Да не взъерошивайся ты, не взъерошивайся, я всё прекрасно понимаю и даже рад за тебя, поверь. Если ещё напишешь, что убеждения твои за последующие годы не изменились, то я сам буду стирать пыль с облака, чтобы ты своих ног не замарал. Но ведь изменились же, не могли не измениться, если ты вовремя не помер на «острие атаки»? Давай, признавайся, иначе я перестану тебе верить.

– Изменились, конечно, но не намного. Мудрость со временем пришла, понимание, что могут быть и другие представления о жизни, её условиями сформированные, но это совершенно не значит, что я должен тут же отказываться от своего мировоззрения. Я что, пыль на ветру, чтобы каждый хер(р) мне пенял? У меня своя основа есть, и как я её изменяю, это моё личное дело.

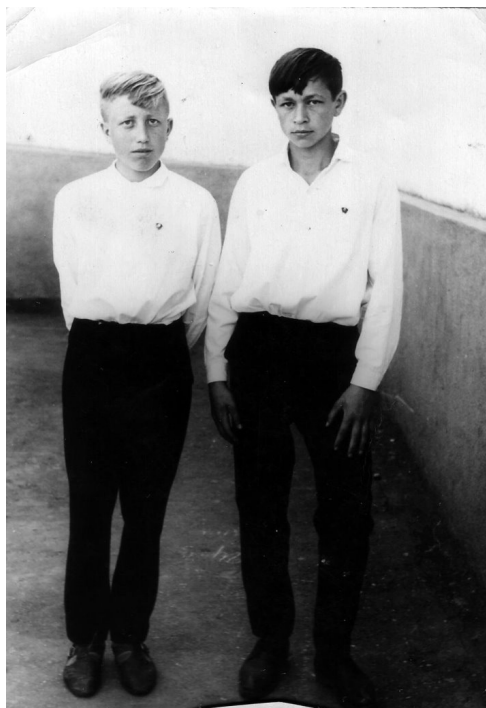
Подойди, потрогай, всхлипни и отойди!

(Молодец, Джордано Бруно, самое время тебе на костёр, только не заверещишь ли ты на нём?)

– Слушай, а ведь это идея! Расскажи, пожалуйста, поподробнее, как ты умудрился стать «ненормальным», когда времена твои называют застойными, а поколение потерянным? Ведь не может человек в эпоху уныния просто так воспарять к вершинам духа? Да и было ли у вас уныние, как его некоторые тогдашние «нормальные» сегодня описывают? Давай, это может быть интересно. Поверь, я весь внимание.

– А что, – подумал я. – Тема хоть и сложная, но заманчивая. Есть смысл покопаться в памяти и выявить те вехи, кото-

рые стали определяющими в формировании моего мировоззрения. Ведь оно, наряду с жёнами, в сущности, определило мою судьбу. Я никоим образом не утверждаю, что оно являлось идеальным. В студенческие, да и в последующие годы, я встречал десятки, если не сотни, людей, которых считал лучше себя, и всё потому, что наряду с хорошей нравственной позицией они обладали ещё хоть и небольшим, но жизненным опытом, который делал их мудрее. Я, к сожалению, им не обладал, и это стоило мне в дальнейшем многих ошибок.

На этом фото я с Володией Шафоростом из параллельного класса. Снимок омрачает воспоминание о том, что Володя приезжал ко мне в совхоз с просьбой помочь ему шпалами для строительства дачи, но я вынужден был отказать.

Глава 7

КАК СТАНОВЯТСЯ «ИДЕЙНЫМИ»

Времена не выбирают
В них живут и умирают,
Большей пошлости на свете нет,
Чем клянчить и пенять,
Будто можно те на эти,
Как на рынке поменять.

Это неправда, что потребности человека сводятся только к созданию максимального личного благополучия.

В важнейшие входят ещё потребности созидать и разрушать, открывать и отрицать.

А иначе не было бы ни героев, ни фанатиков, ни первооткрывателей, ни святых.

И смысл жизни заключается в том, чтобы осознать и ощутить свою причастность к свершению некоего великого дела, нужного твоей стране или всему человечеству.

Слова не мои, и надо бы их «закавычить», но смысл настолько мне созвучен, что я не стану этого делать.

– Человек устроен так, что ему непременно нужно оправдывать своё существование, определять смысл своей жизни.

Так Станислав начинает «Похищение Европы».

Итак, господа-товарищи, приступим к вскрытию. Сразу вопрос на засыпку:

– Почему при всех равных условиях один человек вырастает пессимистом, а другой – оптимистом?

В семье было двое детей – пессимист и оптимист. Приближался праздник. Решили родители их «уравнять» и приготовили подарки: пессимисту деревянную лошадку, а оптимисту – кучку...навоза.

Утром дети просыпаются.

Пессимист:

– Ну-у, лошадка-а-а... Маленькая, а я хотел большую. Коричневая, а я хотел серую в яблоках... Деревянная, а я хотел живую-ю...

Оптимист:

– А ко мне живая приходила! Только она убежала!

Без сомнения я был и, пока что, остаюсь оптимистом. Подлинный оптимизм покоится не на убеждении, что всё будет хорошо, а на убеждении, что не всё будет плохо. Кстати, оптимисты очень полезны в качестве наёмной рабочей силы, поскольку они нетребовательны и трудолюбивы.

В формировании сознания очень важную роль играет повседневное окружение ребёнка и, в первую очередь, семья. Наши родители уважали государство и уважение было совершенно искренним. Это была их родная страна, Отечество, которое обеспечивало им мирную жизнь, давало возможность спокойно трудиться и пользоваться результатами своего труда.

– Справедливая страна, – говорила мать.

Впрочем, о политике в доме никогда не распространялись. Жизнь с каждым годом становилась всё лучше, а если возникали какие-то неурядицы, то к ним относились с пониманием.

На майские и ноябрьские праздники мать шила из принесённого отцом кумача флаг и он, приладив древко, укреплял его на коньке крыши. Не все вывешивали флаги, далеко не все, скорее единицы, но тем приятнее было мне смотреть на наш дом.

Потом эту инициативу запретили, поскольку некоторые люди флаги вывешивали, а снимать ленились, и те, утратив со временем цвет, белели на крышах, пока ветер не раздирал их в клочья.

Мне кажется, что и на праздничные демонстрации отец ходил с удовольствием, по крайней мере я не помню каких-либо нареканий и возмущений по этому поводу, тем более, что идти было недалеко: от МТМ или отделенческой конторы до площади между клубом и центральной конторой, на которой проходил митинг. Там мы с ним и встречались, поскольку школа тоже представляла колонну, и вместе слушали выступавших с трибуны (украшенный кумачом кузов грузовика), из которых мне особенно запомнился тогдашний председатель рабкоопа Капаров, маленький плотный казах с наградами за войну, который не мог правильно выговорить слова «от имени» и кричал «отыменно».

Не было противоречия между тем, чему нас учили в школе и тем, что мы наблюдали дома.

Не было злобной зависти и ненависти ни к кому. Не ловчили, не обманывали, не рвали из рук других. Полагались на свои силы, за помощью в совхоз обращались только в случае крайней нужды.

В материальном плане называть нашу семью бедной – нельзя. Хотя отец обычно получал оклад 130 рублей, но он каждый год участвовал в уборке урожая в качестве комбайнёра, где в силу своих способностей мог неплохо заработать, иногда получал в конце года бригадные премиальные (доплату), мать тоже приносила свою, хоть небольшую, но постоянную зарплату. Помогало подсобное хозяйство. Тем не менее машину «Москвич» по очереди родители смогли купить только в самом конце 80-х, а до этого имели мотоциклы с коляской, сначала «Иж», потом «Урал», приобретённые с рук. Всё-таки трое детей – это расходы, а ещё надо сказать, что в первое десятилетие нашей жизни в Куспеке было предпринято несколько гостевых поездок всей семьёй, в том числе и в Польшу.

Мать страстно хотела, чтобы мы хорошо учились и **«стали людьми»**. Это потом она с горечью скажет, что институты забрали нас от них и горечь эта мне понятна. Они остались одни и с тоской глядели на тех жителей Куспека, которые пород-

нились между собой и по праздникам чинно ходили в гости к сватам и детям, а дети с внуками к ним.

Хотя завидовать можно только дружным семьям, от иных бывает только стыд перед людьми.

А у отца была ещё и своя печаль. И этой печалью был я.

Каждый молодой отец мечтает о том, чтобы его первенец стал таким, как он сам. Можно и лучше, но это не обязательно. Главное, чтобы он усвоил ту философию жизни, которая уже существует, и которую ему передал его отец, а тому – его и так далее.

Назовём её *«Заветом предков»*.

Наш отец был крестьянином в самом лучшем смысле этого слова.

Он твёрдо усвоил, что для того, чтобы хорошо жить, надо много трудиться и бережно, с любовью относиться к животным, которых держишь в своём дворе. Наблюдая за ним я видел, с каким тщанием он делал всё, чтобы коровы и свиньи чувствовали себя комфортно, как он всё время что-то мастерил, пристраивал, перестраивал, подгонял, переделывал. Когда он садился на ясли, корова с благодарностью клала свою голову ему на плечо и он был счастлив от этого, гладил её по шее, пошлёпывал по спине и бокам. Когда он, управившись, выходил из сарая, лицо у него было таким умиротворённым и просветлённым, как будто он вышел из церкви.

Именно это он и хотел мне передать: в первую очередь быть радивым хозяином, какими были он сам и наши предки, а всё остальное приложится. Любовь к крестьянской традиции хотел он мне привить. Я должен был у него учиться и радоваться, что меня учат хорошему.

В идеале сарай должен был стать для меня таким же священным местом, каким он был для него и сонма незримо толпившихся за спиной прародителей, местом, где крестьяне совершают свои таинства. Вымышленный Иисус не в хате родился, в хлеву!

Как и большинство отцов он испытал разочарование. Он не учёл поправку на время. Поначалу всё вроде бы складывалось самым наилучшим образом. Когда отец навеселе (а все большие хозяйственные проекты он планировал только в возбуждённом состоянии), начинал азартно ходить по двору и что-то мерить шагами, я тут же в знак солидарности и на правах старшего мужского помощника подбегал к нему и мы вышагивали вместе.

Мать очень любила смотреть на нас в эти минуты, поскольку будущее предприятие сулило ей очередное облегчение домашнего труда. Она была избалована техническими приспособлениями, которые устраивал отец. Через много лет мать скажет мне по поводу колодца, стоящего во дворе дома родителей Алексея, из которого тягали воду ведром, привязанным к верёвке:

– Сколько лет прожили, а ворота так и не придумали.

Отец был рад видеть моё соучастие, но учить меня в силу малолетства было ещё рано.

Потом оказалось поздно.

Он вострепнулся, пытался было надавить на меня, но, в силу своей врождённой деликатности и моего неприятия насилия, не смог этого сделать.

Только не надо здесь сейчас вскакивать и кричать, что вот он, глядите – лентяй, сам признался, а мы в его годы...

Я не знаю, что вы делали в мои годы. Я знаю, что довелось делать мне. Свои первые 97 копеек я официально заработал в 9 лет. Потом каждое лето подряжался на месяц, а то и дольше, в женскую бригаду на прополку капусты. Платили там немного. А работа была нехорошая – на постоянном солнцепёке, в пыли. Когда косили кукурузу на силос или злаково-бобовую смесь на сенаж, по протекции отца устраивался во вторую бригаду «раскладчиком-топталыщиком»: надо было в движущейся рядом с комбайном тракторной тележке или машине вилами разравнивать массу и притаптывать, чтобы больше вошло. Вертели с

напарником в кузове как черти на сковородке. Трактористы разные были, одни с опытом, другие только учились под хобот сенажного или силосного комбайна подстраиваться. И опять целый день на жаре, рубаха вечером колом стояла от пота и грязи. Это в 12-13 лет. Сезонно. Полулегально. Но зато обедали с мужиками в бригадной столовой и это было круто.

В 14 лет я получил от профкома совхоза официальное разрешение работать, но только шесть часов в день. И тут же устроился на стройучасток, где, наряду с разными работами, в основном трудился в кирпичном цехе. Запомнилось, как разгружали и нагружали лопатами цемент из машин и в машины в складе. Долго потом отхаркивался серой слюной.

Родители никогда не препятствовали моим трудовым порывам, может быть потому, что сами были с малолетства запряжены в лямку. Зарплату за меня получала мать и она шла в «общий котёл». У меня и мысли не было какую-то часть забрать себе.

Я и помощником комбайнёра с отцом потрудился, не к ночи будь Горбачёв помянут.

И вот такой ещё момент интересный. Где бы я ни работал в те детские годы, я ни разу не встречал рядом с собой своих одноклассников. Родители не пускали их: боялись, что может несчастный случай произойти, да мало ли что, и дома работы хватает и детство надо соблюсти. Только с Таней Бевз и Колей Немковым на стройучастке перехлестнулись.

А я вот просто рвался на работу, причём не на домашнюю, которую никто не отменял и которую тоже приходилось исполнять, а именно на общественную. Мне стыдно было три месяца каникул сидеть дома.

– Перед кем стыдно то? – удивляется Мир.

– Не знаю. Просто стыдно. Возможно, перед ребятами, которые работали. И мне нравилось приходить с работы домой грязным и усталым, и чувствовать к себе уважение. Здесь много нюансов, какого-то однозначного ответа нет.

Лентяем я никогда не был. Их вообще в деревне по определению не может быть, среда не та.

Я выполнял всю работу, которую мог по силам выполнять, и свой кусок хлеба зарабатывал. Вся моя вина перед отцом заключалась в том, что я работал как подёнщик, а не как хозяин. Я просто выполнял свои обязанности, плохо ли, хорошо ли, не знаю и никакой благодати от работы во дворе не испытывал.

Рутинная работа – напоить зимой скот.

Несколько раз, когда мы работали вместе, я замечал на себе его испытующий взгляд, но не придавал ему значения. Мало ли что?

Развязка наступила неожиданно. Я поначалу даже не понял, о чём идёт речь.

Было мне лет 13-14, мы были вдвоём в сарае и чистили клетки. Он у свиней, я в загородке у телёнка.

– Чего морду воротишь? Не нравится, как воняет? – услышал я вдруг непривычно злой окрик отца.

Вздвогнув, я очнулся и сообразил, что стою опершись на вилы и повернув голову в сторону окошка. Не помню, о чём я задумался в тот момент, может вспомнил прочитанную недавно книгу, может о чём-то грезил, а может сочинял очередное стихотворение. Многие в таком возрасте сочиняют, не миновало это поветрие и меня.

Я виновато улыбнулся, но на отца моя улыбка не подействовала. Видимо, чаша его терпения переполнилась и ему нужно было выкричаться. Я, грешным делом, даже подумал, что он меня сейчас ударит.

– Смотри, какой культурный, не нравится ему, как навоз воняет! – кричал мне отец прямо в лицо. – А я вот люблю его!

С этими словами он захватил голой рукой кусок коровьей лепёшки, поднёс к лицу и с деланным наслаждением затянулся.

– На, нюхай, нюхай! – совал он руку к моему носу, но я отвернулся.

С той поры какая-то тень пролегла между нами.

И не в навозе было дело, этим запахом я тоже не брезговал.

Отец, видимо, винил меня за то, что я не оправдал его надежд, но он винил и себя за то, что где-то упустил меня. Василии, Игнаты и Мефодии недовольно бурчали за его спиной и он виновато сопел.

Видя, что из меня доброго хозяина уже не получится, отец переключил свой уязвленный педагогический талант на Сашку, в коем преуспел больше, но ожидаемых плодов так и не увидел, поскольку тот стал в скором времени горожанином. Родственную душу он обрёл только в своём внуке Пашке, но тот не

принадлежал ему, у него были собственные родители, с которыми тот тоже жил в городе.

– Я тебе, конечно, сочувствую, вернее, твоему отцу, но при чём здесь «идейность»? – не выдерживает Мир.

– А при том, дорогой товарищ, что «идейному» человеку, образно говоря, навоз с общественной фермы пахнет вкуснее, чем со своего собственного двора. В этом их отличие от «нормальных» людей.

Да, идейность, идейность...

Одна из разновидностей юродства. Крайний случай проявления убеждений. Во многом, конечно, книги виноваты, а также газеты, журналы, телевидение и кино. Хотя и жизнь свои коррективы вносит.

Они могут такого морального уroda слепить, что любого посмотреть. Идеи ведь разные бывают.

– Ученье – вот чума, учёность – вот зараза, – или как там ещё мудрый Фамусов говорил?

Раз уж речь зашла о печатном слове, вспомню я наш синий почтовый ящик, прибитый к прожилине ограды, который почти всегда был полон.

Как любил я этот запах газетной бумаги и типографской краски, особенно зимой, в бураны, заноса почту в дом (прости, отец), как дрожали мои руки, когда я разворачивал газеты и журналы, а потом с упоением читал!

– Странно, твои мать и отец имели в силу объективных причин начальное 4-х классное образование, а ваш синий почтовый ящик был всё время полон?

– Не только полон, дорогой мой Мир, он бывал порой переполнен. Почтальонша была вынуждена просовывать газеты между штакетин. Сейчас я расскажу об этом.

Подпиской в нашем доме ведала мать. Это она осенью ходила на почту и оформляла квитанции. Мы делали заявки.

– Семьдесят рублей! На что? – тоскливо повторяла она, вернувшись. – Ещё этот коммунист сраный со своей партией.

Да, отца в 1969 году приняли в партию. Он не напрашивался, но ему предложили и убедили. А кого в неё ещё принимать, если не таких как он?

Здесь всё было правильно и мать даже находила в этом положительный момент:

– Теперь не будет пьяным по селу на мотоцикле ездить.

Но ей не нравилось, что если раньше он все деньги приносил в дом, то теперь у него из зарплаты высчитывали до 3% взносов (там была прогрессивная шкала взимания в зависимости от суммы). В урожайный год с хорошей доплатой их могло набраться более 100 рублей, хотя, обычно, было меньше. А ещё эти собрания, политзанятия по вечерам и обязательная подписка на журналы, которые никто не читал.

– Надо, мать, надо! – укрепляли мы её. – В школе сказали, чтобы выписывали для общего развития.

Перед нашим общим развитием она не могла устоять и, скрепя сердце, успокаивалась до следующей осени.

Обязательно выписывались районная газета «Знамя труда» и областной «Степной маяк». Ну, это не удивительно, каждому интересно знать, что происходит в тех краях, где он живёт, к тому же в «Маяке» публиковалась телевизионная программа.

Отец подневольно выписывал журнал «Коммунист» и газету «Правда», чередуя их ежегодно с «Политическим самообразованием» и «Известиями», которые под пристальным взглядом матери обязательно пролистывал, лёжа вечером на диване. Он из центральных изданий уважал «Труд» и толстый журнал «Нева», который позже, с моей подачи, был заменён на «Новый мир».

Перечень наших детских и школьных изданий включал всё интересное, что выходило в стране. Мы (сначала я, потом Саша, потом Людя) начинали с «Мурзилки», а затем, по мере взросления, выписывали газеты «Дружные ребята», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журналы «Пионер»,

«Костёр», «Молодая гвардия», «Смена», «Крокодил», «Техника молодёжи», «Знание – сила». Может что забыл, да это не столь важно. Главное, что в доме всегда было что читать. В редакцию «Костра» я отослал подборку своих стихов. Их не опубликовали, но через какое-то время я получил на почте объёмистый пакет, в котором на двух десятках страниц была напечатана подробная рецензия на них, очень доброжелательная.

Мать тоже выписывала себе «Крестьянку» или «Работницу», к ним вкладышами прилагались выкройки. Пару лет выписывали «Огонёк», но он как-то не пришёлся у нас ко двору. В доме больше любили читать, чем смотреть.

Ну и, конечно, книги. Мы не выписывали многотомные приложения к журналам, к тому же «Огоньку», например. Это было бы уж слишком для нашей семьи, не имеющей книжной традиции, но завсегдатаями библиотек мы стали. Сашка не очень, а вот Люда пошла по моим стопам.

Сначала я прочитал все сказки, которые были в школьной и совхозной библиотеке. После них я долго не хотел читать что-либо другое, но сказок на всю жизнь не хватает.

Затем настала очередь приключений и путешествий, исторических вещей, фантастики, рассказов и повестей для детей и юношества.

В детской литературе я покопался изрядно, можете поверить мне на слово. Естественно, речь идёт о тех книгах, что предлагал фонд совхозной библиотеки. Возможно, он, по сравнению с городскими, был недостаточным, но мне его хватило с лихвой. Ведь нельзя прочесть все изданные книги, нужно сосредотачиваться на главных, выдержавших испытание временем. А они у нас на полках стояли. Правда, о существовании Сельмы Лагерлёф я узнал только к тридцати годам. К моменту окончания школы моим любимым писателем стал Антуан де Сент-Экзюпери:

– Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастли-

вы. Тогда лишь мы сможем жить и умирать спокойно, ибо то, что даёт смысл жизни, даёт смысл и смерти.

Отец, обязанный посещать партийные и совхозные мероприятия, которые обычно проходили в клубе, записался в библиотеку и регулярно приносил оттуда, мне на радость, книги. Обуреваемый любопытством, что же он читает, я на время откладывал свои и набрасывался на его литературу. Остались в памяти «Сыновья Большой медведицы» Фенимора Купера, романы про Ермака и Богдана Хмельницкого и «Алитет уходит в горы» Юрия Рыхтеу. В последней меня поразил эпизод, когда, зная, что предстоит голодная зимовка и запасов на всех не хватит, дети отводили родителей на свои северные кладбища и душили их там сыромятным ремнём. Старики не сопротивлялись, наоборот, для престарелого отца делом чести был факт, что его задушит не кто-нибудь чужой, а родной сын.

Серьёзной классической литературы я не читал. В ней описывалась неведомая жизнь с её страстями и заботами и мне не хотелось в неё вникать. Своё детство я хотел отбыть до конца.

Я не читал и того, что нам на уроках литературы читать предписывалось. Суть произведений и характеры героев в учебниках были представлены настолько подробно, что мне этого с лихвой хватало для хорошей оценки. Я мог *додумывать*.

Возможно, дело было в упрямстве. Как и многие другие люди я не желал брать то, что назойливо навязывали. Происходило отторжение, абсолютно неправомерное и несправедливое по отношению к писателям и их книгам, но оно имело место. Я не признавал авторитетов. И это всё на фоне преклонения перед печатным словом. (*Неувязочка вышла, гражданин начальник.*)

Но *волшебством*, разлитым на страницах классики, я наслаждался в полной мере, правда, встреча наша произошла на 20 лет позже предписываемого срока и продолжается до сих пор.

Обычно человек читает какое-либо произведение один раз в жизни и исключения редки. Разве может понять 15-летний

пацан, что хотел сказать Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин своим произведением «Господа Головлёвы», если тот сам этого не знал и напоминает змею, которая от злобы, за неимением подходящей жертвы, жалит свой собственный хвост.

Ещё и иллюстрации эти гадкие, что «Иудушку» изображают. Можно и не читать: увидел физиономию и сразу всё ясно для школяра.

Я сию книгу внимательно прочёл на исходе пятого десятка своих лет и понял, что «Иудушка» (Порфирий Владимирович Головлёв) есть в ней единственный (не считая матери Арины Петровны) положительный герой, рачительный хозяин, на котором земля русская держится. Да и того под конец спаивают.

Вы не кичитесь своим образованием и перечнем книг, которые прочли согласно школьной программы. Вряд ли вы их тогда правильно поняли.

Классика многомерна. Её надо с годами перечитывать заново, а лучше читать вовремя. Потом ставить книгу на видное место и благоговейно здороваться с ней по утрам.

А вот щедринские «Сказки» и «Историю одного города» можно читать и не дожидаясь шестидесяти лет. Чудо как хороши!

В тридцать лет я понял, почему Маяковского по праву называли лучшим поэтом нашей эпохи.

В тридцать пять прикоснулся к солженицинской глыбе и, благодарный, прочёл почти всё, что он написал.

В сорок лет плакал счастливыми слезами понимания над гоголевскими страницами.

В сорок пять встретился со своим старшим братом, которого звали Дон Кихотом и те неторопливые беседы бережно храню в личной сокровищнице самых содержательных дней жизни.

В пятьдесят с упоением прочёл «Войну и мир», уже понимая философию Толстого, и сознавая, что она не так уж и безупречна.

А вы свою попробуйте создать. Универсальную. Чтобы каждому подходила, начиная с подлеца и кончая праведником.

В пятьдесят пять по-настоящему восхитился Некрасовым.

Сейчас с наслаждением читаю огромный фолиант «Русской истории» Василия Осиповича Ключевского и ещё пять «серьёзных» книг. Это у меня привычка такая, чтобы мозг в тонусе держать.

А между ними прошелестели страницами сотни и сотни, а, может, и тысячи, прекрасных, умных, добрых и весёлых книг из сокровищницы русской и мировой литературы. Хотя и ерунды было предостаточно. Колоссальна разница между рядовым и великим писателем. Кто же отделит зёрна от плевел, пока не прочтёт? Хотя, скажу честно, книги «второго» и «третьего» порядка тоже нужно читать, чтобы понять величие первых. Да и людей не хочется обижать. Старались, писали. Вот и я тужусь.

А может, я какой недоразвитый был, что не мог в школе читать классику? А все остальные выросли как положено и за просто разбирались в дворянской жизни, лишних людях, героях того времени и знали, кто виноват и что делать?

Я и сегодня то этого не знаю.

Ну и чёрт с вами, зато, надеюсь, я получил от одинаковых книг большее удовольствие, чем вы. Хотя, наверное, в этом вопросе я принципиально не прав. Где ещё можно прикоснуться к классике, как не в старших классах школы? Ведь после её окончания подавляющее большинство перестаёт читать серьёзные вещи, ограничиваясь детективами и любовными романами.

Надо как-то выбираться из темы. Всё равно никто не знает, почему люди разными получаются. Скажу только, что на меня особенно сильное воздействие в старших классах оказало несколько вещей.

Телеспектакль «День за днём» по сценарию Михаила Анчарова, после которого я понял, как надо жить, чтобы не было стыдно хотя-бы перед самим собой. И ещё эта великолепная

музыка Ильи Катаева, песни, слова которых я запомнил с одного раза. Такого никогда со мной больше не было:

Губы девочка мажет в первом ряду
Ходят кони в плюмажах и песню ведут
Про детей и про витязей и про невест
Вы когда-нибудь видели сабельный всплеск?..

и ещё

Ты припомни Россия, как всё это было:
Как полжизни ушло у тебя на бои...

Песня из кинофильма «Зайчик», где были такие слова:

Если ты, человек,
Так бесследно уйдёшь,
Для чего ты живёшь...

Песня из кинофильма «Сыновья уходят в бой» Владимира Высоцкого, которая называлась «Песня о новом времени», но, в этом случае, я думаю, сыграли роль мои белорусские гены:

И ещё будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на *своих* и *врагов*...

Я ещё не видел фильма, у нас была только пластинка, купленная в нашем магазине «Культтовары», но когда песня звучала, я забывал обо всём на свете, скручивался как пружина и потом долго не мог отойти. Без сомнения, это была *моя* песня.

Позднее, в студенчестве, к ним прибавилось стихотворение Вл. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным»:

Товарищ Ленин, я вам докладываю
Не по службе, а по душе.
Товарищ Ленин, работа адская
Будет сделана и делается уже.
Освещаем, одеваем нищ и оголь,
Ширится добыча угля и руды...
А рядом с этим, конечно, много,
Много разной дряни и ерунды.
Устаёшь отбиваться и огрызаться.
Многие без вас отбились от рук.
Очень много разных мерзавцев
Ходят по нашей земле и вокруг.
Ходят, гордо выпятив груди,
В ручках сплошь и в значках нагрудных...
Мы их всех, конечно, скрутим,
Но всех скрутить ужасно трудно...

И, конечно, «Свет далёкой звезды» Александра Чаковского.

Глава 8

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Станислав Юрьевич Яржембовский не согласен с моей точкой зрения, что классические произведения из школьной программы юноши и девушки не могут воспринять в полной мере:

– Переживания Наташи Ростовой были вполне созвучны и понятны 14-летним девушкам нашей поры. И, приобщаясь к ним, они делались лучше и возвышенней.

Но ведь не только про Наташу Толстой писал.

Станиславу я верю. Он уникал. Может он Шекспира ещё в первом классе прочитал, а потом неоднократно перечитывал. В том, что он классику перечитывает, я не сомневаюсь, а может в его сознание некоторые вещи как влитые с одного раза легли? Как «День за днём» в меня.

Кто знает, люди неодинаково развиваются. Да и разница в возрасте. В те времена дети раньше выросли, потому что жизнь была суровее, чем во времена моего детства. Этого никак нельзя сбрасывать со счетов.

Когда-то давно, ещё в первой половине нашей «немецкой» жизни, я попросил его составить список лучших книг мировой литературы, на который можно было бы ориентироваться читателям.

Мне кажется, он и сам заинтересовался этой идеей, перебрал в памяти все свои литературные предпочтения. Нельзя допустить, чтобы это откровение пропало. Он озаглавил список как «Шедевры мировой литературы», но в подзаголовке в скобках добавил: (подборка для старших школьников).

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(подборка для старших школьников)

Европейская проза

Вильям Шекспир. Гамлет. Макбет. Ромео и Джульетта.
Отелло. Король Лир.

Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера.

Даниэль Дефо. Робинзон Крузо.

Вальтер Скотт. Айвенго. Квентин Дорвард.

Фенимор Купер. Кожаный чулок. Последний из Моги-
кан.

Фридрих Шиллер. Разбойники. Дон Карлос. Вильгельм
Телль.

Жорж Санд. Консуэло.

Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле.

Э. Т. А. Гофман. Похождения кота Мура. Сказки.

Стендаль. Красное и чёрное.

Проспер Мериме. Новеллы.

Оноре де Бальзак. Шагреневая кожа.

Виктор Гюго. Собор парижской богородицы. Отвержен-
ные. 93 год.

Александр Дюма. Три мушкетёра.

Густав Флобер. Мадам Бовари.

Стивенсон. Остров сокровищ.

Генри Торо. Уолден или жизнь в лесу.

Герман Мелвилл. Моби Дик.

Жюль Верн. Таинственный остров. Дети капитана Гран-
та. и др. романы.

Чарльз Диккенс. Давид Коперфильд. Оливер Твист.

Генрик Ибсен. Пер Гюнт. Призраки.

Редьярд Киплинг. Книга джунглей.

Кэррол Льюис. Алиса в стране чудес.
Джон Голсуорси. Сага о Форсайтах.
Ромен Роллан. Жан-Кристоф. Биографии.
Стефан Цвейг. Мария Стюарт. Биографии.
Герберт Уэллс. Человек-невидимка. Война миров. рассказы.

Гилберт Кит Честертон. Рассказы. Публицистика.
Бернард Шоу. Пигмалион. Публицистика.
Эдгар По. Рассказы.
Марк Твен. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. Рассказы.

Джек Лондон. Зов предков. Морской волк. Рассказы.
О. Генри. Рассказы.

Брет Гарт. Рассказы.

Френсис Скотт Фитцджеральд. Великий Гетсби.

Франсуаза Саган. Здравствуй, грусть!

Джером Дейвид Сэлинджер. Над пропастью во ржи.

Вильям Фолкнер. Шум и ярость.

Артур Миллер. Пьесы.

Джон Стейнбек. Гроздь гнева. Рассказы.

Джордж Орвелл. 1984. Скотский хутор.

Сомерсет Моэм. Рассказы.

Габриель Гарсия Маркес. Сто лет одиночества.

Маргарет Митчелл. Унесённые ветром.

Эрнест Хемингуэй. Рассказы.

Вильям Сароян. Рассказы.

Рей Бредбери. Рассказы.

Томас Манн. Доктор Фаустус. Иосиф и его братья. Будденброки. Рассказы.

Герман Гессе. Игра в бисер. Степной волк.

Франц Кафка. Замок. Приговор. Процесс.

Бертольд Брехт. Матушка Кураж.

Антуан Сент-Экзюпери. Маленький принц. Земля людей.

Генрих Бёльль. Посмотрите на Арлекинов. Групповой портрет с дамой.

Айзек Азимов. Рассказы.

Уоррен. Вся королевская рать.

Умберто Эко. Имя розы.

Хорхе Луис Борхес. Рассказы.

Европейская поэзия

Гомер. Шекспир. Джон Донн. Вильям Блейк. Байрон. Перси Биши Шелли. Роберт Бёрнс. Иоганн-Вольфганг Гёте. Фридрих Шиллер. Новалис. Айхендорф. Генрих Гейне. Эдгар По. Лонгфелло. Уолт Уитмен. Райнер-Мария Рильке. Федерико Гарсия Лорка. Франсуа Вийон. Сирано де Бержерак. Беранже. Бодлер. Верлен. Рембо. Малларме. Апполинер. Поль Валери.

Русская литература

Александр Пушкин. Евгений Онегин. Медный всадник. Борис Годунов. Стихи.

Михаил Лермонтов. Стихи. Герой нашего времени. Маскарад.

Александр Грибоедов. Горе от ума.

Иван Гончаров. Обломов.

Александр Островский. Пьесы.

Николай Гоголь. Мёртвые души. Петербургские повести. Вечера на хуторе близ Диканьки.

Иван Тургенев. Отцы и дети. Дворянское гнездо. Записки охотника.

Николай Лесков. Рассказы.

Лев Толстой. Война и мир. Анна Каренина. Рассказы. Исповедь. Дневники.

Фёдор Достоевский. Братья Карамазовы. Идиот. Преступление и наказание.

Вл. Соловьёв. Три разговора.

Иван Крылов. Басни.

Александр Герцен. Былое и думы.

А. К. Толстой и др. Козьма Прутков.

Михаил Салтыков-Щедрин. Сказки для детей изрядного возраста.

Николай Гаршин. Рассказы.

Александр Куприн. Поединок. Гамбринус. Гранатовый браслет.

Иван Бунин. Деревня. Антоновские яблоки. Рассказы.

Максим Горький. Рассказы.

Антон Чехов. Вишневый сад. Чайка. Рассказы.

Михаил Шолохов. Тихий Дон.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Собачье сердце.

Владимир Набоков. Дар. Приглашение на казнь.

Борис Пастернак. Доктор Живаго. Стихи.

Александр Твардовский. Василий Тёркин.

Валентин Катаев. Белеет парус одинокий.

Михаил Зощенко. Рассказы.

Алексей Толстой. Пётр 1. Хожение по мукам. Рассказы.

Исаак Бабель. Конармия. Рассказы.

Аркадий Гайдар. Рассказы и повести.

Валентин Каверин. Два капитана.

Михаил Пришвин. Кладовая солнца. Охотничьи рассказы.

Андрей Платонов. Котлован. Чевенгур.

Константин Паустовский. Повесть о жизни. Рассказы.

Ильф и Петров. Двенадцать стульев. Золотой телёнок.

Даниил Гранин. Иду на грозу. Искатели.

Чингиз Айтматов. Джамия. Белый пароход.

Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича. Бодался телёнок с дубом.

Василий Шукшин. Рассказы.

Братья Стругацкие. Пикник на обочине. Трудно быть богом. Понедельник начинается в субботу.

Василь Быков. Сотников. Обелиск. Альпийская баллада.

Виктор Астафьев. Царь-рыба. Рассказы.

Валентин Распутин. Прощание с Матёрой. Рассказы.

Сергей Довлатов. Рассказы.

Юрий Нагибин. Рассказы.

Русские поэты

Александр Пушкин. Михаил Лермонтов. Фёдор Тютчев. Афанасий Фет. Некрасов. Александр Блок. Владимир Маяковский. Николай Гумилёв. Осип Мандельштам. Анна Ахматова. Марина Цветаева. Владислав Ходасевич. Сергей Есенин. Иосиф Бродский. Арсений Тарковский. Елена Шварц. Дмитрий Бобышев. Белла Ахмадулина. Евгений Евтушенко. Андрей Вознесенский. Роберт Рождественский. Николай Рубцов. Булат Окуджава. Владимир Высоцкий. Александр Галич. Юлий Ким.

Мировая философия

Бхагавадгита

Дао-Дэ Цзин

Платон. Апология Сократа. Пир.

Ветхий Завет: Книга Бытия.

Новый Завет: Евангелие от Марка. Послания ап. Павла.

Августин. Исповедь.

Сенека. Нравственные письма к Люциллию.

Марк Аврелий. К самому себе.

Цицерон. Речи.
Мейстер Экхарт. Проповеди.
Мишель Монтень. Опыты.
Блез Паскаль. Мысли.
Сёрен Кьеркегор. Страх и трепет.
Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра.
Мартин Бубер. Хасидские рассказы.
Г. К. Честертон. Вечный человек.
К. С. Льюис. Просто христианство. Чудо. О любви.
Эрих Фромм. Искусство любви.
Джеймс Фрезер. Золотая ветвь.
Гегель. Малая логика.
Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление.
Освальд Шпенглер. Закат Европы.

Русская философия

Бердяев. О назначении человека. Смысл творчества.
Смысл истории.

Павел Флоренский. Иконостас. Столп и утверждение
истины.

Георгий Флоровский. Пути русского богословия.

Семён Франк. Смысл жизни. Реальность и человек.

Лев Шестов. Начала и концы. На весах Иова. Достоев-
ский и Ницше.

Василий Розанов. Опавшие листья.

Легенды и сказки.

Ариосто. Неистовый Роланд.

Песнь о Нибелунгах

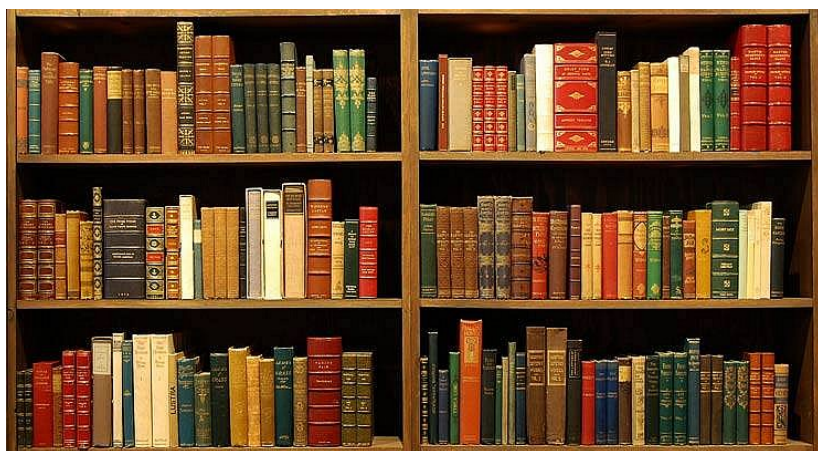
Слово о полку Игореве

Былины об Илье Муромце

Шарль Перро. Сказки.

Братья Гримм. Сказки.
Ганс-Христиан Андерсен. Сказки.

Меня не пугает этот перечень. Три четверти произведений, в нём представленных, я или прочитал, или имею о них представление. С остальными, даст Бог, при случае познакомлюсь. Хотя, вряд ли. Я уже вступил в ту пору, когда перечитывание любимых книг доставляет большее удовольствие, чем открытие новых. Хотя, читаю и их, что зря на себя наговаривать.

Мечта всей моей жизни – собственная библиотека.

Глава 9

УЧИТЕЛЯ

К учителям я относился благоговейно, видя в них представителей другого, Высшего мира, которые спустились к нам на Землю, чтобы передать свои знания. Увидев однажды, как учитель зашёл в туалет, я поразился:

– Они что, тоже люди?

Конечно, я уважал их, но мне посчастливилось испытать и обратную реакцию – уважение со стороны учителей к себе. Это явственно читалось на умиротворённом лице матери, когда она возвращалась домой с родительского собрания.

Я не хочу пудрить вам мозги рассказами о своей неординарности (как говаривал герой Георгия Буркова в фильме «Ирония судьбы»: – Сейчас не об этом!), но если мне было на уроке интересно, я начинал слушать так, что учитель забывал обо всех остальных и рассказывал мне одному, пристально глядя в глаза и радостно видя, как в них рождается понимание. *(Да это у них приём такой, педагогический, их специально учат, чтобы обращаться ко всем сразу, а каждому казалось бы, что обращаются именно к нему).*

Учителю важно воспитать Ученика. Их никогда не бывает много. Это есть конечная цель и предназначение. Он должен видеть, что его труд не пропал даром, что семена, которые были посеяны, в поте лица вспаханную землю, проросли и дали урожай. Но одновременно он должен «окармливать» и остальных учеников, согласно профессионального долга и обязанности. Это противоречие придаёт фигуре учителя библейский драматизм и терновый венец великомученика ему просто к лицу.

Первым учителем, которого я хорошо запомнил, был Скоржевский Stanisław Борисович, преподававший нам в средних классах математику. Отец Тони и её старшей сестры Люды, муж заведующей детским садом Скоржевской Раисы Владимировны, личности неординарной и, даже можно сказать, легендарной. Невысокий, худощавый, черноволосый, с острым носом и резкими движениями. Не знаю, какие чувства испытывала Тоня, когда её отец входил в наш класс (это отдельная тема о родителях-учителях и детях-учениках), но у меня его появление отрицательных эмоций не вызывало. Математика мне давалась сравнительно легко, я до сих пор сохранил любовь к цифрам и при случае увлечённо играю с ними, но это, скорее, арифметика, то, что осталось от прежних глубоких знаний, забытых за ненадобностью. Всё со временем забывается и, если твоя профессия не требует каких-то специальных навыков, то для жизни достаточно четырёх классов образования: уметь читать, писать, считать и расписываться в ведомости по зарплате. Остальное даст опыт.

Собственно, Stanisław Борисович памятен мне, как ученику, лишь одним эпизодом. Он вызвал меня к доске, я вышел и решил предложенную задачу быстро и правильно, рассуждая вслух и рисуя мелом цифры на чёрной поверхности.

— Садись. Пять, — сказал он, и я пошёл к своей парте. Вроде бы обычный случай, что тут вспоминать, но когда я сел на своё место, он так благодарно посмотрел мне в глаза, что этот взгляд я запомнил на всю жизнь. Без сомнения, это он привил мне любовь к предмету. А был ли он сам счастлив в своей профессии, этого со всей определённоcтью сказать не могу. Когда представилась возможность, поменял её на должность почтмейстера и до самой пенсии в прекрасном расположении духа священнодействовал за стойкой в тесной комнатухе с зарешеченными окнами, отведённой под почту в здании центральной конторы совхоза, и пользовался неподдельным уважением односельчан за свою компетентность.

Если уж я начал с точных наук, то самое время назвать Сартакова Анатолия Фёдоровича. Он преподавал нам физику, весь школьный курс. Был родом из Акан-Бурлука, видимо, из казаков, жена его, Тамара Александровна, работала в нашей школе завучем. Как выглядел? Да по-казацки и смотрелся: чернявый, небольшого роста, но жилистый, напористый. Музыкальный.

Нет, он не смотрел мне в глаза с благодарностью, скорее в его взгляде сквозила подозрительность. С одной стороны, предмет я усваивал, и знания мои справедливо оценивались на 4 и 5. Но вопрос, знаю я физику на «хорошо» или «отлично», мучил Анатолия Фёдоровича до самого выпускного экзамена, на котором он, скрепя сердце, решился поставить мне «пятерку».

Я месяцами мог маскироваться под порядочного ученика, чуть ли не отличника, но затем в одночасье терял доверие некоторых учителей. Повторюсь, но напомним, что развитие моё происходило не линейно, от несмышлённого первоклассника до умудрённого знаниями и опытом выпускника, а от Иванушки-дурачка до юридового. И это порой проскакивало, вызывая тот самый подозрительный взгляд, каким одаривал меня Анатолий Фёдорович. Кстати, эта тенденция сохранилась на протяжении всей моей последующей жизни. Мы вырастаем и переходим «в какое-то новое качество», которое, порой, не нравится поддерживающим нас людям, мечтающим всегда видеть нас такими, какими мы предстали перед ними при первой встрече.

Вспомню два случая, связанных с физикой, но, сдаётся, в них большую роль сыграла глухота, поразившая меня тогда. Никто её специально не тестировал, потому что я как-то выкручивался, напоминая ту собаку, которая ловит каждый жест и взгляд хозяина, пытаясь догадаться, чего он от неё хочет. У меня уже была одна хроническая болячка, полипы в носу, из-за которых я нормально дышать не мог и ходил с постоянно разинутым ртом. Понадобились три операции по их удалению. На фоне вечно открытого рта проскочила и глухота.

Поднимает меня Анатолий Фёдорович с первой парты (только с неё я мог что-то улавливать из объяснений учителей) и спрашивает, кто изобрёл электрическую лампочку? Это сегодня, благодаря интернету, я могу назвать и Лодыгина, и Эдисона, и Свана, и Генриха Габеля, но в тот момент ни одного варианта, кроме Ленина («лампочка Ильича»), в моей голове не возникло, но я благоразумно промолчал. Имени Яблочкова я за весь урок не услышал; видимо, устав напрягать слух, просто отключился на время и как раз пропустил, а учебника ещё не читал. Но учителю нужен был именно Яблочков и он решил вытянуть его из меня любой ценой.

– Ну, в садах на дереве растёт, плод такой, от названия его и фамилия образовалась, – дал он подсказку. Я её принял и в течение нескольких минут выдал ему пару десятков Сливовых, Грушевых, Мандариновых, Вишневых и других, с вариациями. Уже со всех сторон раздавалось: – Яблочков, Яблочков, Яблочков... Но я не слушал, я подсказкам не доверял, боясь что-то напутать и показаться смешным, и продолжал свои плодовые изыскания. Здесь какой момент интересен. Если в Северном Казахстане скажут: – Назови дерево с плодами, то первое, что придёт на ум – это яблоня. Но у глухих своя гордость, они не ищут лёгких путей, уж слишком это просто, лежит на поверхности, значит, возможен какой-то подвох.

– Ну-ка, Виктор, скажи нам, под каким одеялом теплее спать, под ватным или пуховым?

Это я уже про другой случай рассказываю.

– Конечно под ватным, – уверенно отвечаю я.

– Не торопись с ответом, подумай хорошо. Какое одеяло теплее, лёгкое воздушное пуховое или свалявшееся в комки ватное?

– Ватное.

Анатолий Фёдорович теряет терпение, подсказывает ко мне вплотную и почти кричит: – Ну почему, почему ты так говоришь? Как может пуховое одеяло, заполненное пером, пухом

и воздухом, этим лучшим теплоизолятором, быть холоднее старого ватного? Воздух в пуховом одеяле – теплоизолятор, оно удерживает температуру тела лучше, чем вата, в которой воздуха мало или совсем нет, как в старом сбившемся. Так какое одеяло теплее, пуховое или ватное?

– Ватное, – почти со слезами отвечаю я.

Ну как мне объяснить, что, вопреки законам физики, когда мы с Сашкой спим под ватным, нам тепло, а когда под пуховым – холодно, потому что оно уже и короче, и под него вечно поддувает.

Ах, эти взгляды, они порой красноречивее слов. Конец 80-х. Районный смотр художественной самодеятельности. Заключительный концерт. Лучшие номера. Мужское трио из «Аканского» совхоза – Гапеев, Сартаков, Клецко. Я стою у стены Дома культуры и с кем-то разговариваю. Мимо проходит Анатолий Фёдорович и смотрит на меня так пристально, что у меня возникает опасение, что он сейчас споткнется и упадёт. Он жадно ищет в моём директорском лице то, чего не смог разглядеть 15 лет назад. Он не может понять, как такое могло случиться, ведь не было никаких предпосылок. Правильно, не было, но он ведь не знает, **какой** опыт стоит за моей спиной. И Станислав Борисович так же непонимающе смотрел, когда я с Полиной поднимался от автобусной остановки (у меня был отпуск) к дому родителей.

Химию у нас вела Миронова Евгения Григорьевна. Она была молодой учительницей, но ужасно строгой, возможно, от страха. Такая защитная реакция, тем более, что математикам, физикам и химикам и надо быть строгими, чтобы класс на протяжении всего урока в напряжении держать. Я как сейчас её вижу: среднего роста, стройную, с вечно серьёзным, не совсем правильным лицом (но не злым), серыми глазами и небрежно убранными волосами. Мне пришлось чаще других одноклассников общаться с нею после уроков, потому что она была нашим классным руководителем, а меня в 6 или 7 классе неожиданно

назначили старостой класса. Соученики возражений не выказали, так я и исполнял эти обязанности до самого окончания школы. Впрочем, точно не помню. Должностью своей я совершенно не гордился, и воспринимал её как досадную обязанность. Лямку, которую надо тянуть, и, если уж другого выхода нет, то напрягаться и тянуть по возможности хорошо. Оправдать, так сказать, оказанное высокое доверие. Единственно, кем мне по-настоящему хотелось быть, это барабанщиком школьной пионерской дружины. Идти рядом со знаменосцем, горнистом и ассистентами перед строем линейки и отбивать такт. Я даже самостоятельно выучился барабанить, но моего рвения не заметили и игнорировали, предпочитая других, а сам я не напрашивался, так что пришлось довольствоваться обязанностями старосты и члена классной, а потом и общешкольной редколлегии стенной газеты. Наверное, я какое-то время был и редактором, потому что, помнится, сочинял передовицы, а это обязанность главного редактора. О тех днях и заботах может помнить Тоня, с которой мы с самого начала были в редколлегиях вместе. А может Тоня была главным редактором, а меня просто просила написать?

Вообще, это довольно интересная тема, как происходит подбор и расстановка кадров. Мне и самому приходилось этим заниматься, так что я знаю её не понаслышке, но мы сейчас говорим о другом, поэтому ограничусь только следующим наблюдением.

Если требуется, чтобы ваш *протез* самостоятельно вёл дело и «тянул» его, а не бегал постоянно с жалобами: – Они меня не слушают! – то вы, назначая его на должность, в первую очередь будете смотреть, обладает ли он определёнными качествами, которые позволят ему справиться со своими обязанностями. Безусловно, здесь возможны варианты, в зависимости от сути дела, но лично я отдаю предпочтение шести базовым чертам характера, которыми в идеале должен обладать мой ставленник:

- **ответственность**
- **обязательность**
- **толковость**
- **компетентность**
- **исполнительность**
- **организаторские способности (хотя бы зачатки).**
- А как же с авторитетом? – могут спросить меня.

– Авторитет – дело наживное, он всего лишь инструмент, один из многих, помогающих исполнению обязанностей. Чем менее человек поначалу авторитетен, тем больше смекалки и сноровки ему нужно проявить, чтобы выполнить поставленные перед ним задачи. Авторитетные, они больше по тюрьмам сидят, а созидательную работу творят ответственные и толковые.

– Знаешь, я хочу к твоим словам немного добавить. То, что ты сказал, верно в отношении эпохи социализма и равенства, но не забывай, что были времена, когда знатность и богатство тоже огромную роль играли, да и сегодня играют. Впрочем, тебе это не нужно, – подаёт голос Мир. Тебе больше пригодится следующее наблюдение. Дарю, пользуйся.

Возьмём человека и общество, которое назовём «другими» и выделим четыре момента:

Что ты сам о себе думаешь?☺

Что думают о тебе другие?☹

Тёмная сторона твоего сознания, область психиатров.☛*

Что люди **знают** о тебе **такого**, чего ты сам о себе не знаешь?☒

Поэтому по поводу того, что тебя выбрали, или назначили, старостой, у меня ни к кому претензий нет. Назови мне, не думая, 2-3 качества, хотя бы из тех, что ты сам указывал выше, которыми ты однозначно обладаешь. Только не надо скромничать, у тебя было в жизни достаточно времени, чтобы понять, что в тебе есть, а чего нет и уже никогда не будет. Ну, быстро, навскидку...

– Ответственность, исполнительность, обязательность...

– Вот видишь, всё и стало на свои места. Ладно, возвращайся к своим мудрым учителям и пиши о них дальше.

У Евгении Григорьевны был своеобразный стиль классного руководства. Когда что-то случалось во вверенном ей коллективе (ну, там, дежурные плохо убрали класс после уроков, или кто-то нахулиганил, или объявили, что завтра вместо занятий поедem убирать морковь на совхозном поле, а нас уже отпустили домой), она не заморачивалась, а бежала сразу искать старосту, благо, что жил я рядом со школой. С выражением на лице, будто кто-то из наших взорвал школу, она сразу обрушивалась на меня:

– Ты знаешь, что произошло?

Естественно, я не знал, но уже предполагал, что некоторым из нас не миновать тюрьмы.

– Сейчас же приведи ко мне таких-рассяких и сам будь с ними.

Я ходил по селу, вылавливал провинившихся и конвоировал их до школы. Евгения Григорьевна исповедовала принцип неотвратимости наказания, причём немедленного.

Года два, наверное, а может и все три, она была нашим руководителем, не самым плохим, между прочим. Класс считался толковым, активным, не доставляющим особых хлопот учителям. Чему-то научился у неё и я, может быть тому, что не надо всё взваливать на себя, нагрузку надо перераспределять и на других. Теперь, если надо было срочно о чём-то предупредить класс, я уже не бегал с вывалившимся языком с одного конца села на другой, а придумал эффективную систему оповещения, в которой должны были принимать участие и другие ученики.

А вот правду говорит пословица: – «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Довелось и мне попасть на правёж, без вины, в общем-то, но по ходу разбирательства всё усугубилось. Я уже не помню точно всех деталей и действующих лиц, много лет прошло, возможно, на месте Евгении Григорьевны был уже наш

новый классный руководитель Иван Яковлевич, но суть постараюсь изложить в таком вот вольном пересказе.

Повадился будущий генерал Ромка Шатдинов плевать с площадки второго этажа на головы поднимающихся по лестнице учеников. Нехорошая это была придумка, ох, нехорошая! Конечно, сегодня бы, по опыту жизни, за это по губам, но тогда, в 8-м, наверное, классе, это воспринималось только как игра. Ни о каком моральном ущербе и нравственном оскорблении речи не шло. Он ведь не исподтишка плевал, а сначала окликал, и тут уж кто ловчее окажется. Со своими игрался, чужих не трогал. Не думаю, что он был одинок. Место уж больно соблазнительное, так и тянет что-то вниз бросить. Были, по-видимому, и другие оригиналы, мне неведомые, но они, опять же, со своими состязались, чужие за такое непотребство могли запросто пожаловаться дежурным по школе или сами по башке настучать. Обычно, какие-то предметы на голову кидали, ну, там, камешки или скомканную бумагу.

Я поставил ногу на первую ступеньку, он окликнул и плюнул, я рванул вверх, остановился и поднял голову, чтобы позлорадствовать над проигравшим. И отчётливо увидел, как досада на лице моего одноклассника в одно мгновение сменилась испугом, перешедшим в ужас. Он отпрянул от ограждения и бросился бежать.

Следом за мной, невидимая ему, шла ничего не подозревающая дежурная учительница, на которую и пришлось попадание. Она подняла лицо вверх и успела заметить голову с чёрными волосами, исчезающую в проёме двери второго этажа. Поняв, что ей уже не успеть настигнуть нарушителя, она крепко схватила за руку меня:

– Кто это был?

– Не знаю, я не видел.

Явная ложь моего ответа настолько поразила учительницу, что она на какое-то мгновение утратила дар речи, а когда пришла в себя, не сдерживаясь, закричала:

– Даже я видела его, а ты всё время смотрел в ту сторону! Сейчас же отвечай, или я отведу тебя в учительскую.

В этот момент прозвенел звонок и я интуитивно рванулся, чтобы успеть на урок. Но она держала меня крепко.

– Так ты скажешь, или нет?

Я не отвечал, и она потащила меня в кабинет.

– Евгения Григорьевна, задержитесь, пожалуйста, на минутку.

То, что последовало потом, заняло не минуту, а добрую четверть часа и стало для меня настоящим кошмаром.

Я вообще не привык, чтобы меня ругали, не давал для этого поводов.

А тут столько уважаемых мною людей смотрели на меня с осуждением и даже брезгливостью, что я просто не знал, что мне делать.

Я говорил явную неправду, знал, что никто не верит моим словам, мучился от этого, но выдать товарища не мог. Вызвали мать, она как раз была в смене:

– Да скажи ты им, люди ведь просят...

Но я стоял на своём – не видел, и всё. Меня повели к директору. Евгения Григорьевна сходила на урок, оставила за себя лаборантку и вернулась.

Это для нас, пацанов, произошедшее было игрой, неудачно закончившейся. У взрослых была совершенно другая трактовка случившегося. Директор слов не подбирал:

– Ему на голову плюют, а он утирается и молчит. Тряпка. Слюнтяй. Трус. Что из тебя выйдет? Ты что, боишься сказать правду? Мести боишься?

Нет, я никого не боялся, тем более своего приятеля Ромку, но явной ложью загнал себя в такое положение, из которого не было достойного выхода, по крайней мере, я его тогда не видел. И ещё эти слова... Они жгли мою душу. Не выдержав, я заплакал. Плакал я так тоскливо и безисходно, что меня решили больше не мучить.

— Мы и без тебя знаем, что это был Шатдинов. Ведь так? Я непроизвольно кивнул головой. Директор поднялся из-за стола:

— Тебе хотели помочь, тебя спасали. Да ты, видать, этого не понял. Никому никогда не позволяй плевать на себя, хоть в прямом, хоть в переносном смысле. Никому и никогда. Иначе лицо своё потеряешь, и потом уже не найдёшь. Ладно, идите в класс. Шатдинова ко мне, с родителями.

Евгения Григорьевна взяла меня за руку и повела к нашему классу. Она постучала в дверь и открыла её. Учительница прервала объяснение и повернулась в нашу сторону. Класс напрягся.

— Шатдинов, собирай всё в портфель и иди за родителями.

Ромка так быстро начал складывать вещи, что ни у кого не осталось сомнения в его вине. Я сел за свою парту и повернулся к нему:

— Они сами тебя вычислили. Я им не говорил.

Он так же молча кивнул. Евгения Григорьевна неодобрительно покосилась на меня, но промолчала.

Я иногда думал, а почему он, видя, что меня так долго нет, не встал и не пошёл к директору, чтобы сказать:

— Оставьте его в покое, это сделал я.

А потом сам же себя спрашивал, хватило бы у меня самого смелости на это? Нет, не хватило бы. Значит и других не надо обвинять.

Был ли для меня приемлемый выход в той ситуации? Наверное. Вряд ли бы он понравился учителям, но я должен был твёрдо сказать:

— Прекратите меня пытаться. Конечно я знаю, кто это был. Только я не могу его назвать, потому что буду считать себя предателем. Но я обещаю, что поговорю с ним и он больше никогда не будет так делать. А если будет, я с удовольствием передам его вам.

Да, твёрдость и нравственные принципы. Редко у кого они бывают изначально. Их жизнь вырабатывает. Одних закалит, а других в бараний рог скрутит.

С Ромкой провели воспитательную работу и он после неё слюну только сглатывал.

Никогда потом мы не вспоминали эту историю, ни он, ни я. Вот только сейчас, на этих страницах. А отношения наши в дальнейшей жизни были всегда взаимно дружественными и уважительными.

Но тот тяжёлый, в плане моего воспитания, день, ещё не закончился.

– Иди, тебя директор вызывает.

Да сколько можно? Годами ни разу, а тут, вдруг, второй раз за день. Иду. Стучусь. В кабинете директор, завуч, Евгения Григорьевна и наш учитель математики. Лица у всех торжественные и доброжелательные.

– Ну, что, Витя, поздравляем тебя с первым местом на районной математической олимпиаде и прими от нас самые добрые пожелания. Молодец! Поддержал честь школы. Так и дальше держи. А РОНО (районный отдел народного образования) награждает тебя вот этой библиотечкой. Хотели торжественно, перед линейкой вручить, да какая уж теперь линейка. Бери, читай.

Так я стал обладателем семи хороших книг, на одной из которых действительно было написано «за первое место» и стояли печать и роспись. Когда позже я говорил Лиде, что меня наградили за победу на математической олимпиаде, она только презрительно усмехалась, считая себя непревзойдённой математичкой 1955 года рождения, хотя в её библиотеке, ради которой я на ней женился (шучу), такой книги с печатями и росписями не было.

Самое бы время перейти к рассказу об учителе математики, но позвольте прежде закончить историю с нашей классной.

После окончания школы жизнь разбросала нас по стране. География особенно не впечатляла, большинство оставалось в Казахстане, но тем не менее. Ещё ранее покинула село и Евгения Григорьевна. Вместе с мужем (Петров) они подались на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку в город Набережные Челны, где создавался автомобилестроительный гигант под названием КАМАЗ.

Но мне посчастливилось встретиться с ней ещё один раз. Летом 1984 года. Я уже три года работал главным агрономом совхоза «Новосветловский» и, в один из дней, на своём стареньком «ГАЗ-69» оказался по делам в Константиновке. Еду неторопливо мимо их магазинной площади, куда заходили с трассы рейсовые «Икарусы» маршрута «Чистополье-Кокчетав» и вижу красивую женщину в короткой юбке с распущенными по плечам волосами, которая кажется мне до боли знакомой. Она явно ждёт автобус.

Но кто это может быть? Перебираю в памяти всех своих знакомых, и, наконец, меня осеняет – да это ведь Евгения Григорьевна! Как же она похорошела! И лицо совсем другое – открытое, спокойное, улыбчивое. Правильное лицо!

Я остановил машину и бросился к ней. Она тоже обрадовалась встрече:

– Как ты, Витя?

Поговорили несколько минут. Приезжала в гости. Заезжала в Куспек к родителям мужа. Теперь вот назад. До Константиновки довезли, ждёт «Икарус» до города. Не помню точно, вроде бы сказала, что больше не учительствует, сменила профессию. Но, врать не буду, точно не помню. Мне очень захотелось сделать ей что-то приятное.

– Я сейчас! Я быстро!

Заскочил в машину и помчался к Лидиному дому:

– Лида, нарви, пожалуйста, букет, учительницу бывшую на остановке увидел. Может и тебя когда-нибудь ученик встретит.

Она нарвала.

Полетел назад.

Автобус уже шёл навстречу. Посигналил светом, бросился к водителю:

– Будь другом, открой на минуту дверь!

Шофёр оказался с понятием. Я поднялся в салон, искал глазами Евгению Григорьевну, увидел, быстро подошёл и отдал ей цветы. Пожал руку и выскочил, поблагодарив водителя. Створки двери шумно лязгнули. Автобус, объехав «газончик», посигналил на прощанье и покатил дальше. Я забрался в машину, несколько минут просидел не двигаясь, потом завёл мотор и тронулся.

Это мы на току, картошку будем перебирать.

Глава 10

УЧИТЕЛЯ (продолжение)

Посчастливилось мне встретить на школьном пути и ещё одного интересного преподавателя. Человека творческого, импульсивного. Вёл урок с таким напряжением сил и самоотдачей, что, начини мы шуметь, он, ей Богу бы, от огорчения расплакался, так у него нервы были напряжены. Хотя, глаза его подозрительно блестели и от сильных положительных эмоций. Это могло быть следствием неопытности выпускника пединститута, но, что-то мне подсказывает, что он и через годы таким остался. Из него должен был получиться хороший учитель математики. Дальнейшей судьбы его не знаю, проиллюстрировать своё предположение не могу, но вот верю в его звезду и всё тут.

По национальности он был казах, крепкого телосложения (сегодня бы сказали – «качок»), а особой его приметой был белый шрам сшитой «заячьей губы». Курил. Жил на квартире у своего дяди, главного бухгалтера совхоза. Отрабатывал обязательные для каждого выпускника ВУЗа три года. Собирался уехать в город, откуда и был родом. Поговаривали, что хочет поступать в аспирантуру.

Он был единственным учителем-казахом в нашей школе, хотя, нет, должен был быть и ещё кто-то, потому что именно в описываемый мной период в средних классах ввели уроки казахского языка. Не очень серьёзные, без сдачи экзаменов, но они проводились. Саша и Люда его учили, а мне уже не довелось. Но я знаю, что «хлеб» по-казахски – «нан».

Надо, конечно бы, назвать имя, но я, к своему стыду, его запамätовал. Может из за трудности произношения инородного

словосочетания, которое сразу выскочило из головы, когда нужда в нём отпала. Или из-за того, что были мы вместе недолго. Он мелькнул как метеор и исчез из моей жизни. Анатолий Фёдорович существовал всегда, Евгения Григорьевна была нашей классной, директор школы Перетятко – соседом по улице, Станислав Борисович – местным, которого я мог в течение многих лет, и школьных и послешкольных, запросто встретить на улице. С остальными было сложнее, кроме нескольких исключений.

Впрочем, назовём его Саулеке. Жернова памяти после долгого скрежета выдали только это имя, которого может и не существует в природе, но оно ведь откуда-то взялось? Дай Бог, чтобы оно, вдруг, не оказалось женским.

Наверно, Саулеке следовал современной ему передовой методике преподавания математики. Он добросовестно и методично вбивал в головы всех всё, что полагалось по программе, но, в то же время выделил несколько учеников, с которыми работал более углублённо, трезво понимая, что этих надо готовить к поступлению в институты, на худой конец, в техникумы, а для остальных вся математика со временем деградирует до знания четырёх правил арифметики. Впрочем, вход для избранных никому не был заказан, только мало кто захотел им воспользоваться: кому нужны лишние хлопоты?

– Дети! Кто ответит, что утверждает теорема Пифагора?
Говори, Валико.

– Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

– Докажи!

– Мамой клянусь!

– Молодец, Валико. Садись. Пять.

В число тех, кому он уделял повышенное внимание, попала вся наша «могучая кучка», в том числе и я.

Наверное, проводились какие-то дополнительные факультативные занятия, но, что я помню точно – на контрольных работах нам приходилось выполнять куда более сложные задания, чем остальным.

Это он решил, что на районную математическую олимпиаду от нашей школы должен ехать я. Почему? Не знаю. Какой-либо звездой на математическом небосклоне я себя не ощущал. Возможно, ответ может скрываться в словах одноклассника Фаниса Шаехова, который однажды мне заявил:

– Странный ты человек. Сложные задачи решаешь играючи, а с простыми не можешь справиться.

– Мне что-то непонятно, – подаёт голос Мир. У тебя были какие-то математические способности, но ты их даже не попытался реализовать, а сразу подался в агрономию, где вся математика действительно сводится к арифметике.

– Ну, это как сказать. Математика нужна и там, если эту науку глубже копнуть, но, по существу, ты прав. Похерил я в себе задатки. Побоялся показаться несостоятельным. Если бы речь шла только о ней, я бы рискнул ступить на эту стезю, но там ведь ещё нужны геометрия и черчение, а с ними у меня была проблема. Каким-то образом моё неумение рисовать перекинулось и на черчение. Я ещё мог начертить предмет с видом спереди, но вид сбоку, вид сверху или, не дай Бог, в разрезе, ввергали меня в ступор. Это было выше моего понимания. Нет, я чертил, и даже получил на экзамене четвёрку, но понимал, что черчение – моя «ахиллесова пята». Данный факт стал первой причиной по которой поступление в технический ВУЗ я никогда не рассматривал даже в качестве предположения. А если добавить к ней вторую, о которой расскажу немного позже, то данный вариант отпадал полностью.

– По-видимому, твой пример наглядно иллюстрирует функциональную асимметрию полушарий головного мозга. И получается, что левое полушарие работает у тебя лучше, чем правое. Посуди сам: **левое** отвечает за языковые способности. Оно контролирует речь, способности к чтению и письму, запоминает факты, имена, даты и их написание. Отвечает за логику и анализ. Это оно анализирует все факты. Числа и математические символы также распознаются им. А основной сферой спе-

циализации **правого** полушария является интуиция. Оно обрабатывает информацию, которая выражается не в словах, а в символах и образах. Отвечает за восприятие пространственных отношений. От него зависят музыкальные способности, хотя за музыкальное образование отвечает левое полушарие. Правое даёт нам возможность мечтать и фантазировать. Оно отвечает за способности к изобразительному искусству, а также за мистику и религиозность.

Наверно, и правда, у меня что-то не в порядке с правой половиной головы. Кроме иллюзий она никакими другими достижениями себя не отметила. А ведь могла бы предупредить, что жениться в 19 лет не надо. Не хотелось бы обобщать, но на ней даже ухо слышит в несколько раз хуже своего противоположного собрата. Ну и Бог с ним. Сколько той жизни осталось?

– Новые учителя приехали, – в один из летних дней 1970 года поделилась своей осведомлённостью мать. Я в ту пору, закончив восьмой класс, самозабвенно трудился на совхозном стройучастке и к новости отнёсся спокойно, здраво рассудив, что если приехали, то по-всякому 1 сентября встретимся на линейке. Однако с Иваном Яковлевичем Гребёнкиным, новым учителем физкультуры, мне довелось увидеться ещё в августе. Отработав два месяца я решил последнюю треть каникул всё-таки посвятить отдыху и с удовольствием днями пропадал в окрестных лесах, возвращаясь под вечер с грибами и ягодами. Но, проживая рядом со школой и током, я их тоже считал своей «территорией» и, как тот кот, периодически обходил свои владения.

Обычно закрытая дверь «пожарного» выхода из спортзала была настежь распахнута, и я с любопытством заглянул внутрь. На полу сидел молодой русоволосый парень и, макая кисточку в ведёрко, красил доски. Половина площадки была уже готова и непривычно радовала глаз разноцветьем. Здесь явно творилось доброе дело и мне захотелось в нём поучаствовать. Поборов стеснительность я приблизился к незнакомцу. Он прервал работу и протянул руку:

– Здравствуй. Я ваш новый учитель физкультуры. Звать меня Гребёнкин Иван Яковлевич. А ты кто?

– У меня здесь мать техничкой работает, я потому и заглянул. Виктором зовут, а фамилия Гридюшко. Мы тут рядом живём, на Целинной улице, первый дом. Я в этом году в девятый класс пойду.

Так мы с ним познакомились и потом оставшиеся два года школьной жизни поддерживали добрые отношения, если только так можно выразиться о взаимоотношениях ученика с учителем. Иван Яковлевич стал нашим новым классным руководителем вместо Евгении Григорьевны, а поскольку я продолжал оставаться старостой, то и работали мы рука об руку. А в тот раз я ему хорошо помог, и других ребят уговорил поучаствовать, так что к началу нового учебного года наш серый спортивный зал сиял яркими красками и светом из промытых окон и ламп, добраться до стёкол которых нам стоило большого труда из-за высоты и решёток ограждения. Даже в год сдачи школы в эксплуатацию зал не был так хорош, как сейчас. И это было первой заслугой нового учителя, сумевшего где-то «добыть» краску, за которой последовали другие.

Он был толковый парень, наш Иван Яковлевич, инициативный, с амбициями. Часто это слово произносят с негативной интонацией, но амбиция учителя – польза для дела и судят о его профессиональных способностях по успехам учеников.

Наш класс стал его первой любовью и он сохранил её на всю оставшуюся жизнь. Мы тоже.

Стало обязательным правилом на урок физкультуры приходить в спортивной форме: трико, белая майка, кеды. Сами уроки стали более интересными. Оказалось, что школа кишит спортивными талантами, и вот уже ребята и девочки стали брать призовые места на районных и областных соревнованиях. Помню показательный урок в нашем классе, на котором присутствовали учителя физкультуры из нескольких районов. Это всё – дело его рук и души.

На этом снимке 1972 года справа во втором ряду Иван Яковлевич, слева – я. Между нами Таня Бевз. Грустная девушка в пальто – Наташа Бондарь. Впереди стоят Ромка Шатионов, Фанис Шаехов, Сашка Гришукевич.

Как классный руководитель, он общался с нами на равных, с уважением. Мы отвечали ему тем же. Каким-то образом ему удавалось балансировать на тонкой черте между панибратством и отстранённостью. Без сомнения, Иван Яковлевич обладал педагогическим талантом.

У него была прекрасная спортивная фигура. Тело его было слеплено с тем совершенством, какое демонстрируют атлеты, изображённые на античных вазах.

В школе он создал команду гандболистов, которая очень успешно выступала в области, но главным его коньком были лыжи. До сих пор очевидцы с восторгом вспоминают успехи на лыжне, которые демонстрировали Соня Жинь, Зина Власова, Лариса Макляк, Блащицин Николай. Брат мой Сашка тоже стал заядлым спортсменом. А я вот, как вспомню эти лыжи, так вздрог-

ну. Правду говорят, что нет плохой погоды, есть неправильная одежда.

Зимний день, урок физкультуры, лыжи. Мороз небольшой, градусов 20, но ветер, этот проклятый ветер. Лыжи в школе были, пар тридцать, на класс хватало. С ботинками, как положено. Разбираемся с размерами, переобуваемся, тащимся за интернат. Там старт. От него тянется к лесу промеренная лыжня. На мне шапка с опущенными ушами, свитер и трико из какого-то каучука, которое сразу заколеватывает на холоде, варежки. Слава богу, хоть носки шерстяные, но пальцы на руках и ногах все равно дубеют. Ветер гуляет по телу, как будто я голый. Фуфаячку бы сюда, или «Дружбу», да нельзя, мы ведь спортсмены, мать их за ногу. Выжив в первый раз, я потом брал газеты и засовывал их в трико и под свитер. Вроде не так продувало.

Бежим на время. Разогрелся, даже вспотел. Финиш. И тут тебя, разогретого, пока остальных ждёшь, да назад едешь, ветерок и прихватит.

– Я лыж не любил? Как бы не так. Десятки километров по лесам исходил. У меня даже стихотворение было, посвящённое им:

На лыжную прогулку
Отправились друзья
Гридюшко Сашка, Аширбеков,
Ну и, конечно, я.

Но то другие лыжи, короткие, с кожаными креплениями для валенок. На тебе «Дружба», штаны, свитер, фуфайка, шапка, верхонки. На снегу спать можно.

Сашка бегал-бегал, рекорды ставил, да на каком-то соревновании в сильнейший мороз бронхи себе и застудил. До рвоты первые годы кашлял, и всю остальную жизнь тоже, правда уже без неё. Я до сих пор не могу забыть этого почти непрекращающегося кашля, который выворачивал его наизнанку, особенно зимой. Летом отпускало.

Это Сашка с Таней Малюченко на сугробе возле нашего дома. Таня, в отличие от меня, лыжи с ботинками уважала, у неё даже свои собственные были.

Но не будем ставить всё в укор учителю. У каждого своя голова на плечах и о безопасности надо самому думать, исходя из обстоятельств. Хотя я не представляю, как это Сашке можно было осуществить на практике? Отказаться бежать? И потом всю жизнь сгорать от стыда? Наверное, лучше всё-таки кашлять.

Может быть я просто плохо переносил холод? А кто его переносит хорошо?

У Ивана Яковлевича появилась новая страсть – рыбалка. Хотя, что это всё я, да я. Пусть он сам о себе расскажет. Нашёл его следы в «паутине»:

– В 1970 после окончания Карагандинского пединститута я был направлен в Аканскую школу с. Куспек. В этом же году прибыла и Нихаенко В.В. Проработав год она перешла в Арык-Балыкскую школу. Зав. РОНО был Перминов Д.Я, директором Аканской школы Набоков А.П. Сразу отмечу, что меня, горожанина, покорила чудесная краса вашего края и только обстоятельства заставили меня покинуть этот Богом отмеченный уголок. Любимым местом отдыха всех жителей Куспека было голубое озеро Якши.

В моём первом выпуске детей в 1972 были ребята с 4-го отделения – Акана: Солошенко Таня, Рыбалко Ольга, Михель Маша, Порох Саша, Седунов Саша, Гришукевич Саша, а так же с Куспека: Скоржевская Тоня, Грідюшко Витя, Бевз Таня, Сайбель Витя, Боровицкая Катя.

Уроженцами Акана были учителя Сартаков А.Ф и Андреев П.А. В 1974 г. из Аканской школы в Акан-Бурлук был направлен директором школы учитель истории Гердт А.И, а его жена Швинд Э.К учителем русского языка.

Я жил в доме на Больничной улице рядом с гл. врачом Заикиным С.П. Жена моя, Гребёнкина Вера, работала в детском саду.

35 лет прошло, как я уехал в Крым, а мысли частенько летают по столь далёким, но ставшим родными местам. Весна, не могу не вспомнить рыбалку. Чебак шёл сплошной стеной. В

марте на льду озера, когда солнце только начинает ласково по-сматривать на истосковавшуюся по теплу землю и каждый его лучик ярко отражается в голубом покрывале озера. И вот он клюнул, восторг переполняет тебя всего и вытаскиваешь из лунки небольшого окунька. Счастье!

Живу в Крыму, работал директором школы, последние 10 лет директором оздоровительного пансионата на море.

Иван Яковлевич заимел страсть, абер у него не было своих «колёс». То ли он не успел ещё заработать денег на мотоцикл, то ли испытывал робость перед техникой и не решался на приобретение оной, но в результате был вынужден постоянно к кому-нибудь обращаться, чтобы попасть на возжеленное озеро. До него по летней полевой дороге было километров двадцать, а по грейдеру и все тридцать.

Однажды летом, под вечер, он пришёл к нам домой. Не помню точно, был ли я ещё учеником или уже студентом, но это было точно лето, и, скорее всего, август месяц.

– Михаил Васильевич, вы не могли бы разрешить Вите вместе со мной съездить сейчас на вашем мотоцикле порыбачить на Аканском озере с ночевой? – тоскливо, но настойчиво попросил он отца. И тут же добавил: – Под мою полную ответственность.

Мы с ним днём на улице встретились случайно и условились, что он подойдёт, а я его поддержу.

Отец не стал препятствовать, наказал только, чтобы были осторожны, и мы поехали. Я за рулём нашего «ИЖа», Иван Яковлевич на заднем сиденье, а в люльку закинули пару удочек, одеяло и кое-какую еду.

По полевой дороге добрались до места засветло и расположились у подножия сопки, на живописной поляне, вдающейся в озеро. Таких мест на берегу было несколько, и назывались они «коленами». Первое колено, второе, третье...

Душный был вечер, ненормально душный. Комары ярились над нами, как японские самолёты над Пёрл-Харбором. Чу-

десна природа Казахстана, особенно Синегорье, с его озёрами и величавыми сопками, но комары... Трудно остаться оптимистом в этом вопросе, разве только сказать, что в тайге их всё-таки больше.

Первым делом мы искупались, а потом Иван Яковлевич закинул удочки. Я пошёл собирать хворост для костра. Вернувшись с охапкой заметил, что рыбак мой нервничает и, то и дело, поглядывает на небо. Огромная чёрная туча нависла над озером и начала заволакивать горизонт. Всё вокруг затихло, даже комары куда-то пропали. Берег окутался зловещим мраком. Вдруг гроыхнуло так, что показалось, будто земля под ногами вздрогнула.

– Смует же, к чертям собачьим!

И мы бежали!

Ливень обрушился на нас, когда мы миновали перекрёсток грейдера. До дома оставалось ещё двадцать километров. Это была редкая по силе гроза. Пусть меня упрёкнут в плагиате, но я напишу, что дождь лил как из ведра. А ветер дул так, что струи хлестали как плети.

Фара мигнула и погасла. Я снизил скорость до предела, но продолжал ехать, высматривая края насыпи в свете молний, сверкавших одна за другой.

– Давай я сяду за руль, – уговаривал меня сзади Иван Яковлевич, но я отрицательно мотал головой. Залило свечи и мотор заглох. Мы стали толкать. Через какое-то время я попытался завести мотор и, о чудо! – он завёлся.

– Ничего, Ваня, пробьёмся! – орал я счастливо, но он, наверное, не слышал за грохотом и воём грозы.

Знакомство с Иваном Яковлевичем я до сих пор почитаю подарком судьбы.

Наш класс. 1971 год. Актальный зал школы. Последняя зима перед выпуском. Нас выпускалось 22 человека. На снимке крайний слева во втором ряду - Коля Немков, далее, видимо, Володя Небогов, Миша Рябинин, Витя Сайбель, Таня Бевз, я, Иван Яковлевич, Дулат Мусенов.

В первом ряду слева - Альберт Бартоломей, Фанис Шаехов, Саша Гришукевич, Рома Шатдинов, Тоня Скоржевская, Катя Боровицкая, Наташа Ситарская, Валя Кузмицкая, Таня Солошенко, Маша Михель, Оля Рыбалко.

Отсутствуют на снимке:

Саша Порох, Ванда? Янковская, Вера Фадевина, Саша Седунов.

Крайний справа - не из нашего класса.

Глава 11

УЧИТЕЛЯ (окончание)

Но самым талантливым в нашей школе был Окулов Рудольф Валентинович. Я удивляюсь, почему Иван Яковлевич не упоминает о нём, ведь они работали в одно время? А может потому и не упоминает?

Рудольф Валентинович преподавал рисование и пение, руководил школьной художественной самодеятельностью, но, самое главное – он организовал музыкальную школу. Его жена тоже работала в школе, но я её плохо помню, она наш класс не учила, а вот Рудольф Валентинович в память запал, хотя тоже нам не преподавал.

Был он солидным мужчиной, крепкого телосложения, может быть, немного полноватым. Плохо видел, поэтому носил очки, которые, впрочем, шли ему. Кисти рук обращали внимание красотой: крепкие, перевитые мощными венами, с длинными, сильными пальцами музыканта.

Они приехали откуда-то, как обычно приезжали и другие учителя, получили от совхоза квартиру и стали работать. Рудольф Валентинович был уже в возрасте, хорошо за тридцать, а жена выглядела молодо, да, наверное, и была моложе. От хорошей жизни никто не бежит, была и у них какая-то причина переезда. Говорили, что ради неё он оставил семью, потому они у нас в селе и оказались.

Наверное, так и было.

Рудольф Валентинович организовал музыкальную школу и я в неё записался. В класс баяна. Многие записывались, дело было для села новое, ну и я решил не отставать, тем более,

что родители с большим энтузиазмом отнеслись к этой идее, пообещав купить баян и оплачивать ежемесячные взносы.

– Это же моя мечта, чтобы кто-нибудь из вас научился играть, – с чувством сказала мать, и я пошёл в интернат, где в освободившихся после окончания учебного года комнатах Рудольф Валентинович проводил прослушивание и отбор среди желающих приобщиться к миру музыки. Меня приняли и я почти два года учился, освоив нотную грамоту и играя по нотам задаваемые уроки. Вершиной моей музыкальной карьеры стало выступление на районном смотре художественной самодеятельности, где мы с будущим генералом Ромкой Шатдиновым на двух баянах дуэтом играли пьесу под названием «Владимирский хоровод».

Но баянистом я, к сожалению, не стал. Не хватило какой-то искры, чтобы механическое воспроизведение нот превратилось в волшебство извлечения мелодий, скрытых в них. *(Опять правое полушарие подкачало)*. Чуда не случилось, но что-то из тех уроков во мне осталось, хотя бы в плане общеязыкального образования, и я с благодарностью вспоминаю Рудольфа Валентиновича. С музыкой, видимо, происходит то же самое, что и с чтением. Почти все люди знают буквы и научились складывать из них слова, но по-настоящему читать могут немногие. Что такое «по-настоящему»? А это когда ты начинаешь мыслить в унисон с автором и возникает резонанс, качели, которые возносят тебя к таким высотам, которых ни сам автор, ни ты в одиночку достичь не способны. В этом и состоит, на мой взгляд, таинство книгочтения. И совсем не часто этот резонанс случается, бывает, что взлетишь, а потом споткнёшься о какую-нибудь фразу и всё – дальше брезгуешь. Так это у меня с Генисом случилось, с его «Уроками чтения». Или совсем не можешь подняться. Да и самому надо много знать, чтобы смочь летать.

– А что с Генисом то? – прерывает меня Мир. – Вроде не последний из писателей.

– Был бы плох, не было бы такого большого разочарования. Ладно, расскажу коротко.

О Генесе и Вайле я слышал давно, но заполучить их книги всё никак не удавалось. Наконец, в 2016 году в Омске купил и «Родную речь» и «Уроки чтения». Редко какие книги открывал я с таким волнением и предвкушением, как эти, и интуиция меня не обманула. На одном дыхании прочёл их общий труд и приступил к «Урокам». Несомненно, в этом плане я общался с родственной душой. Правда, с первых страниц у меня возникло ощущение, что автор *«выделяется»*, но россыпь блестящих фраз завораживала и увлекала. Я с радостью узнавания подчёркивал:

– Школа должна научить не тому, что читать, а тому – как.

– Чтобы стать хорошим читателем, надо быть писателем, или – хотя бы – побыть с ним. Надо ставить себя на место автора.

– Нельзя судить о вине по градусам, и разные книги нужно уметь читать по-разному.

– Читательское мастерство шлифуется всю жизнь, никогда не достигая предела, ибо у него нет цели, кроме чистого наслаждения.

– В литературе слова – вовсе не главное. *(Кто бы сомневался!)*

– За Гоголем в словесности нет ничего. Это – полюс языка, и он никогда не растает.

– Читать без карандаша – всё равно что выпивать с немцами.

– Библиотекой надо не владеть, а пользоваться.

А на 118 странице я о фразу ударился:

– Философов обычно нигде не слушались, кроме, конечно, той страны, где я вырос. Считая себя марксистской, она поступала ровно наоборот тому, чему училась. *Безделье было нормой, труд – преступлением, и каждый, кто хотел честно рабо-*

тать, становился, как Сахаров, диссидентом или, как я, эмигрантом.

О-па! Это кто тут к нам пришёл? Ну-ка, поворотись ка, сынку. Ай, молодца! Это в 70-х то, труд был преступлением и никто не хотел работать? Ну-ну. Давай я тебя посажу в бортовую машину-«хозяйку», которая вот уже третью неделю подряд в час ночи везёт комбайнёров и механизаторов со стана в село, чтобы наутро, в семь часов, собрать и доставить их обратно в поле, к комбайнам и тракторам. Скажи им в лицо, что они бездельники и преступники! Скажи им это в их постоянно воспалённые от ветра, колючей от остей пыли и хронического недосыпания глаза! Боюсь, что они тебя, за усталостью, просто не поймут, а если поймут, то до села ты не доедешь.

Я схватил маркер и написал на полях первое, что пришло в голову:

– Гнилой мудака! Где и с кем ты, сука, жил?

Буквы были крупными, от всего сердца, места на странице не оставалось, поэтому окончание фразы я произнёс мысленно:

– если тебя не научили не то что уважать чужой труд, а просто замечать его.

Нет, я дочитал книгу, но не подчеркнул больше ни одного слова. Я читал и, непроизвольно, всё время возвращался к той фразе. У меня возникало чисто физиологическое желание пойти в ванную, сунуть голову в унитаз и вырвать.

А Андрея Дмитриевича грязными руками не трожь и вровень с ним не становись! Он то, как раз, сначала дело сделал, стал трижды Героем Социалистического **Труда**, а потом уже стал думать о совершенствовании общества в котором жил.

К Вайлю у меня претензий нет.

Рудольф Валентинович был не только музыкантом, умеющим играть на нескольких музыкальных инструментах, но и художником. Одну из его картин я могу вам показать. На фотографии, где запечатлён наш класс, хорошо виден задник сце-

ны с симпатичным зайцем и Снегурочкой, которых нарисовал Рудольф Валентинович. Был ещё и весенний мотив, а над лестницей, ведущей из вестибюля в актовый зал в один из дней появилось его полотно со счастливо смеющейся девочкой, бегущей по ромашковому полю. Он не придумывал сюжетов, срисовывал с открыток, но это не умаляло в наших глазах его таланта.

Без сомнения, для художественной самодеятельности школы настал звёздный час. Он искал таланты и находил их в самых неожиданных местах. Оказалось, что у хулиганистого рыжего Гауэртёнка самый звучный в школе голос и он, плевавший раньше на все мероприятия, под воздействием учителя стал солистом хора и запевал «Песню о маленьком трубаче», а мы все ему подпевали. И это было не подневольное пение, скучная обаяловка, как порой случается. Наоборот, наши души воспаряли к таким вершинам, о существовании которых мы раньше и не подозревали.

— Как в церковном хоре поём, — сказал я на одной из репетиций, после, как мне показалось, особо удачного исполнения песни. (*Где это он церковных хоров наслушался?*) Рудольф Валентинович неожиданно резко отреагировал на мою реплику: «До церковного хора вам ещё далеко. Они поют на пять голосов с подголосками, а вы и на двух ещё как следует не научились».

Прошло несколько лет. После сдачи зимней сессии я приехал на каникулы домой.

— Иди, сходи в клуб. Там теперь Окулов заведующим работает, — огорошила меня новостью мать. Что-то поругались они в школе, он и ушёл. А чего и почему, я точно не знаю. Говорят, из-за денег. Он про тебя как-то спрашивал.

Был будний день, время клонилось к обеду. Я не торопился, поскольку знал, что у заведующего клубом рабочий день сдвинут к вечеру. Отрезал кусок домашнего рулета, запечённого накануне в русской печке и уже успевшего застыть в холоде сеней, завернул в газету с краюхой хлеба, положил в карман пальто и спустился вниз к магазину. Купил поллитровую бутыл-

ку портвейна, засунул для конспирации во внутренний и пошёл по Советской улице к зданию клуба. Дверь была уже открыта, техничка мыла пол, я поздоровался и спросил, здесь ли Рудольф Валентинович? Та молча кивнула головой.

Он обрадовался встрече, это было видно по его лицу.

– Садись, Витя. Давай рассказывай, как учишься, нравится ли тебе? Как в городе живётся? А я вот тут теперь, клубом заведу. Ушёл из школы. Поругались мы. Ничего, я ещё такие дела здесь разверну. Вокально-инструментальный ансамбль организовать хочу. Есть толковые ребята. Директор совхоза обещал мне помещение для музыкальной школы построить. Поработаем ещё!

Он говорил, говорил, а я видел, что обида ещё не остыла в нём, и школу ему жалко, он ведь учитель по своему призванию, и вину какую-то чувствовал, несмотря на показную браваду, и неловко ему было передо мной за своё теперешнее положение и за свою обиду, и в то же время он был рад, что может кому-то свою боль высказать. Там много всего было намешано в его монологе и мне показалось, что самым правильным в данной ситуации будет предложить выпить по сто грамм за встречу. Я предложил и он не отказался. Это учителю с учеником нельзя вместе выпивать, а заведующему клубом со студентом можно.

Потом мы долго сидели. Детский сеанс кино начинался только в 6 вечера, и в клубе никого не было. Он включил магнитофон, старый ещё тот, с бобинами, похвалился, что сам делал записи, по ночам. Они и вправду были замечательные.

Хорошо нам было вместе. Говорили обо всём на свете. Я потом ещё приходил, и вино с собой приносил, но он больше компанию не поддерживал.

– Неудобно как-то. Я ведь на работе. Учует кто-нибудь запах, стыдно будет. А ты выпей, если хочешь. Тебе можно. Вон возьми стакан в столе.

А потом, через год или два, они уехали на Украину.

Прошло ещё двадцать лет.

Однажды, в начале нашей жизни в Германии, я получил письмо. Писала жена Рудольфа Валентиновича. Адрес ей дала Таня Бевз, узнав его у моих родителей.

– Здравствуй, Виктор, – читал я. У нас есть возможность уехать в Германию, но Рудольф Валентинович упирается и никак не может решиться, хотя все бумаги уже готовы. Напиши ему, пожалуйста, что ты думаешь по этому поводу. Ты ведь переехал, и пишешь домой, что не жалеешь об этом. А он тебя слушает, он к тебе с уважением относится.

– Дорогой Рудольф Валентинович, я не знаю конкретно вашей ситуации, но знаю точно, что для многих людей сейчас наступили времена сожалений. Например, для моих родителей. Отец сильно заболел, с хозяйством управляться как прежде они уже не могут. Дрова, сено, огород, сарай, да что я вам рассказываю, вы сами у нас жили. А пенсия ничего не стоит. И мы все далеко. Люда с Алексеем хотят забрать их в Тобольск, дом для них рядом с городом в деревне купили. Мать месяц назад письмом мне прислала, спрашивают, что я на это думаю. Я ответил, что для них как раз самое время сожаления и настало, и никакой совет им не поможет. Если останутся, то будут сожалеть, что остались одни, а если уедут, то тоже, может, сожалеть будут, но зато хоть близкие люди рядом. То же и у вас, если не уедете, будете сокрушаться о нерешительности, а уедете в Германию, тоже, возможно, пожалеете, но из неё в любой момент в гости можно съездить, и материально помочь оставшимся. Ваша Украина вообще рядом, до неё на автобусе доехать можно. Решайтесь.

– Спасибо за письмо, Витя, или тебя теперь надо Виктором Михайловичем называть? Нет, буду звать Витей, ты для меня так и остался добрым умным мальчиком. Да я не против переехать, только сын мой, Женька, (*не точно*), как подумаю, что его придётся оставить, жить не хочется... Наверное, ты прав, от туда больше смогу помочь, сейчас зарплату совсем перестали платить. Что-то зарабатываю частными уроками, но этого недо-

статочно. А ты знаешь, я ведь здесь не потерялся, сначала вёл в школе уроки музыки и рисования, а потом сумел организовать компьютерный класс, который вскоре стал лучшим на Украине. Мои ученики на олимпиадах всех уровней брали призовые места, и мне, ей-ей, знай наших, в знак признания, присвоили звание «Заслуженный учитель Украины».

Тяжело мне сейчас, Витя, я ведь почти ослеп. И денег нет на операцию. Может, действительно, в Германии помогут?

Если вы ждёте продолжения этой истории, то его не будет. И как сложилась дальнейшая судьба Рудольфа Валентиновича и его семьи, я, к сожалению, не знаю. Печально это, но надо идти дальше.

В девятом классе биологию у нас вела Нихаенко Валентина Васильевна. Проработала год, потом уехала в Арык-Балык, откуда была родом и стала учительствовать в тамошней школе. Валентина Васильевна только что закончила Петропавловский педагогический институт, была уже замужем, но жила одна в комнатухе при школе. Завтракать, обедать и ужинать можно было в совхозной столовой вместе с интернатскими ребятами. В субботу, после уроков, она уезжала домой, а в воскресенье вечером возвращалась обратно.

Она была старше нас всего лишь на шесть-семь лет, вела себя ровно, скорее дружественно, старалась без нужды не кричать, но тем не менее, какой-то приемлемый порядок на уроке ей удавалось держать. Для её первого года ситуация выглядела очень даже неплохо. Иван Яковлевич пишет, что она прекрасно знала свой предмет. Возможно. Да не возможно, а скорее всего так и было. Но биология 9 класса так и осталась для нас практически неизведанной землёй, по крайней мере для меня. У Валентины Васильевны, как у учителя, имелся один большой недостаток. Она была красива.

Она была очень красива. Хотел даже написать, что она была чертовски красива, но потом подумал, что это погрешит против истины. Валентина Васильевна не выглядела роковой

красавицей, с теми как раз ещё можно бороться, не на всех они действуют одинаково, некоторые боятся и бегут их, тем самым спасая себя.

Она была красива той природной русской красотой, противостоять которой нельзя. Иногда возникало чувство, что от неё исходит сияние. Чтобы хоть приблизительно представить её тогдашний облик отсылаю вас к «Портрету З.Н. Юсуповой в русском костюме» кисти Константина Маковского.

Был ли я в неё влюблён? Не знаю. Пожалуй, нет. Хотя, чем чёрт не шутит. В ту пору у меня был роман с Натальей Варлей, к которой я по ночам собирался ехать, но по утрам откладывал отъезд в связи с отсутствием денег на билет, (да и там же ещё деньги нужны!). Валентиной Васильевной я просто любовался. Она рассказывала нам о селекции растений, о происхождении жизни, об эволюции человека. Но я не хотел знать ничего промежуточного: вершина этой эволюции, её совершеннейшее создание, сидело напротив меня и я мог своими глазами видеть её глаза, её щёчки и ямочки, её колени, её рот, произносящий какие-то слова. Самих слов я почти не воспринимал. Мои знания спасало только то, что этот учебник я прочитал ещё летом, и что-то осталось в голове.

А вот будущего генерала Ромку чары новой учительницы потрясли до основания.

Я не знал биологии (относительно), но другие не знали её ещё больше. Они что, тоже любовались, вместо того, чтобы грызть гранит? А девчата? Их то чего по небесам носило? Когда встал вопрос, кого посылать на районную олимпиаду по биологии, Валентина Васильевна растерялась. И выбрала меня. Но на этот раз фортуна мне не улыбнулась. Мы оба переживали нашу неудачу.

А ведь по большому счёту она угадала! Из всех моих соучеников, включая и параллельный класс, ближе всех к биологии оказался именно я. Агрономическая деятельность кроме организационной работы предполагает и общение с растениями.

Через пятнадцать лет мы встретились снова. Меня назначили директором совхоза «Арыкбалыкский», а Валентина Васильевна приблизительно в это же время стала директором Арыкбалыкской средней школы, райцентровской, самой большой в районе.

– Она что, подурнела? – с явным интересом спрашивает Мир.

– Да нет, я не заметил. К красивым женщинам годы благосклонны. Наверное, дома и стены помогают. К тому же, нет пророков в своём отечестве.

Предметом наших общих интересов являлась ученическая производственная бригада, которая равно относилась к школе и совхозу. Такие бригады были созданы во всех хозяйствах района, имели уже свою историю и нам с Валентиной Васильевной, как и тысячам других учащихся, в своё время посчастливилось быть непосредственными участниками этого движения, а теперь вот и ответственными за их дальнейшую судьбу. Но о бригадах позднее, а пока надо завершить главу об учителях.

Неординарным человеком был Гердт Александр Иванович, учитель истории, о котором вспоминает и Иван Яковлевич. Не помню, чтобы он нам преподавал, возможно, только замещал иногда постоянного учителя, но он был классным руководителем у Сашки и оставил в его душе самый добрый след. А мне с ним доводилось встречаться позже, на районных и областных семинарах и совещаниях, или так, случайно, гденибудь в аэропорте. Он всегда производил на меня впечатление человека очень дружелюбного, внимательного, толкового, равнодушно-го. Его назначили директором Акан-Бурлукской восьмилетней школы и они с Эрной Карловной переехали на четвёртое отделение совхоза. А потом я встретил Александра Ивановича уже в качестве заведующего Арыкбалыкского РОНО, с должности которого его вскоре перевели в Кокчетав заместителем заведующего ОблОНО.

Я не знаю, как дальше сложилась их судьба, может быть они остались в Казахстане, может переехали в Россию, а может решились на Германию. Последний эпизод, связанный у меня с именем Гердта, это воспоминание, за достоверность которого я не могу совершенно ручаться (но оно ведь откуда-то взялось?), будто Александр Иванович хотел выставить свою кандидатуру на выборах директора одного из совхозов нашей области. Это было уже в самом конце перестройки, за которой началась такая вакханалия в сельскохозяйственном производстве, что должности директора совхоза не желали даже врагу.

Тамару Александровну Сартакову хорошо помню. Она была завучем, потом её назначили директором школы в Акан-Бурлуке и они с Анатолием Фёдоровичем туда переехали. Это уже после Александра Ивановича было. Они и Таню Малюченко уговорили туда перебраться. Она пионервожатой долго работала, а в Акан-Бурлуке стала заведующей клубом.

Замуж там вышла, счастье своё нашла, а потом и несчастье.

Они с Тамарой Александровной, несмотря на разницу в возрасте, дружили, и на лыжах зимой вместе ходили. Анатолий Фёдорович в выходные не прочь был пропустить пару стаканчиков, вот Тамара Александровна его этими прогулками и отвлекала. Недавно видел их фотографию в «Одноклассниках», обрадовался. Живы ещё, дай им Бог здоровья.

Набоков Александр Павлович в памяти остался. Когда Перетятко вышел на пенсию, его к нам директором прислали. Он был родом из Чистопольского района, у них в семье все педагогами становились. На слуху фамилия была. Он у нас историю вёл. Хороший учитель.

Шелема Нина Ибрагимовна, она до Рудольфа Валентиновича музыкой в школе заведовала. Первым хором, в котором я участвовал, она руководила.

Савченко Иван Гаврилович Он тоже что-то гуманитарное преподавал. В возрасте уже был, участник войны.

Они стоят в центре, Александр Павлович, Тамара Александровна, Нина Ибрагимовна, Иван Гаврилович. Ну а с ними и мы, кто сумел приехать. Тоня встречу организовывала, она тогда главным экономистом с-за «Аканский» работала, вон, скромно из-за Ромкиного плеча выглядывает.

Труды у нас вёл Кнителъ Роман Кондратьевич. Мы делали табуретки, каждый свою, а все вместе – аэросани. Когда дело двигалось к концу, Роман Кондратьевич глубокомысленно произнёс (он все слова произносил медленно и глубокомысленно):

– Как хорошо! Теперь я зимой смогу напрямую в Сокологорровку ездить.

Он к нам переехал из Чистопольского района, совхоз «Привольный» такой был, на границе с нашими землями, родня у него там жила. Мне эти его слова просто резанули слух. Как так, мы все вместе строили, а он один будет на них разъезжать? А мы? Несправедливо это. Он, может, не подумав сказал, а я на всю жизнь запомнил. Роман Кондратьевич заочно учился в строительном институте, жена ему сильно в этом деле помогала. И с курсовыми, и на хозяйстве одна на время сессий оставалась. Она хорошая была женщина, Валентина Ивановна. Он из школы ушёл, мастером на стройучастке работал, потом его послали прорабом в совхоз «Арыкбалыкский». А вскоре и меня судьба туда забросила.

Андреев Пётр Арсентьевич работал физруком до приезда Ивана Яковлевича. Крепкий такой парень, спортивный, немного безалаберный, а чтобы скрыть её, всё время строжился. У меня к нему одна претензия – почему он не научил меня правильно играть в волейбол и баскетбол? Стоило мне в игре взять в руки баскетбольный мяч и попытаться двинуться с ним вперёд, тут же раздавался свисток судьи в лице Петра Арсентьевича, который вертел кистями рук перед животом, показывая, что я совершил ошибку.

Он на ошибку указывал, а как делать правильно, не показывал. Возможно, в его глазах, я, как спортсмен, не котирировался.

Когда свистки стали повторяться с пугающим постоянством, я плюнул на всё и, получив мяч, тут же перебрасывал его кому-нибудь другому. Вместо движения я стал тренироваться в меткости броска и достиг в этом искусстве довольно приличных результатов. Пользуясь доступом к ключу от спортзала я по воскресеньям часами бросал мяч в корзину и отрабатывал подачу волейбольного мяча через сетку.

Те, с кем мне потом вместе приходилось играть в волейбол, могут подтвердить, что подачи мои действительно жёсткие и трудноотбиваемые, а в остальном я, конечно, волейболист никакой.

Ладно, Пётр Арсентьевич, не обижайтесь. Нас было много, а вы один. Его жена Нина Григорьевна была тоже учительницей и позже стала директором. Но это уже другое время, к моему рассказу оно не имеет отношения. А мне осталось только вспомнить преподавательниц литературы, имена которых я, к сожалению, забыл, и это вгоняет меня в краску стыда. Вот ведь как избирательна память, одно в металле отольёт, а другое по ветру пустит, как будто его не было. А ведь они меня любили, это я знаю точно. Одна даже пригласила меня домой и разрешила пользоваться своей библиотекой. Я выбрал «Похождения бравого солдата Швейка» и, чтобы, не дай Бог, не замарать её невзначай, обернул обложку газетой и так читал.

Учительницы менялись, но один ритуал оставался неизменным. После написания сочинений было принято лучшее из них зачитывать вслух перед классом. Нехорошо хвалиться, но чаще всего это были мои опусы. И смотрели они на меня, как тогда Станислав Борисович. Фанис однажды возмущённо спросил, почему всё время читают мои сочинения, ведь я пишу так просто? Но учительницы загадочно улыбались и в следующий раз опять выбирали меня.

2017 год. Роюсь в интернете и нахожу клип про нашу школу. Кто-то из бывших учеников 13 августа 2008 года в половине девятого утра пришёл в школу, сделал пару десятков снимков, наложил на песню про школу («Дом, милый дом»), выложил в сеть.

И мохнатая лапа нежности сдавила моё сердце!

Правда, судя по снимкам, это уже не советская школа, а образовательное учреждение суверенной республики Казахстан, с голубыми флагами на видном месте, где когда-то висел портрет любопытного Ленина, и бородатыми аксакалами на стенах классов. Мне показалось, что школа стала даже нарядней и уютней, впрочем, на фотографиях картина всегда выглядит красочней. Главное, и я в этом абсолютно уверен, в нашей школе не учат плохому, в ней по-прежнему учат только хорошему.

Глава 12

ОБЫДЕННОСТЬ ВОЛШЕБСТВА

Теперь я начинаю понимать, что та часть моей жизни, которая называется детством, была временем каждодневного соприкосновения с волшебством. Оно случалось и после (как же без этого), но тогдашние встречи с чудесами были настолько обыденны, что их просто не замечали. Сама жизнь была как чудо и мы заново открывали окружавший нас Мир, как его снова и снова будут открывать следующие за нами поколения.

Смены времён года, приобщение к литературе и искусству, пусть даже только в форме кино, но ведь был уже в доме и телевизор, по которому можно было, хоть и с трудом, смотреть театральные постановки, концерты, спортивные состязания, новости, телефильмы. Сама окружающая природа, завораживающая сенью лесов, ковылами сопок и пастбищ, уютностью лесных полян и опушек, озёрной гладью и шёпотом родников, бездонностью голубого неба, неоглядностью полей, на которых трудились люди, обилием растений и домашних животных, являющихся неотъемлемой частью повседневной жизни.

Постижение школьных предметов, приобщение с ранних лет к крестьянскому труду, увлечения, постоянное движение и безмятежный сон уставшего за день ребёнка, который просто живёт и не осознаёт своего счастья. И ощущение чистоты...

Обыденность волшебства.

Как иначе назвать то удивление, когда ты морозной ночью возвращаешься из клуба с вечернего киносеана и, в полной тишине подходя к дому, видишь, что лампочка на столбе не просто горит, а свет от неё вертикально уходит в небо и теряет-

ся где-то там, высоко, среди звёзд.

Я коллекционировал этикетки от спичечных коробков. Позже узнал, что у этой страсти есть конкретное название – *филумения*, и что ненаклеенные этикетки даже продают в городских магазинах и киосках, специально для коллекционеров. Но я, как древний человек, занимался охотой и собирательством. Не было в селе ни одной помойки, ни одного укромного уголка, которых не обшарил бы мой внимательный взгляд. Попадая в другие места, в тот же Арык-Балык или Кокчетав, я не просто шёл по улице, а как та собака рыскал по сторонам, особенно радуясь встреченным урнам, в которых с увлечением рылся, напоминая своими действиями сегодняшних бомжей. Так собирают, скорее, грибы, чем этикетки.

Затем надо было коробки намочить, этикетки аккуратно отделить, просушить, прогладить утюгом и снова наклеить, но уже в толстую тетрадь, которая и считалась моей коллекцией. Она, к счастью, сохранилась, я подарил её своему сыну Диме, как самое дорогое, что у меня было.

Сегодня не то, что этикеток не найдёшь, сами спички стали ненужной архаикой, газовые зажигалки их вытеснили.

Вы любите кино? Нет, вы не любите его так, как люблю я... (*Ну, как-то так приблизительно.*) Вернее, любил. Сегодня я отношусь к нему скорее равнодушно, но тогда... Кино стало моей второй страстью после собирания этикеток, впрочем, я их совмещал. Там, где собирается много народа, всегда найдётся человек с последней спичкой в коробке.

В нашем клубе имелся зрительный зал с деревянными креслами, вмещающий 200 человек. Обычно он пустовал, но когда привозили хорошее кино, нам, пацанам, рассчитывать на сидячее место было нереально, люди жались в проходах, вдоль стен, и мы проходили вперёд и ложились на пол перед экраном. Помню чувство восторга, охватившее меня на сеансе «Неуловимых мстителей», когда в начале фильма кони под песню протопали по нашим распростёртым телам.

Давали два сеанса, в 6 и 9 часов вечера, подгадывая летом под коров. На вечерний сеанс из школьников допускали только старшеклассников. Фильмы крутили шесть раз в неделю, в понедельник у киномеханика был выходной. Детский билет стоил 5 копеек, взрослый – 20. В ряду фильмов особняком стояли те, что имели гриф «Детям до 16 лет запрещается». Я ни разу не попытался нарушить правило и как-то проскочить. Это было просто нереально. Даже если бы кассирша продала билет, или кто-то из взрослых мне его купил, контролёрша всё равно завернула бы обратно. Все друг друга знали.

Но девятиклассникам вроде бы как не возбранялось посещать запретные сеансы, паспорт на входе не спрашивали, поэтому начал ходить и я, с первого раза поняв, что лучшие фильмы взрослые приберегали для себя.

Я сидел в почти пустом зале и, затаив дыхание, глядел на экран, где разворачивалось действие двухсерийной комедии «Агент поневоле». Это была немецко-французская экранизация романа австрийца Йоханнеса Марио Зиммеля «Икра случается не всегда» с прекрасным дубляжем, в котором текст от автора читал Александрович. Что там было такого уж крамольного, сегодня не понял бы и дошкольник, но тогда сок надкушенного запретного плода ударил мне в голову и все два с половиной часа я провёл в каком-то блаженном оцепенении. Я до сих пор отношу его к своим любимым фильмам. Не лучшим, поскольку его трудно отнести к этой категории, а именно любимым.

Вот что пишет по поводу приключений героя фильма Томаса Ливена современный комментатор:

– Картина безнадежно устарела. Сюжет выглядит не то что наивным, а даже глуповатым. Шутки не смешные. Всё смотрится таким старомодным и скучным. Удивительно, что эту чушь дублировали и показывали в Советском Союзе. Правда, актёры подобраны удачно и прекрасно справляются с поставленной задачей. Вот только зрителя для подобных зрелищ не осталось.

Неправда, мы ещё не все умерли. Один из моих ровесников утверждает, что «Агент» – это вообще шедевр.

Видимо, дорога ложка к обеду.

Сколько себя помню, придя в клуб, всегда старался покрутиться сзади него, возле лестницы, ведущей в будку киномеханика. Можно было разжиться кусочком ленты с несколькими кадрами, обрезанной во время склеивания. В особо удачном случае можно было заглянуть в дверь и увидеть сами аппараты. Там священнодействовал Николай Майер, живший со своей семьёй в доме возле автобусной остановки. Его жена была родственницей тёти Кати Малюченко, сестрой, кажется.

Неудивительно, что когда пришло время, я с радостью записался в кружок «Юный киномеханик» и мог уже беспрепятственно входить в будку. На правах ученика перематывал бабины, заряжал аппараты и, иногда, крутил кино, поглядывая на экран из маленького окошечка в стене. Запах плёнки, запах горячей лампы проектора, запах афиш, они завораживали меня, эти запахи.

Когда по прошествии лет, из-за работы, я не мог уже посещать сеансы так часто, как в ту пору, вернее, эти посещения стали носить единичный характер, то стал выписывать альманах «Киносценарии», который начал издаваться с 1977 года.

В Германии я собрал фильмотеку на 1200 дисках. Сколько фильмов на них записано, я даже затрудняюсь сказать, лень пересчитывать. Много. Все советские шедевры – однозначно, плюс несколько сотен мировых, а так же основные значимые создания российских кинопроизводителей. Теперь вот оказалось, что зря собирал. Все фильмы можно смотреть напрямую, стоит только задать название. Это веяние нового времени. Но не жалею о своём киноренессансе, потому что сегодня я стал относительно равнодушен к художественным фильмам. Меня более привлекает документалистика. Говорят, что вся мировая кинематография зиждется на 125 сюжетах, всё остальное – их вариации. Ну что же, большинство я, наверное, просмотрел, так что

тому кино в своей жизни могу считать исчерпанной, хотя смотрю, конечно же ещё смотрю, только долго выбираю. Предложения уже до неприличия превышают спрос. А эффект дежавю стал для меня практически нормой. *(Ещё ты тут со своей книжкой в глаза лезешь.)*

В детстве и юности порой бывает так, что волшебство, окружающее тебя, в какой-то момент становится почти осязаемым и тогда возникает искушение его отразить. Единицам удаётся, для остальных попытка так и остаётся попыткой, но след в душе оставляет. Искушение это называется творчеством и неважно, в какой сфере оно проявляется. Важен сам факт.

Меня задело поэзией. Вернее, вначале это была всё-таки проза. В шестом классе я решил написать роман. Несколько ночей, пугая мать, сидел на кровати с отрешённым лицом и черкал что-то карандашом в тетради. Естественно, это был фантастический роман, потому что реального жизненного опыта у меня не было, значит всё нужно было придумывать.

Сюжет, как мне казалось, отличался оригинальностью: астронавты высаживаются на неведомой планете, берут пробы грунта и оказывается, что она целиком состоит из алмазов. Драгоценные для землян куски валяются прямо под ногами. И что им делать с этим богатством? Да и так ли уж на самом деле ценны эти камни?

Зайдя в тупик, я решил сократить роман до рассказа и оставить пока созревать. А сам приступил к следующему.

Каким-то образом учёные определили, что Земля наша сложена таким образом, что существует определённая точка, воздействие на которую разрывает все связи и планета разваливается на куски. Точка эта находится на Северном полюсе и покрыта слоем вечного льда. Координаты её определены точно, и вот, разные люди ринулись к ней. Одни с целью обезопасить планету, другие с намерением её разрушить.

Промучившись пару месяцев с прозой я решил оставить это неблагодарное занятие и переключиться на поэзию, тем бо-

лее, что рифмование слов не доставляло мне особого труда, а результат был виден уже через несколько часов.

Работа закипела! Толстая 96-страничная тетрадь пухла от исписанных набело листов, черновики я выбрасывал. О чём писал? Да обо всём, что видел и о чём думал. Это могли быть впечатления от лыжной прогулки, работы механизаторов в поле, мысли, пришедшие в голову при рассматривании цветка, описание Леса, не в последнюю очередь патриотические стихи. Сколько себя помню, я всё время был членом какой-либо редколлегии, включая общешкольную. Значит писал по заказу, на злобу дня, литературно обрабатывая поступающие в редколлегию заметки. Писал по просьбе своих товарищей, на заданную ими тему, или о них самих, стараясь привнести в строчки элементы драматизма:

Сашка, Сашка, ишак лопухий,
До какой же ты жизни дошёл.
Умереть под забором собакой,
Вот удел твой, к чему ты пришёл.

Не помню, чтобы школа кишела поэтами. Не каждый пишущий осмеливается выставлять стихи на всеобщее обсуждение. Было одно стихотворение, которое мы напечатали в нашей газете. Автор – ученик десятого класса Владимир Полишук. Не буду утверждать категорично, но, кажется, он потом поступил в военное училище.

Я – осмеливался. Смелости моей хватило даже на то, чтобы отобрать дюжину лучших, по моему мнению, опусов и послать их в редакцию детского журнала «Костёр», имеющего поэтическую рубрику:

– Если уж они *такие* стихотворения печатают, то мои обязаны оторвать с руками и ногами.

Естественно, их не опубликовали. И правильно сделали, несмотря на самый положительный отзыв с детальным разбором

каждого стихотворения, присланный мне редакцией. Этот 20-страничный ответ несколько лет укором лежал в ящике комода вместе с другими документами, пока я его не выкинул.

Для меня наступило отрезвление. Я понял, что я не поэт, а стихоплёт. Стихи мои при внимательном прочтении профессионалом выявили столько ляпов и неточностей, что я, в первую очередь, поразился её деликатности. (Автором рецензии была женщина.)

В одном из стихотворений, повествующем о нелёгком труде хлеборобов, я утверждал, что климатические условия Северного Казахстана не сравнимы с некоторыми другими странами: – «Это вам не Грузия и не Китай» (как будто я там бывал), на что рецензент мягко отвечала мне, что в Китае есть области, куда более суровые, чем казахстанские степи.

Другое, лирическое, про ромашку, начиналось так:

Милая ромашка
Белый лепесток
Золотое сердце
Серенький пушок.

«Золотое сердце» вызвало в душе моей визави самую положительную эмоцию: – «Прекрасная, прекрасная метафора», – но «серенький пушок» мазал всю картину.

И так по каждому стихотворению.

Рецензию я никому не показывал. Это было наше личное дело – поэзии, меня и редакции журнала «Костёр».

Вскоре почти полностью погибла и тетрадь со стихами.

Случилось это следующим образом. У меня появился ученик. Да, не удивляйтесь. Женька Аширбеков, сын нашего участкового милиционера, девятиклассник, смущаясь, попросил меня, семиклассника, послушать его стихи. Сочинял он их пугающе быстро, так же быстро, с придыханием, читал, смысла особого в них не было, судя по оставшимся в моей памяти первыми двумя строками стихотворения, посвящённого учениче-

ской производственной бригаде, в которой он в тот год трудился:

Трактора у нас большие И большие ЛДС

ЛДС – это лушильник дисковый – сеялка.

Мягко, стараясь не обидеть, сказал ему об этом, но обнадёжил, что не всё потеряно. Мудро и печально делился я своим горьким опытом и 20 листов рецензии, напечатанной почему-то на зелёной бумаге, скорбно вставляли перед моими глазами. Оставил ему тетрадь.

Дело было поздней осенью, мать его, уже известная нам Рая Аширбекова, решила протопить печь. Дрова не хотели разгораться и она стала искать бумагу, чтобы ускорить процесс. Нашла какую-то чужую ненужную тетрадь.

Фатальное стечение обстоятельств, так, кажется, это называется.

Женька тоже не стал поэтом. Он пошёл по стопам отца и сменил его на посту участкового. Десять лет спустя мы делили с ним кабинет в отделенческой конторе совхоза, с добрым смехом вспоминая наши полёты «за облака», а через год он в этом же кабинете, тоскливо отводя глаза в сторону, допрашивал меня по подозрению в соучастии хищения 16 тонн зерна.

Да, чуть не забыл. Какую-то пользу стихосложение или, если быть точнее, стихоплетение, всё-таки приносило. Помните, по химии надо было заучивать наизусть валентность элементов. Не знаю, что говорили ваши учителя вам, но нам Евгения Григорьевна сразу посоветовала запомнить следующее словосочетание: «Калий, натрий, серебро – с водородом заодно». Это для одновалентных. Но я пошёл ещё дальше. Сочинил слоган для двухвалентных элементов, которым с успехом пользовался в школе, а потом и в институте: «Кальций, магний, цинк и «О» – двухвалентны, как одно». («О» – это кислород).

Мой литературный брат и друг Женья.

Пропало моё художественное наследие. А я ведь почти не жалею о нём. Наверное, оно того и стоило. Остались в памяти только два стихотворения, которые до сих пор помню наизусть. Именно они научили меня смелости. Смелости общаться с аудиторией.

– А сейчас, ребята, перед вами со своими стихами выступит ученик 8-го класса Витя Гридюшко, – объявляет ведущая школьный вечер учительница и я, сгибаясь от волнения на, вдруг ставшими ватными, ногах, выхожу на край сцены, вижу сотню людей, устремивших на меня взгляды и, пересиливая волнение, начинаю рубить правой рукой воздух перед собой, как те ребята в Политехническом, о существовании которых я узнал позже. Хотя вру, я ведь уже смотрел фильм Марлена Хуциева «Мне двадцать лет».

Был ты молод ещё и зелен,
У тебя было всё впереди,
Но судьбой воевать тебе велено,
В бой, на смерть тебе надо идти.

И ты шёл, ведь не мог ты иначе,
Вдруг ты жив, а погибнет другой,
Мать его закричит, заплачет,
И вдруг станет совсем седой.

То, что сделал ты – это подвиг,
Но не ради него ты погиб.
Ты сберёг матерям их счастье
В их сердцах ты не будешь забыт.

Поверьте мне на слово, это дорогого стоило!
Как вы уже догадались, стихотворение было посвящено
подвигу Александра Матросова. Ну а второе, из сохранившихся
– Зое Космодемьянской.

Ты была партизанкой отважной
В 18 ты была бойцом
А когда тебя немцы схватили
Ты вела себя молодцом.

Били тебя, тебя жгли и пытали
На мороз выгоняли босой
Но ни слова ты не сказала
И погибла ты как герой.

Ты погибла, но ты не забыта
Ты живёшь в нашем сердце всегда
И гордится тобою, Зоя
Вся советская наша страна.

Глава 13

ВОЛШЕБСТВО ОБЫДЕННОСТИ

Не такой уж я и старый (*старый – это всегда тот, кто старше меня на 15 лет*), а хорошо помню, как в первые годы нашей жизни в Куспеке по улицам неторопливо ездил повозка, запряженная парой волов. Она развозила строительные материалы по объектам. Завидев её, я всё бросал и подбегал поближе, чтобы внимательнее рассмотреть этих диковинных животных. По иерархии, сложившейся в моей маленькой голове, следом за ними сразу должны были следовать слоны. Существовали, конечно, ещё и быки-производители, но у них была другая конституция: огромная морда с курчавым лбом, сильная грудь, узкий зад и красные злые глаза. Они пугали своей агрессивностью, но гиганты, выраставшие из кастрированных бычков, казались мне сильнее. Мощные, мускулистые, с большими рогами, они флегматично жевали жвачку и косили по сторонам своими красивыми «воловьими» глазами.

Волы были реликтом прошедшего времени, которых, наряду с лошадьми, люди использовали для своих производственных нужд. Но, как говорится, железный конь пришёл на смену крестьянской лошадке. Волы за ненадобностью исчезли, а вот кони остались. Они незаменимы для пастухов и скотников. Впрочем, не удивлюсь, если узнаю, что жители деревень опять стали выращивать и использовать волов. У меня сложилось впечатление, что бывшая советская деревня сегодня отброшена на десятилетия назад.

А через восемь лет я так же восхищённо смотрел уже на громаду К-700, совершенно непохожую на те трактора, что мне

доводилось видеть прежде. В кабине гиганта, посверкивая золотой фиксой, важно восседал Валерка Щербак, живший со своей женой-учительницей на Лесной улице, на которую он в данный момент и направлялся. Красивый такой парень, сильный, первый водитель «Кировца» в нашем селе. На его месте мог бы быть отец, но не сложилось, хотя это он, вместе с Валеркой и ещё тремя другими мужиками совхоза в 1968 году шесть месяцев учился в Рузаевском училище механизации, где были организованы областные кустовые курсы по подготовке трактористов К-700 из числа опытных механизаторов. Курсы начались в ноябре, после окончания уборки и длились до конца апреля, чтобы освободить учащихся к посевной. Помню, как мать собирала нашему курсанту сумку с продуктами и вещами, отсчитывала ему деньги на столовую.

– Дай ещё пятёрку, мужики соберутся, приезд захочут отметить, я что, в углу сидеть буду?

Мать добавляла, но наставляла:

– Не трать деньги по дурному, экономь.

– Ну ты же меня знаешь.

– Потому и говорю, – отвечала мать.

Мы мало видели отца дома в те месяцы.

Наша мать была практичной женщиной. Семья, её благоденствие, всегда стояли у неё на первом плане. Она ещё со времён первого отцовского «усольского» учения усвоила, что образование окупается. Средства, вложенные в него, приносят дивиденды.

Трактористу-машинисту второго класса к заработку доплачивали 10%, трактористу первого – 20%. Правда, в начале 70-х эту льготу отменили, уравнив всех механизаторов.

Права тракториста К-700 сулили новые выгоды.

А ещё мать пугала ситуация, что, вдруг, отец по каким-то обстоятельствам окажется совсем без денег. В чужом месте, среди чужих людей. Для безопасности ему выдавалась десятка в качестве неприкосновенного запаса. О собственных отцовских

«зачаках» мне ничего не известно, но они должны быть у каждого уважающего себя мужчины.

И всё-таки ему не суждено было, образно выражаясь, огласить степь рокотом мотора. Трактористом он проработал всего несколько первых целинных лет, а потом ему предложили стать мастером-наладчиком его родной 2-й полеводческой бригады и он согласился. Мастер-наладчик тех лет – это обычно опытный тракторист, освоивший все виды техники и хорошо разбирающийся в ней. В идеале все механизаторы должны быть такими, но на практике их не так уж и много, в силу разных причин. Хороший наладчик – уважаемый в бригаде человек. Ангел-спаситель. Он так же весь световой день находился среди трактористов в поле, но чаще на полевом стане, помогая ремонтировать технику и проводить плановые техходы. В его распоряжении был специальный маленький трактор с тележкой.

Получив должность, отец потерял в зарплате. Будучи трактористом он играючи перевыполнял нормы, теперь у него был оклад, около 130 рублей в месяц. И право на доплату в конце года, если урожайность по бригаде превышала плановую, за те месяцы, что он в ней трудился. Зимой его рабочим местом становилась МТМ, где он ремонтировал моторы. Со временем работа моториста стала основной и о бригаде пришлось забыть. А после появления в совхозе новых тракторов ремонт двигателей К-700 тоже стал для него обязательным и никому в совхозе не приходила в голову мысль сажать столь ценного кадра за руль трактора.

Но была одна сфера трудовой деятельности, ради которой его тридцать лет на два месяца освобождали от всех других обязанностей. Я говорю об уборке урожая, в которой отец принимал участие в качестве комбайнёра. Именно она принесла ему славу, почёт и уважение почти всех односельчан, и зависть тех немногих, кого он подвинул с высоких пьедесталов. Вполне заслуженных, кстати. Просто в жизни случается так, что неожиданно появляется человек, который может делать определённую

работу лучше, чем все остальные. Это вполне нормально и к этому надо быть всегда готовым, относясь философически. Лучший выход в данной ситуации, по моему мнению, подойти и поздравить первого. Так ты приобретёшь себе великодушного друга. Но не все могут так поступать.

Я оставлю сейчас эту тему. Подробно об уборке урожая и её драматизме, даст Бог, будет рассказано в следующей книге. А текущая глава этой называется «Волшебство обыденности» и волов вместе с трактором К-700 я упомянул только ради того, чтобы показать, как резко, прямо на наших глазах, происходили изменения в окружающей жизни. Серые гусеничные трактора ДТ-54 с задвигавшейся дверцей сменили синие ДТ-75, в которых дверь кабины захлопывалась как в машине. Заработал на полную мощность Павлодарский тракторный завод и в совхоз начали поступать «Казахстанцы» – ДТ-75М. Алтай поставлял Т-4, Минск радовал «Белорусами» МТЗ-50, Ленинград насыщал «Кировцами», Горьковский автозавод тружениками-грузовиками ГАЗ-53, Москва слала ЗИЛы. На смену СК-4 пришла «Нива», которая со своей кабиной казалась комбайнёрам верхом удобства.

И всё это за очень короткое время, пока мы учились в школе.

Прекрасная картина, не правда ли? Прекрасная, если не знать, что, например, в 1970 году в наших колхозах и совхозах на один трактор приходилось 117 гектаров пахотных площадей, в США – 37, в ФРГ – 6. А мы и не знали, и радость наша была неомрачённой. Мы сравнивали то, что есть, с тем, что было и гордились своей страной. И правильно делали. За всеми не угонишься. Всё относительно. Цифры порой лукавы.

Последние пятнадцать лет я живу в доме, расположенном на окраине города Вюрцбурга, бауэрские поля начинаются прямо за нашей оградой. Хорошее место, но я не об этом. Все пятнадцать лет я вижу на ближних полях один и тот же трактор и один и тот же комбайн. Трактор не самый большой, что-то

вроде нашего Т-150, до «Кировца» он не дотягивает. А земли у фермера что-то около 100 гектаров, может немного больше. То есть столько, сколько приходилось на один трактор и комбайн в СССР. Тут много нюансов, главные из которых – набор возделываемых культур, определяемый климатическими условиями региона и набор сельхозорудий, позволяющий эти культуры выращивать.

«Мой» немец специализирован: он сеет и убирает зерновые культуры, исключение составляет только сахарная свёкла. Итак, внимание. Он культивирует пшеницу – озимую и яровую, ячмень – озимый и яровой, рожь – озимую и яровую. Семена первых он кладёт в землю осенью, семена вторых – весной. Значит и уборка происходит в разное время. Он возделывает озимый рапс на зерно и теплолюбивую яровую кукурузу, тоже на зерно, она в Германии, благодаря долгой осени, успевает вызреть. Убирает её нанятый комбайн, как и сахарную свёклу. Сельскохозяйственный цикл растянут по времени. Паров у них нет, выпадающие осадки обеспечивают стабильный урожай. Большую часть года трактор простаивает.

6 гектаров на один трактор – это показатель скорее бедности, чем богатства. Вынужденная цифра. Я читал воспоминания одной немки, бабушки моей коллеги по работе. Самиздат, типа моего. Она вспоминает, что их семья жила «с земли», то есть они были обычными немецкими «бауэрами», единоличными крестьянами по нашему. У них было 22 гектара земли, разбросанных на 40 различных участках. Считались зажиточными, то есть могли себя прокормить. Но не более того. До 50-х годов они обрабатывали свою землю только на лошадях и вручную, «кнохенарбайт», вспоминает она, то есть, если перевести на русский, «тянули из себя жилы». Урожайность была 12-15 центнеров с гектара, и это при 400-450 мм осадков в год, хорошей почве и мягкой зиме, позволяющей выращивать озимые культуры, которые всегда более урожайны. А ведь были в деревне крестьяне, имевшие вдвое-втрое меньше земли.

Положительные сдвиги в сельском хозяйстве капиталистической Германии (ФРГ) произошли только тогда, когда правительство поняло, что «дальше так жить нельзя», то есть через 20 лет после эксперимента «глупой» России. Оно провело государственную кампанию под названием «Флурберайнигунг», то есть «устранение чересполосицы». Ольга Вагнер, на которую я ссылаюсь, пишет, что после долгих дебатов, и некоторых недовольных, землю в деревне всё-таки удалось поделить и их семья получила свои 22 гектара в одном поле. Они тогда смогли, наконец, купить в кредит трактор и весь полагающийся к нему сельскохозяйственный инвентарь. Работать стало легче, а урожайность повысилась. Трактора купили и более мелкие собственники. Но жить с такого участка земли уже было невозможно. Надо было или брать в аренду чужие участки или отдавать в аренду свои и искать дополнительный заработок на стороне, благо, что экономика Германии находилась на подъёме.

К «несчастью» для статистики, немецкие трактора оказались вечными. Их и сейчас ещё можно встретить, эти полуигрушечные машины. А кто у нас считал Т-16 и Т-25 за настоящие трактора? Никто. Т-40 ещё туда-сюда. Ценились мощные, по крайней мере на Целине, где можно было развернуться во всю силу.

Надо сказать, что Россия в вопросе тракторостроения пошла другим путём, я не хочу сказать, что самым плохим, но особым: если принять сумму затрат на производство и последующее обслуживание одного трактора (без учёта ГСМ) за 100%, то затраты на производство составляли 23-24%, а остальные 76-77% уходили на ремонт машины. Я сам свидетель, как мы, ученики 9 класса, разобрали в МТМ трактор до рамы и потом, под присмотром руководителя ученической производственной бригады Ильина снова собрали его из новых, отремонтированных и годных старых деталей. Кто ещё не до конца понял, каким спецом был наш отец, надеюсь, сейчас прочувствовался. Мотор был самой важной частью трактора.

А 117 гектаров земли на один трактор (в действительно-сти в наших местах приходилось вдвое-втрое больше) означало только то, что использовать их приходилось более интенсивнее. Ни один немецкий фермер, ни один немецкий трактор не работают так напряжённо, как работали наши механизаторы на наших тракторах. Я преклоняюсь перед этими людьми и, даст Бог, ещё расскажу о них.

Мы сеяли только яровые культуры. Сначала десять дней закрытие влаги, потом две с половиной недели посевная, основным элементом которой была подготовка почвы в две смены и сам посев, потом первая обработка паров, потом сенокос, потом опять пары, потом уборка сенажных и силосных культур, потом опять пары, уборка зерновых, сволокивание соломы и вспашка зяби до тех пор, пока земля не замёрзнет. На всё про всё в году отводилось только шесть месяцев, вместо девяти-десяти немцу.

Да, о волшебстве всё-таки. Если я сегодня из года в год вижу один и тот же трактор, то тогда, в 1970 году, в «Аканском» совхозе на 25 тысячах гектаров пашни их работало около ста. 80 официальных и штук 20 «списанных», которых никто не собирался сдавать в металлолом. Это потом, в 80-е, план сдачи металла стал таким жёстким, что со старыми тракторами приходилось расставаться, благо, что замена им уже стояла у ворот. То же происходило с комбайнами и автомашинами. Самое же парадоксальное заключалось в том, (я потом всё это анализировал), что ни количество тракторов, ни их мощность, не оказывали прямого влияния на урожайность зерновых культур, которая подчинялась другим законам, и не в одних осадках дело. Сегодня я совершенно точно знаю, как на полях «Новосветловского» или «Арыкбалыкского» совхоза можно было бы гарантированно получать ежегодно вкруговую по 20 центнеров зерновых с гектара, при плане в 14,6 ц/га. Ну не каждый год по столько, это было бы слишком самонадеянно, погоду не отменишь, но, скажем, за пять лет в среднем. Только боюсь, мои знания никому не нужны, хотя я готов их предоставить совершенно альтруистиче-

ски. Ладно, в следующей книге напишу рецепт, может какой умный человек ему и последует, и имя моё покойное вспомнит.

Ну почему, почему в России принято так долго запрягать? Сначала запрягаешь, а потом видишь, что и дороги стали совсем другими и пейзаж по сторонам изменился, и люди уже не те. Может и лучше, но не те. И ты уже никому не нужен со своими советами.

Страна покоряла околоземное пространство. Об этом писалось в газетах и передавалось по радио. Но для нас космос был ближе, чем для остальных людей. Мы могли своими глазами видеть часть той гигантской работы, которая сопровождала запуски ракет. Пусть ничтожную, всего лишь отдельные эпизоды, но мы были их свидетелями. Это определялось относительной близостью космодрома Байконур. 700 километров по прямой трудно назвать близким расстоянием, но речь идёт о космических масштабах. И территория нашего совхоза, как и тысяч других хозяйств Казахстана была включена в арену космического действия. В ясную ночь можно было видеть, как на небе внезапно появляется движущаяся точка.

Над нашими окрестностями часто кружили военные вертолёты. Ну где бы я мог ещё в другой жизни насмотреться на них? Они всё время что-то искали и, наверное, находили. На берегу озера, возле футбольного поля, там, где была оборудована взлётно-посадочная полоса для санитарных самолётов АН-2 («Кукурузников»), вертолёты садились, иногда сразу два или три. Всё село, бросив разом дела, сбегалось к озеру. Вертолётчики, не обращая внимание на людей, что-то перегружали из машины в машину и, подняв винтами пыль и ветер, тяжело поднимались вверх. Кроме лётчиков были ещё пассажиры, почти все военные.

Недалеко от Володаровки, соседнего райцентра, приземлился спускаемый аппарат с космонавтами, на том месте позже поставили мемориальную стену со стеллой. На парашютах с неба спускались какие-то устройства, наверное метео и радио-

зонды, а может и ещё что, кто его знает? Вертолётчики собирали их. Мужики тоже находили и обрезали стропы для хозяйственных нужд. А может лётчиков интересовали только аппараты, а с запутавшимися на деревьях парашютами им было лень возиться, или времени столько не было? У многих в селе были стропы, у нашего отца тоже.

Как летал Гагарин, я за переездом совсем не помню, а вот когда он разбился в конце марта 1968 года в памяти отпечата-
талось. Нам в школе объявили, а мы не поверили. На перемене ходили по школьному двору и смотрели в небо, как будто он вот-вот должен был на парашюте к нам спуститься. Уверенно говорили друг другу, что он не мог просто так погибнуть, его инопланетяне забрали.

Марк Аврелий сказал, что наша жизнь есть то, что мы думаем о ней. В этом я с ним полностью согласен. Поиски элементов волшебства, которыми я сейчас занимаюсь, раскрашивают моё прошедшее в живописные цвета, которых на самом деле может и не было, вернее, из-за близости расстояния я их не различал. Существовала жизнь, скорее серая, чем цветная, полная забот, тревог, волнений, радостей и печалей, красоты которой я не замечал. Некогда было про неё думать, про красоту, надо было успевать жить, худо-бедно справляясь с постоянными вызовами.

Сегодня я живу относительно спокойно. Всё, что со мной происходит – повторение пройденного. Значит жизнь была насыщенной. Так и должно быть. Старость не любит спешки. У меня, благодаря этой книге, появилась реальная возможность *нарисовать* свою прошлую жизнь. И какой я её нарисую, такой она навсегда и останется.

Это надо успеть сделать самому, потому что если ты не герой, о котором живописуют другие, у тебя почти 100% шанс исчезнуть бесследно. Семейные предания – ненадёжная вещь. Забудут, с благодарностью или осуждением, но забудут. Не арабы.

Пришёл раз вечером в клуб (1969 год) и увидел прислонённые к стене плиты с выбитыми на них фамилиями и именами. Почти все были местными, знакомыми. Поискал глазами на букву «Г» и не нашёл там своего отца. Данный факт страшно меня удивил. Отец был везде, он был гордостью села, да вот же, на стене, на Доске почёта висит его фотография.

Только позже сообразил, что это были плиты с именами жителей села Куспек, не вернувшихся домой с войны и они должны были быть вмурованы в постамент памятника погибшим воинам. Приближалось 25-летие Победы и каждый населённый пункт обязан был что-то солидное воздвигнуть в память погибших, даже если уже и имел что-то. Наверное, было принято специальное решение правительства по этому вопросу, но именно с 1970 года памятные места и знаки появились повсеместно и 9 Мая у каждого из них проходили поминальные мероприятия. Стояли в карауле пионеры, торжественно звучали речи, возлагались цветы. Люди приезжали, часто издалека, вроде как на могилу. Эта традиция жива и поныне, хотя со дня Победы прошло уже более 70 лет. Кто-то говорит, что пора уже и забыть, а люди помнят. И они правы.

В Куспеке настоящий памятник поставили, с каменным солдатом, которого каждый год красили «серебрянкой». Парк вокруг разбили, мы, ученики, кустарники сажали. Забором обнесли, сначала деревянным, а потом бетонным, ажурным. Масштабный проект, так и людей в совхозе жило около 3 тысяч, сегодня вполонину меньше.

Ходили с учительницей по вечерам к живым участникам войны, записывали их воспоминания. Наверное, где то хранятся, у кого рука поднимется такое выбросить. Уважали ветеранов, в школу приглашали на встречи. Из нашего класса, по-моему, только у двоих отцы воевали. У Кольки Немкова и Фаниса Шаехова. Но у Фаниса был более героический, орденом «Отечественной Войны» награждённый. В кавалерии служил. Татарам это дело привычное. А в совхозе плотником работал. Рассказы-

вал нам, как рылся в вещмешке и чеку от гранаты вытащил, а сама граната в сумке осталась.

Женщина запомнилась. Чуть старше матери. Тоже из Белоруссии приехала. Доярка передовая. Фамилия – Девочко. У неё медаль была, какой партизан награждали. Они, дети, лет 11-12, немецкие эшелоны поджигали. Разводили недалеко от дороги костёр, гайки к проволоке прикручивали и накаливали до красна. Как эшелон проходил, они эти гайки в него метали. Если удачно кинуть, мог пожар начаться, на ходу быстро разгорается. Немцы по ним стреляли, конечно, когда замечали, одного пацана убили.

Вот он, памятник. И ребята у ворот. Дулат о чём-то задумался, Коля, Ромка, Ольга Рыбалко, муж её? или Миша Рябинин?

Нас в октябрюта приняли, звёздочки с маленьким Лениным выдали. На пиджаке носил, гордился. Пионером стал, тоже гордился, во всех мероприятиях участие охотно принимал. Дружина общешкольная носила имя Олега Кошевого, а отряд наш, классный, вроде как в честь Лизы Чайкиной назывался. Красные галстуки, шёлковые, в культмаге совхозном продавались:

– Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного.

С 14 лет в комсомол принимали. Это когда мы в 8 классе учились. Да, где-то зимой и было. 1969 год. В Арык-Балык нас на совхозном автобусе отвезли, по одному в кабинет Первого секретаря райкома комсомола приглашали. Гена Шуховцов тогда им был. Там бюро заседало, вопросы задавали:

- Почему ты решил вступить в ряды ВЛКСМ?
- Что означает принцип демократического централизма?
- Сколько орденов на знамени комсомола?
- Что сказал Ленин на 3-м съезде комсомола?

В члены ВЛКСМ я решил вступить потому, что все пионеры туда вступали. Не стал ничего выдумывать и честно признался, что хочу быть в передовых рядах советской молодёжи. Все ребята и девчата, которых я уважал, были комсомольцами. Это была честь, и несколько месяцев накануне меня бил мандраж, что всех примут, а меня нет, и я останусь изгоем. Сильное чувство, можете поверить на слово. Говорят, подобное ощущали те, кого в 30-х годах не брали в армию. Да, пожалуй это правильное сравнение.

Принцип демократического централизма – это, в двух словах, «сверху-донизу» и «снизу-доверху», а кто интересуется деталями, пусть открывает Устав ВЛКСМ, если найдёт, и читает.

Орденов на Знамени комсомола шесть и мне однажды посчастливилось увидеть это знамя своими глазами.

Ленин сказал, что «надо учиться, учиться и ещё раз учиться», но на самом деле он этих слов не говорил, а сказал только, что задача состоит в том, чтобы учиться. Учиться коммунизму. *«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».*

Нас несколько месяцев готовили. Разбирали Устав и Программу. Занятия проводила комсомольская вожатая Гришу-

кевич Нонна, десятиклассница из интерната, старшая сестра Сашки Гришукевича, о существовании которого я ещё не подозревал. «Интернатские» из Акан-Бурлука появятся у нас в классе на девятом году обучения, уже с комсомольскими значками.

Всю работу по нашей подготовке курировала старшая пионерская вожатая школы. Она, оказывается, была ещё и старшей комсомольской вожатой.

Короче, меня как и всех других одноклассников приняли, и я, не боюсь повториться, стал с гордостью носить комсомольский значёк. Тогда в школе часто диспуты устраивались среди комсомольцев. Сначала диспут, а потом, иногда, стулья в стороны и – танцы. Но сначала всё-таки диспут:

– Что такое совесть?

– Что такое счастье?

– Что такое красота?

Красота – это была в моих глазах Люда Скоржевская, Тонина сестра, на два года старше нас. Правда, на том диспуте я промолчал, хотя на всех остальных старался свою точку зрения высказать. Это ведь тоже смелости требует. Ты говоришь, тебя слушают, но в любой момент могут опровергнуть. Не партийные дискуссии 20-х годов, конечно, не споры «остроконечников» с «тупоконечниками», но говорить учились. А где ещё научишься, если не охаивать всё разом? Хотя, точки зрения у всех почти совпадали. Так, буря в стакане воды. Конфликт хорошего с ещё лучшим.

А Люду я однажды даже пригласил танцевать. И считаю это одним из самых героических поступков, совершённых мной в жизни. На ней в тот вечер было платье из нескольких слоёв марли, Тоня мне по секрету сказала, что сестра сама его сшила. Впрочем, Люда из породы тех немногих женщин, на которых хоть мешок одень, им всё равно к лицу будет.

Ну что ещё вам рассказать о волшебстве обыденности? Как диафильмы смотрели? Да, у нас дома был диапроектор за 6 рублей. Ставили его на стол, занавешивали окна одеялами и

проецировали на белёную стену печи, которая в зал выходила. Народу набиралось, ни пройти, ни проехать. Наши с Сашкой приятели, Людины подружки. Диафильмы в магазине продавались, в коробочках таких пластмассовых, с крышечкой. В памяти осталось название одного из них: «Как буря перевешала вывески». Картинки, а под ними текст.

Или как баян покупали? Это из времён, когда я музыке обучался. Отец в субботу попросил Рудольфа Валентиновича, чтобы он инструмент прямо в магазине проверил. Всё-таки дорогая вещь, 220 рублей стоила.

Продавщица культмага подала футляр, Рудольф Валентинович открыл его и вытащил баян. Пробежал пальцами по кнопкам, развернул мехи:

– Прекрасная вещь, берите, не сомневайтесь.

Отец расплатился и мы вышли на улицу. Я держал в руках инструмент, поскольку с этой минуты стал его хозяином. Остановились. В поведении обычно спокойного отца сквозило беспокойство.

– Нехорошо как-то получается, обмыть бы надо, – сказал он и вопросительно посмотрел на учителя. Тот неопределённо пожал плечами.

– Закон такой есть, не обмоешь, работать не будет. Обязательно сломается, – уже уверенней продолжал отец, будто убеждая сам себя. – А вещь хорошая, дорогая. Нет, надо обмыть. Вы меня пару минут подождите, я сейчас, быстро.

И правда, минут через десять он, улыбаясь, показался в дверях продуктового магазина. В руках его были две бутылки водки и банка консервов «Сайра в масле».

– Ну зачем столько, Михаил Васильевич? – забеспокоился Рудольф Валентинович. Много же будет!

– Ничего, сейчас компанию сообразим, – весело ответил отец и мы стали подниматься к нашему дому.

Участковый милиционер, капитан Борис Аширбеков, в майке и форменных брюках возился во дворе своего дома. Отец

окликнул его и предложил пойти с нами обмывать баян. Тот внимательно посмотрел на учителя, на отца, одел старый китель без погон и, как в Библии, последовал за нами. Не успели мы пройти и двадцати шагов, как навстречу нам из ограды школы вышел её директор Набоков Александр Павлович.

– Сыну баян купили, музыке хочет учиться, – радостно доложил отец. – Идём покупку обмывать. Не желаете с нами, Александр Павлович?

Директор внимательно посмотрел на отца, на милиционера, на учителя, на меня, тянущего футляр, и, как в Библии, последовал за нами.

Когда мать, услышав доносящиеся из дверей дома непривычные звуки, решила проверить, что там такое происходит, её взору предстала следующая картина. В сенях нашего дома, за столом, сидели главный её начальник, директор школы Набоков, страж и блюститель порядка Аширбеков, именем которого она пугала пьяного отца, учитель музыки, растягивающий меха баяна и, совершенно счастливый отец, который во весь голос орал песню про целинников. В душе он был романтиком Целины, этот сын «андерсовца», хотя и припозднился к началу.

Родины просторы, горы и долины
В серебро одетый зимний лес грустит.
Едут новосёлы по земле целинной,
Песня молодая далеко летит.

Вьётся дорога длинная
Здравствуй, земля целинная!
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою!

Говорят, что современное общество – демократичное, а тогда, в СССР, оно было полузадушенное, в тисках тоталитаризма и командно-административной системы, гнилое, в общем.

Себя понюхайте.

Отец никогда не считал себя «маленьким человеком», он уважал других людей за исполнение ими своих должностных обязанностей, за их работоспособность, но он считал, что и сам заслуживает ответного уважения. Сегодня он собрал компанию для учителя, завтра мог выпить с кем угодно, не взирая на чины. Но вёл себя всегда деликатно, соблюдал дистанцию, обращался к старшим по возрасту и положению на «Вы». Не любил он только «забудлыг», тех, кого водка победила. Сам мог выпить, иногда много, но никогда не во вред делу, которое было у него на первом месте.

На этом снимке Люда со своим одноклассником сфотографировалась в Арык-Балыке возле районной Доски почёта.

Поскольку «Аканский» совхоз начинался на букву «А», то его представители и открывали доску. Слева Герой Социалистического Труда доярка Маканова Кулян Сергалиевна, в середине кавалер ордена Ленина Соловьёв, справа наш отец.

Глава 14

КОШМАРЫ И РАДОСТИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

У вас может сложиться впечатление, что отец наш, если отбросить его лояльное отношение к выпивке, свойственное подавляющему большинству русских мужиков, был настолько положительным человеком, что его хоть сейчас на божничку вешай, а за неимением оной, на Доску почёта. Это, конечно же, не так. На Доске почёта он пребывал довольно часто, но жить в деревне и быть абсолютно положительным и законопослушным гражданином нельзя.

Будут проблемы с хозяйством.

Достаточно иметь здоровую основу, а мелкие прегрешения люди поймут и простят, потому что это жизнь. Главное – не нагнеть. Но какая-то неловкость в душе всё равно остаётся.

Об «идиотизме сельской жизни» хочу я сейчас поговорить.

– По-моему это фраза из «Манифеста Коммунистической партии», – проявляет осведомлённость Мир, явно уязвленный тем, что на предыдущих страницах я не давал ему возможности вставить слово. – И несёт она представление Карла Маркса о деревне, как об обособленном обществе, а не как об обществе, в котором живут полуидиоты. Переводчики виноваты.

(Да, русского человека хлебом не корми, а дай поизгаляться над своей Родиной, над российской деревней, в частности, которую Бакунин и Плеханов за этим выражением увидели, хотя та, конечно, во многом того заслуживала. Мазохизм какой-то, но это скорее от любви, чем от ненависти. Попробуй чужеземец сказать подобное о России, ему быстро рот за-

ткнут, потому-что он то от ненависти, а мы то же самое – от любви. Дialeктика, однако).

– Это словосочетание любил не только Ленин, но и Троцкий. *(По-моему судьба российской деревни была этим определением предрешена, и то, что сделал в Советском государстве Сталин, являлось не самым плохим выходом из положения, в каком находилась российская деревня, по крайней мере впереди замаячил хоть какой-то шанс на выход из «идиотизма». Хотя, несмотря на то, что некоторые элементы его действительно исчезли, на смену им пришли новые.)*

Популярность цитаты сделала её автономной от источника: авторство приписывали и Чехову и Горькому и Бунину, вообще всем «русским классикам». Например, в «Чаадаеве», изданном в серии ЖЗЛ, Лебедев пишет: «Два чувства, едва ли не в равной мере острых, борются в Чаадаеве – тоска по родине и страх перед идиотизмом русской деревенской жизни, с которым, как полагает Чаадаев, ему неизбежно придётся столкнуться по возвращении домой». По Чехову не только крестьянская жизнь полна идиотизма, но и мелкопоместная. В том же «Медведе», «Предложении», да и «Дяде Ване». А Бунинская «Деревня»? От стыда хочется сгореть.

И что, они действительно правы, или чего-то недопоняли со стороны, поскольку не жили непосредственно той жизнью? А сельские «идиоты» читали, что про них написано, и только в усы посмеивались? Или им вообще не дано этого явления осмыслить? Вот доказал Виктор Суворов, что Советский Союз собирался напасть на Германию 6 июля 1941 года, да немцы на две недели его опередили. Красиво доказал, на основе документов и воспоминаний больших и малых военачальников, так доказал, что дух захватывает, да вот только одна беда – военные начальники, которые те документы составляли и потом свои воспоминания писали, понятия не имели, что должны были нападать на немцев 6 июля. Во как в жизни бывает. Может и с «идиотизмом» так?

Мир любит красиво говорить. Он вообще у нас щёголь. Он всякое видел, у него есть возможность выбора. У меня его нет. Я должен на основе своего предвзятого жизненного опыта сказать прямо, был «идиотизм» в социалистической деревне, или его не было, или это явление неискоренимое?

– Василий Макарович, помоги мне!

В рассказе «Шире шаг, маэстро!» (1970), есть эпизод, где главный герой, молодой хирург Солодовников, работающий в селе по распределению, с раздражением думает о только что произошедшей стычке с местным жителем по вздорному бытовому поводу: «В какой-то статье он прочитал у какого-то писателя, что «идиотизма деревенской жизни» никогда не было и конечно же нет и теперь. «Сам идиот, поэтому и идиотизма нет и не было», – зло подумал он про писателя.

А это Шукшин обыгрывает свою же статью «Вопросы к самому себе» (1966), где он пишет: «Некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне. Позволительно будет спросить: «А куда девать известный идиотизм, оберегая «некую патриархальность»? А никуда. Его не будет. Его нет. Духовная потребность в деревне никогда не была меньше, ниже, чем в городе».

Польстил, конечно, но не прояснил, была ли наша сельская жизнь праведной, или мы, в погоне за куском хлеба, вернее, за куском мяса, поскольку с хлебом проблем уже не было, преступали какие-то нравственные законы? Он, как и Солженицин, провозгласил, что надо жить не по лжи, а вот как жить, конкретно не сказал. Про деревню этого, не погрешив в словах, однозначно и не скажешь. Там нюансов много.

Его герои – «чудики», они отличаются своей неординарностью. Их интереснее описывать, они выпуклые. Но не на них держится сельский мир. Они только приправа, а основу деревенского блюда составляют труженики, которых шесть месяцев в году в деревне почти не видно. Их не встретишь возле пивных ларьков и винных магазинов. Они там, в поле, обычно весь све-

товой день, и занятие их рутинно: с одного конца поля до другого и обратно, туда и обратно, туда и обратно, туда и обратно, туда и обратно..., пока поле не кончится. А на следующем то же самое. Часто в одиночестве, на своей загонке, в уборку, правда, веселее, там много техники вместе собирается. Шукшин о них почти не пишет, только так, вскользь, о них вообще мало кто пишет, об этих «идиотах», которые весь день по полю: туда – обратно, туда – обратно, туда – обратно... Причём с постоянной концентрацией внимания, чтобы огрехов не сделать. И без уверенности, будет ли его труд оправдан хорошим урожаем, или всё пойдёт насмарку. Только с надеждой.

«Солью рубашки прожгло на спине, жили, друзья, мы как будто во сне...».

Кто о них писал? Писали, конечно, это я зря наезжаю. Обычно в газетах. А кто исследовал их душу? О чём они думали, бороздя поля туда-сюда? О деньгах, которые получают или всё-таки о чём-то другом, без чего вынести эту работу невозможно, если ты не идиот?

– Найн! – говорит мой самый маленький и потому самый любимый внук Якоб. В его лексиконе пока только несколько слов, поэтому они гораздо веселее тех, что произносят испорченные жизнью взрослые. Ему же нужно одним выразить всю гамму обуревающих его чувств.

– Найн!!!

Существовал идиотизм сельской жизни?

Существовал.

Существует?

Да.

Будет существовать?

Обязательно, пока не исчезнут города.

Это по сравнению с ними деревенская жизнь выглядит идиотской из-за своей вечной толкотни и заботы, а как, вдруг, да придётся после какой-нибудь катастрофы оставшимся на Земле выживать, так и подивятся её мудрости.

Якоб обживает дедово волшебное кресло

Вероятно, в двух прошлых веках, судя по произведениям тогдашних писателей, «идиотизма» было больше, но он присутствовал и в социалистической деревне. До 20 лет это меня не интересовало, и я об этом не задумывался. Явственно ощутил его, начав работать. А может, просто это я был идиотом, а большинство окружающих меня сельчан имело крепкую жизненную основу, помогавшую им не пропадать, да мало того, что не пропадать, а ещё и обустраивать свою страну, Родину свою. Меня особенно отдыхающие горожане раздражали, что в гости к нашим приезжали. Как раз в разгар сенокоса или уборки. Ходили по селу такие чистенькие, нарядные, важно так обо всём рассуждали, колбасу привозили.

Хотя, что я к ним привязался? По закону всё было, заслуженный отпуск. И два выходных дня в неделю они тоже по закону имели.

Не в духовности дело, Василий Макарович. Не надо скромничать в принципиальных вопросах. Сельский житель не менее духовен, чем городской, он духовен в большей степени, потому что ближе к корням. Первобытный человек, упоённо танцующий под ритм барабана и рисующий оленей на стенах пещеры не менее интеллигентен, чем какая-нибудь дама, решившая послушать симфонию в консерватории.

Он естественен. Если нужен образ, я дам его. Самородок, заляпанный навозом до такой степени, что и блеска не видно, но ведь он существует. Сколько раз бывало в истории, что после общественно-политических катастроф возрождение наций начиналось именно оттуда, от корней. Хотя те же «выпуклые самородки» спалили дом Виктору Астафьеву, когда он решил перебраться жить поближе к своим героям, сочли его слишком большим (*может помещичьи усадьбы вспомнились*), а другие считали Николая Рубцова «лядащим» человеком, то есть негодным ни к какому делу, а ведь он в тот год, когда жил в деревне, в тёщином доме, написал около 50 стихотворений, которыми по праву гордится русская словесность. Писал письмо в Вологду, в

писательскую организацию, чтобы ему выслали к празднику 7 ноября хотя бы 10 рублей. «Неужели они не понимают, что если я напишу стихотворение, то мне надо потом обязательно расслабиться, иначе я просто сгорю.»

Эй, мужики, он же с вас навоз соскрёбывал, душу вашу очищенную миру хотел показать, красоту мест ваших, вы почему ему не наливали? У, жмодьё, кулачье недобитое!

А если говорить о других качествах, то, поверьте мне, для того, чтобы наладить жизнь и поддерживать её на определённом высоком уровне, сельскому жителю приходится прилагать куда больше ума, сноровки, сообразительности и работоспособности, чем городскому.

– Если что-то случится, ты выживешь, а я погибну, – тоскливо сказал мой немецкий коллега по работе Рональд, сам не белоручка, большую часть жизни проработавший плиточником.

Если не духовность, не ум, не сообразительность, вернее их отсутствие, то что же тогда определяет идиотизм деревенской жизни?

Зря я, наверное, затеял эту тему в данной книге. Она больше подошла бы к третьей, но я боюсь умереть и не высказать своего мнения по данному вопросу. Мне самому хочется в нём разобраться, но, видимо, всё ограничится только чувственными восприятиями. Хотя и они важны. А что упущу, вдумчивый читатель найдёт в следующей книге.

Может, «идиотизм» кроется в нашем характере? Или в окружающей действительности?

Открываю фолиант Василия Осиповича Ключевского «Русская история» и нахожу абзац о психологии великороссов. Несколько пространный для цитирования, но он того стоит, поскольку поможет разобраться в вопросе.

«Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеётся над самыми осторожными расчётами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его

ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчётливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадёжное и нерасчётливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *авось*. В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкая работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии. С другой стороны, свойствами края определился порядок расселения великороссов. Жизнь удалёнными друг от друга, уединёнными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая чёрная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда ещё не уверен в себе и

в успехе, и хуже в конце, когда уже добьётся некоторого успеха и привлечёт внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своём величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума. Словом, великоросс лучше великорусского общества... Невозможность рассчитать наперёд, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперёд. В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчёт искусства составлять сметы. Это умение и есть то, что мы называем *задним умом*. Поговорка *русский человек задним умом крепок* вполне принадлежит великороссу. Но задний ум не то же, что *задняя мысль*. Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием... Он всегда идёт к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идёт, оглядываясь по сторонам, и поэтому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь *лбом стены не прошибёшь, и только вороны прямо летают*, говорят великорусские пословицы. Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского просёлка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу».

Не знаю, кому как, а мне многое стало яснее.

– Тебе снятся сны? – спросил я Эвальда.

– Снятся. Правда последнее время чаще кошмары.

– И что за кошмары, ты можешь их описать?

– Могу, конечно. Снится, что уже осень, а я ещё сено на зиму не заготовил.

Да, три кошмара преследуют жителей села на протяжении всей жизни. Нет, их, конечно, больше, но основных всё-таки три.

Заготовить дрова.

Заготовить сено.

Запасти корм для свиней и птицы.

И мне в трудные ночи снятся именно они, правда, только первые два, с третьим у меня, как у агронома, особых проблем не было. Зато есть свой специфический кошмар – снится, заработался так, что забыл о животных в сарае. Открываю через много дней, а они или сдохли, или смотрят на меня так, что вынести этот их предсмертный взгляд невозможно.

– Ты, Витька, иди сегодня раньше спать ляжь, я тебя ночью разбужу, за сеном поедem, – сказал мне в один из июльских вечеров 1967 года отец. Я послушно лёг, сон долго не шёл, но когда я «провалился», меня тут же разбудила сильная рука отца, трясущая плечо.

– Вставай, пора.

Я встал, одел поданую матерью одежду и вышел на крыльцо. За нашей оградой тарахтел колёсный трактор «МТЗ-50» к которому была прицеплена тележка с деревянными бортами. Рядом с ней нервно расхаживал отцовский товарищ дядя Коля Бондарь, почти двухметровый мужик невероятной силы, который считался украинцем, но почему-то любил на совместных гулянках петь песню «Бухарест, Бухарест...».

Отец принёс из сарая трое вил, бросил в телегу, туда же забрались мы с дядей Колей, сам он сел в кабину и мы поехали. Перед этим он объяснил нам, что договорился с бригадиром и

попросил копнильщика закопнить несколько копёшек на бригадном сенокосном поле, уже после окончания работы, перед темнотой, чтобы мы смогли эти копёшки по-быстрому закидать в телегу и разгрузить потом на нашем сеновале. Часть сена должна была достаться дяде Коле за помощь, благо наши сеновалы соседствовали.

Отец не был чужим для бригады, он работал в ней мастером-наладчиком.

Было около полуночи. В небе светила луна, иногда скрываясь за ночными облаками. Ехали долго, километров 6, может и больше. Потом, когда работал агрономом первого отделения, я все поля знал наизусть, но в тот раз моим ориентиром служила «Маячная» сопка, к которой мы подъехали с другой, дальней от села стороны. У её подножия лежало «костровое» поле, то есть поле, на котором росла многолетняя злаковая трава, называемая «костром». Поле было скошено, почти убрано, но часть травы была сгребена в валки, часть ещё подсыхала, а у самой сопки, как и было оговорено, нас дожидалось несколько копен. Возле одной из них стоял самосвал ЗИЛ-130 с маленьким овальным кузовом, на котором, обслуживая стройучасток, работал ингуш Бочалов. Сено из копны споро перекочёвывало на машину.

— Это наше сено! — попытался объяснить ему отец. В ответ раздался такой мат, что надежда на мирное разрешение вопроса улетучилась в один миг. Вы видели, как скалятся собаки, перед схваткой? Нечто подобное происходило перед моими глазами. Ингуш метнулся к кабине, достал что-то блеснувшее в свете луны и стал наступать на отца.

— Сяди на телеге! — дурным голосом крикнул тот мне.

В этот самый момент из-за повозки, как чёрт из табакерки, с вилами наперевес выскочил дядя Коля. В ту минуту я узнал, что он не только любит песню про Бухарест, но и умеет порумынски ругаться. Увидев рядом с тихим белорусом разъярённого гиганта дака, ингуш понял, что на этом Куликовом поле ему мало что светит.

– Я не знал, что это *ваше* сено, – скрипнув зубами сказал он, залез в кабину и отъехал.

Мы приступили к работе. Когда луна выходила из-за туч, я явственно видел, как внизу, вдоль валков, движутся какие-то большие тени, в том числе и ингушенский ЗИЛ, и понимал, что к утру сена на поле станет меньше.

– А ты говоришь – пастораль, пейзажки, пастушки, овечки, коровки...

– Я ничего не говорю, – неожиданно сухо отвечает Мир. – Мне только одно непонятно. Ты в первой книге утверждал, что это ингуши склонны к воровству, а белорусы только к выпивке. Как же это вы, вдруг, среди ночи оказались вместе на одном поле?

– Мы ехали за «своим» сеном, – парирую я, явственно ощущая шаткость данного утверждения.

– Нет, я настаиваю на своём вопросе, – принципиально отвечает Мир. – Что вы делали в час ночи на совхозном поле вместе со склонным к воровству ингушом? Отвечай!

– Идеальный, что-ли? Тоже мне, милиционер выискался...

– А ты что, Карла Маркса процитировал и «обособленно-стью» всю специфику деревни объяснил? Не были мы обособлены, два раза в день рейсовый автобус приезжал, совхозный почти каждый день в Арык ездил, 80 машин в хозяйстве было, не считая личного транспорта. Я тебе конкретный пример идиотизма привёл, а ты нос воротишь, правду ищешь. Как же ты её найдёшь, если частный скот существовал, а сенокосов для него не предусматривалось. Распахано всё было, до опушек, до подножий сопки. А там, на неудобьях, где росла трава, на сопках, паслось летом 4000 голов общественного и около 2000 частного скота. Я не говорю о всей стране, в каждом регионе своя конкретная ситуация, в том же Нечерноземье этих сенокосов было коси-не-перекосишь, а у нас вот так.

– Ну, наверное, совхоз помогал, – неуверенно говорит Мир.

– Конечно помогал, без этого полный амбец был бы. Механизаторы имели право на тележку сена, не бесплатно, за деньги, животноводов обеспечивали, управляющий отделением за этим следил, комбайнёры какой-то вес имели, раскладчики на сеновале, остальные добывали его, применяя любые способы, порой самые низменные, включающие подкуп, шантаж, разбой и использование служебного положения. Ни один водитель машины, кроме самых безалаберных, не ездил летом и осенью без притороченных к раме или кузову вил. Заметь, вил, а не кос. С косой я видел только водителя молоковоза, который на обратном пути из Арыкбалыкского молзавода обкашивал обочины грейдера и вёз зелёную траву, сколько помещалось вокруг бочки, домой для просушки.

Но надо отметить, что в первые четыре недели сенокоса в совхозе царил революционный порядок: всё сено везли строго на общественные сеновалы.

Вакханалия начиналась тогда, когда в конце июля разрешалась частичная «самозаготовка», то есть выделялась пара тракторов, которая начинала подвозить сено к сеновалам механизаторов и животноводов. И тогда к сенозаготовкам подключались все, включая тех же самых механизаторов и дееспособных животноводов.

Наш сосед через огород, Карпенко, пошёл на год в тюрьму, но не отвёз на совхозный сеновал тележку сена, украденную им с поля. У него был выбор и он его сделал.

Что такое тележка сена? Это что-то около 2-х тонн, часто меньше. Как бы хорошо ты ни укладывал скирду, под осенними дождями минимум 10% сгнивало.

Что означает словосочетание «держат корову»? Оно означает, что в сарае обычно зимуют две головы, сама корова и её приплод. Даже по самым захудалым нормам, учитывая, что есть и другие корма, корове нужно 10 килограммов сена в день, приплоду приблизительно столько же, он растёт, гад, ему жрать надо. 20 килограммов в день – это три месяца кормления, а зимне-

стойловый период длится более шести. Кровь из носа, нужна ещё одна телега.

Многие, в том числе и наш отец в начале казахстанской жизни, первую половину зимы кормили скот соломой, добавляя в рацион немного дроблёнки. С соломой особых проблем не было, поезжай осенью на поле и грузи из скирды, это почти не преследовалось, если был урожайный или обычный год. Особенно ценилась ячменная солома, она мягче и полова у неё богаче зерном.

Но с годами отец начал отдавать предпочтение только сену, которое и стремился запасти любыми способами. Он уважал и любил животных. Его мечтой был крытый сеновал, и он свою мечту претворил в жизнь из жести списанных сеновозов и комбайновых копнителёй, правда самой жизни у него уже почти не оставалось.

Примечательно, что когда он вступил в партию, проблема с сеном для него усложнилась. То, что в глазах людей было позволено обычному мужику, не дозволялось ими коммунисту.

Если раньше на селе моральными авторитетами были те, кто свято исполняли библейские заповеди, то теперь на смену им пришли человеки, почитающие моральный кодекс строителей коммунизма. По большому счёту разница между ними небольшая, и те и другие исполняли одинаковую функцию – им нужно было быть идеалом, на который люди хотели бы ориентироваться. Как ни странно, но люди нуждаются в этом. Нравственностью из-за каких-то тяжёлых обстоятельств можно временно пренебречь, но её никто никогда не отменял, иначе бы сразу произошло одичание.

«Не стоит село без праведника».

И это не сами коммунисты становились «новыми святыми», это люди так определяли их место, указывая на то, что им можно, а что нельзя. Тем более в деревне, где любой был на виду, как под рентгеном. И совсем не каждый коммунист, ох, не каждый, соответствовал этим высоким требованиям, хотя люди

и были снисходительны к обычным человеческим слабостям. Они их считали «ненастоящими» или гнилыми. А это значит, что на оставшихся ложилась дополнительная нагрузка. Нужно было быть работающим, совестливым, справедливым, скромным, добрым, всегда готовым помочь.

Не обязательно было иметь партбилет, чтобы соответствовать этим качествам. Но для других это являлось делом добровольным, а вот для коммунистов – обязательным, если они на всю страну заявили, что «партия – ум, честь и совесть нашей эпохи».

– Ну и где твой отец теперь брал «вторую» тележку? – уже с явным любопытством спрашивает Мир.

– В разных местах в разные годы. К тому времени он купил с рук мотоцикл «Урал», к которому прицеплял им же самим сконструированный и изготовленный из подручных материалов прицеп. Рано утром, ещё до коров, он ехал в какой-нибудь лес, иногда далеко, находил поляну или опушку, скашивал её и грузил траву на прицеп. Дома во дворе или на сеновале, за загородкой, раскидывал её для просушки. Мы с Сашкой днём траву ворошили и переворачивали, а вечером отец укладывал её на стожок. Дней десять поездит, что-то и прибавится.

Когда заканчивал ремонт комбайна (обычно он ремонтировал его между делом, возле дома, поставив у стены зернового склада, на который смотрели окна нашего дома), ехал на нём в бригаду, цеплял жатку и для пробы просил бригадира разрешить покосить отаву на костровом или люцерновом поле. У бригады руки до неё не доходили, а зимой она всё-равно перемерзнет и погибнет. Иногда на отаве волевым решением директора осенью пасли скот, но это было нехорошо с агрономической точки зрения, поскольку скот своими копытами вытапывал и «выбивал» траву, снижая урожайность следующего года. *(Многолетние травы использовались 6-7 лет, потом участок перепаживался.)* Всё-таки не целина, а пахотное поле, оно мягче и тем самым более подвержено ударам острых копыт.

Хотя у меня с годами по этому поводу появлялось всё больше сомнений: а не несёт ли эта осенняя пастьба пользу? Растения прореживаются, «омолаживаются», кроме того коровьи «лепёшки» которые так или иначе поспособствуют урожайности. Весной боронили и всё как-то равномерно по полю распределялось. Не надо общих догм. На молодой траве осенью пасти не нужно, а на старых – ничего страшного.

Бригадир с радостью разрешал: и добро не пропадёт и хорошего человека уважит.

Валок, конечно, жидкий получался, что там с отавы взять, но тележку можно было набрать. Сгребали траву граблями, всей семьёй, иногда выпадало счастье использовать копнитель, потом грузили вилами на телегу, которую тоже надо было попросить, и трактор колёсный, чтобы ту телегу катить. Когда впоследствии я читал пьесы Ионеску и Дюрренматта, я не очень удивлялся абсурдности в них присутствующей, кое-что мне ещё в детстве довелось увидеть наяву, правда, тогда я думал, что раз так происходит, значит так и надо.

Ну где ещё сено брали? Где – понятно, на 95% с совхозных полей, вопрос – как? Иногда отцу сено предлагали. То могли быть и бригадиры и управляющие отделений. Он был мотористом, а внезапная поломка трактора оборачивалась для бригад и отделений серьёзной драмой, тем более, если речь шла о сердце трактора – моторе. Отец эти вещи понимал и мог оставаться на работе столько, сколько надо. Его благодарили, но не подвозили сено к сеновалу, а разрешали покосить, на каких-то участках, до которых, знали, сами не дойдут, не хватит ни времени, ни сил. Помню, отец косил жаткой ковыл на втором отделении, каким-то чудом уцелевший от скота между полей, но совершенно легально, как благодарность за услугу, а мы, дети и мать сгребали его граблями в копёшки. Это был в тот год наш сенокос.

Что, если бы у нас был собственный участок для сенокосения, с которого мы бы могли прокормить свой скот, кто-то из

нас смотрел бы с вожделением на совхозные поля? Да никогда в жизни. Но не было этого. Приходилось изворачиваться.

Самое интересное во всей этой истории то, что по весне никто свою скотину за ноги из сарая не выволакивал. Значит, кормов на территории совхоза в обычный год было в принципе достаточно и для общественного и для частного скота, только вот распределялись они по-дурному, извлекая на свет самые низменные человеческие черты, которые, впрочем, сегодня называются вполне благородно – предприимчивостью. В неурожайный год подъедали, конечно, всё вчистую, включая и прошлогоднюю солому.

А вот как можно было распределить по-справедливости, я не знаю до сих пор, хотя в своё время, обладая определённой властью над парой десятков тысяч гектаров и 500 рабочими и служащими, предпринимал попытки осуществить это на практике.

Они провалились.

Иногда по ночам мне приходит в голову крамольная мысль: а не было ли то наше «воровство» попыткой получить с государства некую ренту, которую оно нам было должно, но зажилило. Потом вспоминаю бесплатное жильё, бесплатное образование и медицинское обслуживание, детские сады, отдых в санаториях, пионерские лагеря, всякое другое, и мне становится стыдно за свои мысли. Я государственный человек, Мир, какими были и мои родители, и я в тогдашнее наше государство, в отличие от вечно недовольных, плевать не буду. У него не было плохих намерений в отношении своих граждан. Просто в той настойке, которая именовалась коммунизмом, был слишком большой процент утопизма, что и привело к его распаду, но именно этот момент говорит о том, что люди будут вновь и вновь к нему возвращаться.

Что-то непростительно долго задержался я на этой главе, как тать залезаю в темы будущей книги. Значит пора скорее заканчивать эту, раз та уже начинает подпирать. Но я пока что на

половине пути. Нужна ещё пара глав о детстве, а потом окунёмся в лучшую пору жизни – студенчество. О втором главном кошмаре сельской жизни – заготовке дров, который укоротил жизнь нашего отца, я расскажу потом, а сейчас немного о радостях, которые были заявлены в оглавлении. В деревенской жизни много радостей, и это совершеннейшая правда. Зарезал свинью – радость. Заготовил сено – радость, заготовил дрова – радость, причём эта радость делится ещё на подрадоности: привёз, распилил, расколол, просушил, сложил в поленицу. Убрал картошку по-сухому – радость, первая редиска – радость, первый огурец и первый помидор – она самая, корова отелилась – радость, первое молоко после отёла – радость, дождь летом прошёл – счастье, корова обьелась зерном, её постным маслом отпоили – счастье, да уже одно то, что она сама вечером домой с пастьбы пришла – радость.

Много было радостей на селе, много, может быть даже столько же, сколько и печалей.

– А ты спроси у этого Герасима, хотел бы он после 25 лет жизни в немецком городе вернуться в российское село? Спроси!

– Нет, не хотел бы. Я уже привык к удобствам и скучаю только по баньке и по «посидеть». Если бы сейчас не было другого выхода, жил бы, конечно, но при условии наличия денег, чтобы мог купить себе и еду, и выпивку, и дрова, и зерно. Добывать всё это своим горбом у меня уже нет сил. А ещё, чтобы был компьютер.

– Губа не дура. А ты знаешь, как там люди выживают?

– Знаю. Без денег я хотел бы вернуться тридцатилетним в Новосветловку, в 1985 год, отказаться от должности директора совхоза и продолжить работать главным агрономом хозяйства, чтобы вывести его на первое место в области по урожайности. Все основания для этого были заложены в предыдущие пять лет. Оставалось только всерьёз заняться парами и довести их долю в пашне до 30%, тщательно обрабатывая.

Глава 15

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ И АЗИЯМ

Ну что, мои терпеливые читатели, будем выходить на финишную прямую? Прибавим скорости и понесёмся вскачь, как та чичиковская карета. Что там у нас ещё осталось?

По правде сказать, осталось почти всё, но не будем на этом заикливаться, суть происходившего можно разглядеть и между строк, кроме того, есть ведь ещё и фотографии. Тем более, что мне самому непонятно, был ли я в действительности тем мальчиком, о котором рассказываю, или я был каким-то другим, и всё вышеизложенное – ложь (ты смотри, какая игра слов: *изложенное* – *ложь*, прямо мистикой повеяло). Разный я был, как и вы, мои дорогие, в этом возрасте, и сам двуликий Янус, глядя на нас, как сегодня говорят, нервно курил в сторонке.

Я рассказал только об одном Вите Гридюшко, а была их – добрая дюжина. Шестеро читали, один шастал по лесу, другой учился, третий помогал управляться по хозяйству, четвёртый витал в облаках, остальные наблюдали за тем, что происходит вокруг. Ну как их всех в одну кучу собрать?

Прозвище моё в школе было Шишкин.

Ромка придумал, но оно не имеет отношения к знаменитому художнику, даже в издевательском смысле. Рисование мы закончили к четвёртому классу, а прозвище возникло позже. Уже будучи майором, он по моей просьбе попытался вспомнить его происхождение и выдал гипотезу, что в классе я всегда был какой-нибудь «шишкой». Прозвищ других ребят, я, как ни стараюсь, не могу вспомнить, возможно их и не было.

Кстати, о прозвищах. Я назвал своего отца «Шефом», и оно так укоренилось в нашей семье, что он с ним и умер.

Географическая несуразность истории рода определила пространность путешествий, которые наши мать и отец принимали с целью повидаться с родными. На Востоке крайней точкой цели была д. Большая Черемшанка, что в Иркутской области, где жили родители отца, на Западе – д. Броды, Познаньского воеводства, в которой проживали родители матери. Это на берегу Одера, на границе с ГДР. Можно только удивляться гримасам судьбы, но мне выпало перейти эту реку и дойти почти до Альп.

До Иркутска от нас нужно было ехать на поезде трое суток, не считая пересадок, до Зелёной Гуры столько же. И за эти шесть суток перед нашими глазами за вагонным стеклом проплывал огромный кусок обитаемой России. Я изучал географию страны не по учебнику, а по визуальному восприятию, под стук колёс, часами неотрывно вглядываясь в пролетающий мимо Мир.

Меня завораживало это действо и только ночь и сон на второй полке плацкартного вагона дарили покой.

Отец ездил «на Сибирь» практически каждый год, зимой, под Новый год, это называлось «помочь батькам», и он, наряду с отдыхом от своих каждодневных забот, действительно пилил и колол дрова из тех хлыстов лиственницы, что к его приезду привозил на лесовозе и сваливал возле отцовского дома его младший брат Валик, живущий рядом, через реку, в Раздолье и умерший непростительно рано в возрасте 42 лет. Домой отец привозил облепиховое масло, сваренное его матерью, которое наша мать тут же раздавала понемногу всем соседям, потому что оно считалось лекарством, особенно от ожогов, но главное, он привозил запчасти и новые цепи к бензопиле «Дружба», которых в нашей местности было не найти, а там, в леспромхозе – запросто, их государство снабжало. Сегодня в это трудно поверить, но тогда на весь Куспек было всего несколько бензиновых

пил, одной из которых владел наш отец. Она укоротила его жизнь, но десятки людей вспоминают о нём с благодарностью за помощь.

Я удивляюсь реакции матери, обычно властной, но в данном случае совершенно лояльной к ежегодным поездкам отца. Оба считали это священной обязанностью и она шла в магазин и покупала всем подарки, пусть небогатые, но каждому персонально: деду рубаху, бабе платок, Люде что-нибудь помоднее, Валику тоже рубаху, Гене отдельно, Валиковой жене отдельно, детям конфет. Никого не забывала.

Однажды летом мы поехали туда все вместе. На две недели, не считая дороги. Редкий случай – летом и всей семьёй. Собственно говоря их и было то всего два, этих летних случая, второй – поездка в Польшу. Обычно кто-то оставался «на хозяйстве», в том числе и мы с Сашкой, в ту зиму, когда родители с Людой ездили на Белоруссию к Фране. А в эти два исключения за домом, огородом и животными приглядывали соседи, которых, естественно, утруждали эти заботы, но отказывать было нельзя – как потом вместе жить и в глаза друг другу смотреть? К тому же известный житейский смысл – а вдруг и мне завтра придётся обратиться?

Дорога начиналась с крашеной зелёной краской деревянной автобусной остановки, которая стояла возле обувного магазина напротив хлебного. Для сотен жителей Куспека, в том числе и для меня, она осталась сакральным символом встреч и расставаний, заменив собой те сельские церкви, купола которых уезжающие видели последними. Хотя, о чём это я, в Куспеке и окрестностях отродясь церквей не было и вряд ли когда-нибудь появятся.

В 8 часов утра подкатывал «ПАЗик», ночевавший в Акан-Бурлуке, конечной точке маршрута. Вообще-то ночуют шофёры, а автобусы в это время стоят возле двора, но вы меня понимаете. Он уже побывал в Красново, Акчоке и теперь со своими чемоданами и сумками в него ломились куспекцы. Это

был хороший автобус: он шёл прямо до города, заезжая на час в Арык-Балык, где высаживал людей возле столовой-ресторана, в которой можно было позавтракать.

За полдень прибывали в Кокчетав, на автовокзал. А вечером, в пять часов, следовал обратный рейс, на том же самом автобусе, который добирался до Куспека к 8 вечера, а на место ночёвки к 10. Шофёры менялись в Арыке, когда утром, когда вечером. Автобусы на каких-то особых условиях были приписаны к Арыкбалыкской автобазе. Существовал и другой рейс, «обедешний», но на нём можно было доехать только до Арыка, а там желающим попасть в город надо было пересаживаться на «Икарусы», которые каждые два часа шли из Чистополя, заезжая на райцентровский автовокзал. Эти же автобусы заходили и в Константиновку, впрочем, данный сюжет я уже описал выше.

Итак, мы уже в Кокчетаве, на старом ещё железнодорожном вокзале, в зале ожидания с рядами жёлтых гнутых фанерных сидений, предназначенных для размещения четырёх человек. Обычно днём он был переполнен, но к ночи поток пассажиров редел и тогда оставшиеся усталые люди ложились на скамейки вдоль и засыпали. Я, как будущий студент, навидался потом на вокзалах всякого, но главное моё впечатление от ночных вокзалов – это один или два милиционера, которые ходили и будили спящих:

– Не теряйте бдительности, граждане пассажиры, ваши вещи могут украсть.

Что ты! В вопросе присмотра за вещами я прошёл такую суровую школу, что не спускаю с них глаз даже здесь, в богатой Германии, где воры брезгуют чемоданами, потому что кроме пары шортов и футболок в них разжиться нечем.

Надо было доставать билеты. Билеты не покупались, они «доставались» в беспорядочной, на первый взгляд, давке страждущих в тесном пространстве билетных касс. Да там и было то всего два окошечка, и вечная боязнь, что именно тебе билетов не достанется или их не окажется вообще. Конечно существовал

цивилизованный путь покупки билетов в предварительной кассе, но им пользовались в основном городские, ну не ехать же ради них специально в город и терять целый день.

Отец с матерью ушли в рейд за билетами, мы во все глаза смотрели за вещами, сложив их в одну большую кучу.

Через час-полтора вернулись довольные родители с жетонами и доложили, что взяли билеты до Усолья Сибирского, а отсюда до Петропавловска поедem на первом ближайшем. Нужно всего-то четыре часа подождать. Петропавловсков было два, один настоящий, на Камчатке, а другой у нас, и чтобы не перепутать, его во всех железнодорожных документах указывали как Петропавловск Казахстанский, или сокращённо «Каз.»

На чемодан расстилалась газета. Доставалась еда, взятая из дома. Мы оббирали варёные яйца, посыпали солью и ели с хлебом. Одна варёная курица раздиралась на куски, другая предназначалась для поезда. Вкусно пахло огурцами и зелёным луком. Все были довольны, отец даже сходил в буфет и принёс нам газировку, а себе бутылку пива. В дороге он себе ничего крепче не позволял.

Теперь, когда с билетами было всё в порядке и оставалась мелочь — немного подождать, во мне просыпался интерес исследователя и я шёл его удовлетворять.

После объявлений радио часть людей из зала, похватав чемоданы, ошалело неслась на перрон, а их места занимали вновь прибывшие. Мне нравилось ощущать себя в этой круговерти островком стабильности и спокойствия, эдаким мудрым ясновидящим и прорицателем. Я смотрел на суетящихся людей и по каким-то их мимолётным словам, жестам, взглядам придумывал их характеры, биографии и даже судьбы. Привычка эта осталась во мне с тех пор навсегда и мне никогда не скучно в тех местах, где одновременно собираются десятки людей.

Шелестел жестяными страницами справочник движения поездов, вкусно манил ароматом жареной колбасы буфет, на перроне витал запах железа и гари, хотя паровозов тогда уже не

было, а были тепловозы, проходили озабоченные люди в чёрной железнодорожной форме, в общем, жизнь на вокзале кипела, не прекращаясь ни днём ни ночью.

Работало почтовое отделение, киоск «Срюзпечати» предлагал свежие газеты и журналы, отдельно продавали книги, половина из которых была посвящена железнодорожной тематике. Там я купил себе замечательную вещь Валерия Медведева «Баранкин, будь человеком».

Объявили наш поезд и мы, схватив вещи, так же ошале-ло, как и другие до нас, заспешили быстрее добраться до перрона, лихорадочно решая задачу, где на нём правильное остановиться, потому что было ясно сказано, что «нумерация вагонов начинается с головы поезда» и стоянка продлится 20 минут. А вот с какой стороны должна была появиться эта «голова», не сказали, и мы вытягивали уже свои головы направо и налево, стараясь угадать. А какой-нибудь другой «ясновидящий и про-рицатель» внимательными глазами смотрел на нас и думал: «Какие идиоты, если им надо на Восток, то поезд должен прийти с Запада», – но голова того почему-то возникала с Востока, и мы неслись, как угорелые, чтобы приблизительно угадать, где остановится наш вагон. Петропавловск был не восточнее и не западнее, он был севернее, и поезд где то на узловой менял своё направление.

Как будто из ниоткуда плавно материализовывался огромный состав почти с двумя десятками вагонов, включая почтовый, откуда тут же начинали выбрасывать пакеты в подоспевшие тележки, и принимать новые. Шла повседневная вокзальная работа. Серьёзные проводницы стояли возле своих вагонов и проверяли билеты вновь садящихся.

Качнулся и поплыл мимо нашего окна перрон с бегущими людьми. Исчезли последние вокзальные строения и поезд стал набирать ход, ритмично постукивая на стыках рельсов. Там езды то было – два-три часа, поэтому сумки даже не раскрывали. Просто сидели и ждали, пока пройдёт время.

Железнодорожный вокзал Петропавловска был серьёзной станцией, не чета Кокчетаву. Уже в ту пору двухэтажный, весь из себя стеклянный, современный. И переход к поездам, протянувшийся над перронами, которых было великое множество, может быть даже и девять. Крупный железнодорожный узел, «северные ворота» Республики, где сходились многие направления нашей Великой в то время страны.

На этой большой станции нам нужно было закомпассировать билет на другой поезд дальнего следования, который довёз бы нас до места назначения.

Время было уже почти ночное, в отличие от Кокчетавы билетных касс было больше, поэтому мы после непродолжительного стояния стали обладателями новых дырочек в наших картонных жетонах и бумажных билетов за доплату плацкарты, в которых был указан поезд, вагон и наши места. Просили, конечно, купе, но в тот раз нам достался плацкарт. Это тоже, вроде бы «купе», но без дверей, а в коридоре тоже спальные места.

Не хочу никого провоцировать и злить, но в ту пору, да и сейчас, наверное, плацкарт мне нравился больше. Ближе к жизни, интереснее, такие типы встретишь, что годами потом вспоминаешь.

На ближайший!

Ближайшим оказался какой-то опаздывающий поезд и мы, даже не рассмотрев вокзала (я вдоволь насмотрюсь на него в последующие годы), рванули к перрону, потому-что радио объявило о прибытии нашего экспресса.

Ночь, поезд, проводница, посадка, тамбур, котёл, коридор, купе, спящие люди, места, чемоданы, уплывающий перрон, проводница, билеты, постельное бельё, матрац, подушка, лежачая верхняя полка, покой.

Утро.

Меня разбудил внезапно изменившийся стук колёс.

С высоты ложа я взглянул в окно и уже не мог оторвать от него взгляда. В стремительно мелькающих просветах желез-

нодорожного моста была видна рассветная сталь огромной реки, которую мы пересекали.

– Иртыш! – уважительно сказал кто-то и я свесился вниз.

– Ну что, орёл, выспался? – спросил меня тот же голос и я утвердительно мотнул головой.

Незнакомые одетые люди сидели на нижних полках, освобождённых от постелей и негромко переговаривались между собой.

– Вот и Омск. Пора прощаться.

Все встали, кто-то стал поднимать сиденья и вынимать из-под них чемоданы. Купе опустело. Подошла мать, поправила мой матрац:

– Ну ты как тут, всё нормально?

Я кивнул.

– А вы где?

– Да тут, рядом, через стенку. Сейчас Омск будет, лежи пока, а как тронемся, приходи кушать.

Я не знал тогда, что в этом городе мне предстоит прожить пять лет своей жизни.

Поезд встал, но за окном не было ничего такого, что представляло бы интерес и я задремал. Проснулся от шума. Новые пассажиры занимали места, хлопали сиденьями, убирая свои чемоданы, громко разговаривали. Опять поплыл перрон и вновь захлопали сиденья. Доставались халаты, трико, футболки, тапочки в которые предстояло переодеться и переобуться... Туалеты уже открыли, я привёл себя в порядок и пошёл к своим.

Три места были наши, а возле окна сидел молодой крепкий морячок в тельняшке и задумчиво смотрел на проносящийся мимо пейзаж.

Мать застелила столик газетой и стала выкладывать на неё остатки припасов, взятых из дома. Предложили присоединиться моряку. Тот не стал отказываться, сходил только к проводнице и заказал на всех чай.

Этого морячка я помню до сих пор. Лицо у него было хорошее, русское такое лицо, спокойное, доброе. Он на побывку ехал, к родителям, то ли с Балтики, то ли с Чёрного, мы вместе почти трое суток были. Он с девчёнкой познакомился, которая в моём купе ехала, влюбились они, всё сидели рядом, за руки держались, а кончилось тем, что девчёнка (студентка, наверное) телеграмму домой дала, что задерживается (ей дальше надо было ехать, до Читы) и вместе с морячком на его станции сошла уже в качестве невесты.

В поездках дальнего следования время по другому течёт, возможно из-за скорости и стремительной перемены мест. День за год, а почему бы и нет. Лично я это так воспринимал. Мы привыкли к скорости, а ведь так не всегда было. После катастрофы в России Наполеон добрался до Парижа из под Вильно за 312 часов. Это была поездка протяжённостью в 1400 миль. (*Милья — это тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше.*) В километрах будет больше, одна сухопутная миля равна 1609 метрам. Во время этого путешествия ему оказывали всевозможное содействие, и он в среднем передвигался со скоростью пять миль в час (8 км/час). Это была та же самая максимальная скорость передвижения, с которой добирались от Рима до Галлии в I в. н. э, или от Сард до Суз в 4 веке до н. э.

И тут произошла невероятная перемена. Железные дороги уменьшили продолжительность поездки для обычного пассажира до менее чем 2-х суток. Иными словами они сократили расстояние между основными европейскими городами примерно в 10 раз. Постепенно люди поняли, что проектировали железные дороги с явно недостаточной шириной колеи, и что можно, расширив её, обеспечить большую устойчивость и комфорт при поездках.

Приходят как-то железнодорожные строители к Александру 2 и говорят, что надо бы увеличить ширину колеи железной дороги в России, по сравнению с европейской. Государь говорит: — Нахер? И с тех пор русские дороги шире европейских

на 30 см. Хотя по тем всё равно мягче ездить, может амортизаторы другие? А вот таких громадных составов, что довелось мне видеть тогда в СССР, здесь я не встречал.

Да, жили, спали, ели, чай пили, радио слушали, я своего «Баранкина» читал. Прочитаю пару строчек и давай хохотать, хочу остановиться, а не могу. Было такое дело.

По вагонам горячую еду в судках разносили, мы постоянно брали, на животах не экономили. В вагон-ресторан отец нас сводил, чтобы знали, что это такое. Долго потом не мог поверить и успокоиться:

– Двацать пять рублей – один раз покушать! Будет про что мужикам дома рассказать.

А мне в том ресторане «Дюшес» и «Крем-сода» понравились, у нас в магазине они не продавались. Хотя и жутковато было в грохочущих межвагонных переходах, а бежали в ресторан, покупали. На станциях старались что-то взять, булочки, колбасу, те же напитки, мороженое, пиво для отца, сигареты. Что-то «домашнее» нелегальные продавцы к вагонам подносили, можно было пирожков взять, яичек варёных, огурчиков малосольных, водку. Интересно, конечно, всё это было видеть и принимать во всём участие. В окно любил смотреть, хотя, надо признаться, сибирский пейзаж однообразен. Исключение составляют реки. До чего же они величественны, что Иртыш, что Обь, что Енисей, что Ангара. Так и Китой могуч, он только по сравнению с исполинами мельче кажется, а на самом деле огого, палец ему в воду не клади, оторвёт вместе с рукой.

Как сошли на Усольский перрон, нас ещё час качало. Потом автобус до Раздолья, потом паром до Черемшанки, или нас на лодке переправляли? Радости сколько было от встречи!

– Мишка с Зойкой и дитяи приехали, вырвались все вместе, наконец!

Дед получил от бабы деньги, накинул на плечи рюкзак и рванул к ихнему магазину. У них далеко надо идти, больше километра, а может и все два. Село вдоль реки вытянуто. Вернулся

с хлебом и водкой. Без выпивки за стол не садились. Днём ещё так-сяк, а вечером гуляли основательно, с разговорами, воспоминаниями, перекурами. Дед, отец, дядя Валик, гости, что приходили проведать. Баба по-белорусски готовила, мать ей помогала, мясо откуда-то было, хороший стол делали. Отцова сестра Люда, тётка наша, на пять лет старше меня, в тот год школу кончала, поступать готовилась. Сестра Валиковой жены, Марийка, Людина ровесница, у них жила. С ними и ходили на речку купаться. Родители уходили к знакомым, а мы в Черемшанке купались, рыбу ловили. Без удочки, банкой. Берёшь трёхлитровую стеклянную банку, крошишь в неё хлеб, лучше белый, завязываешь горловину марлей, делаешь в ней небольшое отверстие и кидаешь банку в воду, предварительно привязав её к шнуру. Вода чистая, неглубокая, из рыб – одни пескари. Вот они в банку через дырку заплывают, едят, а выбраться уже не все могут, только кому сильно повезёт. Полчаса-час и на жарёху наловилось. Никто тех пескарей не чистил, промыли, да на сковородку с маслом.

Или мы в Польше так ловили? Нет, наверное всё-таки в Сибири. Перемешалось всё в голове, да и кому это всё вообще интересно? Внукам? Они по-русски и читать то не смогут. Подкрадываются иногда ко мне сомнения относительно моей деятельности. Но я стараюсь гнать их прочь.

– Было бы очень досадно умереть, не написав этой книги, – сказал Сомерсет Моэм, оторвавшись от своих мемуаров, а Эдуард Лимонов добавил, что сегодня самым современным жанром является биография. Хемингуэй считал, что писатель прожил не напрасно, если от него остался один стоящий рассказ. На вопрос, что такое стоящий рассказ, он отвечал: рассказ запавший в память одного читателя.

– Ты ведь существуешь где-то, оправдатель моих сладких мук?

– А меня ты что, за читателя не считаешь? – с нарочитой обидой спрашивает Мир. – Хотя мы с тобой, вроде, соавторы?

Так вот, соавтор, я заявляю, что ты эту главу о поездках зря затеял. Не вызывает она интереса. Все ездили, не ты один.

— Конечно, не я один, но мало кто отмахивал расстояние в 6000 километров. Впрочем, ты, пожалуй, прав. Я сейчас, быстро, одна нога здесь, другая там.

В Польшу мы, вроде бы, раньше ездили, чем в Сибирь, ну не мог же я, четвероклассник, вести с поляками дискуссии, а я их вёл, это помню точно. Положение обязывало.

Год готовились, документы в Москву отсылали, чтобы визу получить. Больше не ездили, мороки слишком много. Сначала до Москвы добирались, вот тогда я Волгу из окна вагона и увидел, аж мурашки по спине пошли от восторга и гордости за страну, по которой такая река течёт. Потом до Бреста, потом до Варшавы, потом до Познани, а там местным поездом до станции недалеко от Брод. Сошли, никто нас не встречает. Пошли пешком. Вдруг пыль вдалеке. Дед Владимир на телеге, парой лошадей запряженной, стоя несётся, вожжами над головой крутит. Опоздал, бедолага. Худой, небритый, измождённый какой-то. Такому рюкзак с водкой на спину надень, он и не донесёт, упадёт. Вот он, звериный оскал капитализма, наглядный пример, так сказать. Польша хоть и считалась социалистическим государством, но была «с душком». Это мне отец немного про «пшеков» рассказывал, да я и сам догадывался. Тяжело жить в одиночку, без совхоза.

Бабушка запомнилась, добрая такая, молчаливая. Ягоды огромные, целый тазик, таких у нас на огороде, а тем более на полянах, не росло. Бывший немецкий дом с большими сараями и амбарами. Я там в траве, за сараем, немецкую каску и военный крест нашёл. Дядя Валик, материн брат, техникум закончил, инженером-электриком работал, они уже с тётей Софьей в Зелёной Гуре жили, библиотека у него хорошая была, почти вся на русском языке. Он меня песне учил: «Сказал кочегар кочегару сказал, сказал кочегар кочегару, огни в моих топках уже не горят, в котлах моих нет больше пара...». самого младшего ма-

терина брата Володю не запомнил, он в то время, наверное, в армии служил.

Одер, пожалуй, попроворнее Майна будет, течение сильное. Рыбу ловили в старицах, в которые он по весне разливался. Какая-то газированная вода запомнилась, так себе, не резкая, но в бутылках с вновь закрывающимися пробками. Кино смотрел, народу как и у нас, на неинтересном сеансе немного было, про пиратов показывали. Ну что с них убогих взять, какая жизнь, такие и фильмы, все хотят надурняк разбогатеть. Деньги, деньги, кругом про деньги... Отцу сильно понравилось, что польские полицейские с дубинками ходили и при случае могли ими разбушевавшихся хулиганов и пьяниц успокоить.

– А наш милиционер, попробуй кого-нибудь ударить, тут же погон лишится или всю оставшуюся жизнь будет оправдываться.

Видать не одному ему «польский» опыт понравился. Сегодня и русские с дубинками ходят, и зовут их уже не милиционерами, а полицейскими.

– А с дискуссиями то что? Давай быстро рассказывай и заканчивай тему.

– А что, мальчик, – подступали ко мне ляхи (в той деревне многие хорошо по-русски говорили и понимали), – у вас, в России, в Бога верят?

– Никто у нас ни в какого бога не верит, потому что его не существует, а религия – это обман людей, – степенно отвечал я.

– Матка боска! – притворно ужасались они, как будто впервые услышали эту новость. – Значит и икон у вас в домах нет?

– Конечно нет, зачем они нужны, если бога не существует.

– А что же тогда у вас на стенах висит? – не унимались иезуиты.

– Портреты Ленина и Карла Маркса.

Никаких таких портретов, у нас, конечно, не висело, были только увеличенные фотографии матери, отца, их родителей и нас, в рамках, в зале, да коллаж с фотографиями родственников на кухне. Но марку нужно было держать, Великую страну представлял. А икон не было, тут я не врал. Вернее, икона всё-таки была, Божья Матерь, в серебряном окладе, да какое там серебро – фольга. Мать её хранила как память и берегла. Она, пожалуй, была верующей, и молитвы какие-то знала, меня и Сашку в Сибири ещё покрестили, а Люду, когда она родилась, вроде бы в Володаровку тайно возили, за 100 километров, там ближайшая от нас православная церковь находилась. Но все остальные, хоть и крещёные, в этом плане были оторвы и брось. Особенно я. Без преувеличения, я был воинствующим атеистом, им и остался, правда уже не воинствующим, а философствующим.

Я любил мать, но считал её заблуждающейся, поэтому боролся с иконой. Она висела сначала в зале, на видном месте, я заставил убрать её в спальню, а потом вообще в шкаф. Там она и проживала в углу, олицетворяя собой компромисс между верой и терпимостью.

Позже я внимательно прочитал Библию, очень внимательно, ибо потратил на это занятие два года. Я могу её цитировать и безошибочно узнаю те же самые цитаты и ссылки в других книгах. Она поразила меня как образец замечательного философского произведения, написанного в детективном жанре, красотой которого я восхищаюсь до сих пор.

– Это она умерила твою воинственность?

– Нет, на мою воинственность повлиял другой момент. Я однажды посетил заседание философского объединения г. Вюрцбурга и из доклада Е. Е. Ковалёва узнал, что в Начале ничего не было. Существовала только какая-то **виртуальная** точка, которая, вдруг, взорвалась, и из неё возникла вся наша Вселенная, которая по истечении 15 миллиардов лет всё ещё продолжает расширяться. Точку можно представить кнопкой, и сам собой возникает вопрос, кто же на неё нажал?

– Что, потихоньку соображать начинаешь, – доносится до меня смех Мира. А почему ты, неверующий, за каждым разом в тексте то Бога, то Господа поминаешь?

– Это я, Мир, только для связки слов, выражения больно эмоциональные, смысл в них сильный, верующими намоленный, я их уважаю, а к моей религиозности они отношения не имеют. Я, наверное, в культ Высшего Существа верю, если мне вообще во что-то верить суждено.

Из последних фотографий бабушки Павлины.

А это «тётка» Люда с нашей двоюродной сестрой Оксаной.

Более поздняя фотография, уже с внуками. К прискорбию, Оксана рано умерла, в 50 лет, но успела стать бабушкой.

Да, про Москву всё-таки надо упомянуть. Был, был я в Москве и не проездом, а жил там то ли семь, то ли десять дней. В 1970 году Арыкбалыкский РОНО решил организовать группу из детей работников школ и послать её на зимних каникулах в столицу. Коллектив Аканской средней школы определился, что в Москву поедут дети техничек. По возрасту подходили я и Танька Малюченко, мы и поехали.

На поезде, больше двух суток, человек 20-25, руководительницей была учительница из Нижне-Бурлукской школы, она взяла с собой сына, лет десяти, может не с кем было оставить, а мы его невзлюбили: – «блатной». Дети по своей сути жестоки, требуется время, чтобы им жизнь бока обломала. Тогда они добреют.

Жили в гостинице «Колос», это, наверное, в районе ВДНХ, сегодня сказал бы, что убого, но тогда об этом даже и не думалось: есть комната, есть кровать, что ещё надо, валились вечером как подкошенные. В районе ВДНХ мы в основном и обитали, но каждый день были экскурсии. Я ведь Юрия Никулина видел, когда мы вечером в цирк на представление ездили. Эти знаменитые номера, где они с Михаилом Шуйдиным бревно несли, выпить хотели и на «лошадях» ездили. «Филатовские» медведи на мотоциклах катались, воздушные гимнасты и гимнастки чудеса творили. На Главную ёлку страны мы не попали, но подарки, на ней положенные, получили. Кино панорамное запомнилось, это уж точно на ВДНХ было, ты стоишь в середине круглого зала, а вокруг тебя на экране всё несётся. Там я впервые с «настоящими» немцами встретился, из ГДР, они мне значок подарили, с эмблемой своего государства. Чем-то и мы отдавались, не кусочничали.

На метро ездили!

Экскурсии по Москве совершали, на автобусах нас возили, я всё старался в памяти запечатлеть, поскольку фотоаппарата не было, но потом понял, что лучше сосредоточиться на впечатлениях. Чудесная была поездка, столько всего увидели, да-

же могилу Хрущёва, только в Мавзолее не были. Я в Москве ананас купил, замотал его в одежду, чтобы не замёрз, и в чемодан положил. Ничего, довёз, всей семьёй пробовали, то-то смеха было, не знали, до какой грани есть.

*Снимок тех лет, нечёткий, но кому надо, узнает себя на нём.
Мотоцикл Ромкиного отца, мы где-то в лесу. Валя Кузьмицкая,
Коля Немков, я в шлеме, Ромка, Тоня, Иван Яковлевич.*

Глава 16

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЕТСТВА

– Что-то затянулось у тебя детство, – ворчит Мир. Как бы он удивился, если бы узнал, что оно ещё так и не закончилось. Основной показатель детскости – способность удивляться. Я искренне удивляюсь до сих пор.

В начале школьных лет у меня не было друга, ну, такого, чтобы «не разлей вода». Я поддерживал хорошие добрые отношения со своими одноклассниками, порой тесно сближаясь с некоторыми из них, порой ненамеренно отдаляясь, но не надо искать какого-то злого умысла в этих рокировках.

Зато у меня была подруга. Самая умная и красивая девочка в нашем классе – Тоня Скоржевская. Она, как и её сестра Люда, закончила школу с золотой медалью.

Я приходил к ним домой, часто и по воскресеньям, и мы вместе делали уроки, потом играли или читали книги за накрытым клеёнкой столом. Бывало и обедали. Дом их стоял на Школьной улице, частный дом, который они купили, приехав на целину. Её суровая мать, Раиса Владимировна, фанатичная приверженица чистоты и порядка, сумела не только создать один из лучших детских садов области, но и безукоризненно вела своё домашнее хозяйство. Каким образом это достигалось, мне непонятно до сих пор, жили они тоже небогато, как и все остальные жители села того времени, в двух комнатах, пусть и просторных, но так же топили печь, держали всю положенную живность, садили огород. Их неправдоподобный огород я с восхищением вспоминаю до сих пор. А ведь это всё труда стоило, и немалого. Полы и оконные рамы сверкали. Когда я рассказал о

своих впечатлениях матери, она неожиданно непримиримо ответила:

– Если бы у меня был такой доступ к краске, как у неё, у меня тоже всё блестело бы.

Но я не поверил ей. Там была какая-то загадка, которую я так и не смог разгадать. Наверное, права поговорка, что чисто не там, где убирают, а там, где не сорят.

Мы дружили несколько лет. Да что там лет, мы дружили всегда. В любой внеклассной работе мы были вместе. Дуэтом пели песню про какого-то маленького подпольщика, которого убили немцы: «Голуби, мои вы милые, улетайте в облачную высь...», учились танцевать, выпускали классную, потом обще-школьную газету. Да всё делали, что нужно было. Неравнодушные, хорошо успевающие в силу каких-то природных дарований, не требующих постоянной зубрёжки и особой усидчивости, мы располагали определённым запасом свободного времени, которое посвящали общественной работе. И забудьте слово «карьеризм», вы, мелкие прагматики. Мы не брали, мы отдавали, благо было что.

– И чего же ты дальше не пошёл? – спрашивает Мир.

– Он девок боялся, диковатый был, – не без удовольствия вспоминает при случае мать. – Сашка, тот девок не боялся, а Витька боялся. Вот он всю свою жизнь в лесу и провёл, костры по темноте жёг и сало солёное жарил. Какая девка к нему пойдёт?

Тоня раз приходила.

Да нет, я не то чтобы боялся, просто не умел с ними обращаться, грубоват был. А где учиться, с кого брать пример? Мать с отцом «высоким штилем» не общались и реверансов друг другу не строили. Добрые отношения между ними подразумевались как сами собой разумеющиеся, если поженились, но в открытую, без особой нужды, их выказывать никто не собирался. Шла извечная борьба полов и каждому следующему поколению предстояло учиться только на своих собственных ошибках.

Сегодня я последовал бы Ходасевичу: «что верно, то верно, нельзя же силком девчонку тащить на кровать, ей нужно сначала стихи почитать, потом угостить вином...», но тогда мне казалось, что её нужно «облапить и взять, незабвенную, дорогую», хотя на практике всё сводилось к тому, что «мне бы лучше не видеть ночью её, и бродить одному по болотам, а вокруг никого, а я ничего, вот каким я был идиотом!» Это из «Проклятого прошлого» Н. Глазкова да и моего тоже, что уж тут скрывать.

А время неумолимо закручивало спираль, напоминая теперь сжатую пружину, готовую выбросить нас во взрослую жизнь. На одном из вечеров Тоня заявила со сцены, что она – «другое дерево», и те поэзияновские строки каким-то мистическим образом определили её дальнейшую судьбу. У неё не было сомнений в том, куда податься после окончания школы. Люда уже училась в Одессе, то ли в университете, то ли в Политехническом, на химико-технологическом факультете, Тоня хотела ехать к ней и попытаться поступить туда же.

Фанис собирался в Казань, к старшему брату Феде, умнице-богатырю, Людиному однокласснику, который был курсантом Казанского высшего артиллерийского военно-инженерного училища, с ним на пару туда же решил поступать и Ромка. Прародина тянула татар к себе.

Витю Сайбеля прельстил механический факультет Омского сельскохозяйственного института, не в последнюю очередь потому, что там, в Омске, учились его старшие сёстры и ему было где остановиться на время экзаменов.

В нашей семье я был первым, кому в силу достаточных школьных знаний предстояло попытаться пробиться к высшему образованию. И я захотел стать военным. Хотите смейтесь, хотите нет, но в основе этого решения лежала не смелость, а страх. Как оказалось, я боялся не только девок, я боялся ещё и города. Да, боялся того зла, которое он таил, боялся бандитов и хулиганов, которые его наполняли, боялся равнодушия и одиночества

слепых окон, где соседи годами живут рядом и не знают друг друга. Два полюса – тёплая добрая деревня и жестокий холодный город. Это всё бабки-сторожихи, это всё моя впечатлительность дурацкая, ходил, слушал их, и в интернат, и под стены склада, а они соберут нас вечером, человек пять-шесть пацанов и девчат, и давай истории рассказывать, как паренёк деревенский в город попал и что там с ним приключилось.

Волосы дыбом вставали. Банда Бибикова резала людей в том же Щучинске, который и городом то трудно назвать, покойники из гробов на чердаках поднимались и душили деревенских бедолаг, а что уж тут про Кокчетав или Омск говорить? И как-то так незаметно получилось, что из-за тех фантастических рассказов, которым я, вроде, сильно и не верил, где-то в подсознании поселился страх, который обычно не беспокоил, но иногда, вдруг, тёмной вязкой пеленой окутывал мозг и члены мои цепенели настолько, что я терял способность двигаться и необходимо было какое-то время, чтобы выйти из этого ступора. Тошнота подступала к горлу. Чаще всего это происходило на вокзалах, реже на улицах, хуже было, конечно, ночью, одному. Порой не спасала и компания. Комфортно мне было только в Куспеке, по которому я мог бродить ночь-полночь, ничего не опасаясь, я даже кладбища не боялся, хотя ночью в ограду один никогда не ходил.

– У вас что, хулиганов не было? – подозрительно спрашивает Мир.

– Как же не было? Были. Но то – свои. Меня за всю жизнь там никто пальцем не тронул. Я пацифистом вырос.

Мне однажды по секрету передали, что один парень собирается меня побить за то, что я, по его мнению, «задаюсь». Меня это настолько удивило, что я не стал ни прятаться, ни скрываться, а подошёл к нему на перемене и спросил: – «Ты что, действительно считаешь, что я «задаюсь» и хочешь со мной подраться?» Тот от прямого вопроса смутился, стал что-то, заикаясь, невразумительное отвечать, а потом мы с ним стали до-

брыми приятелями и он, действительно обладая большей силой чем я, во всех ситуациях вставал на мою защиту.

Я и сейчас пацифист, Мир, только воинствующий.

– Вижу, с тобой осторожным надо быть, кругом ты воинствующий. По морде то хоть раз получал?

– Нет, пронесло. Сам пару раз бил, но то так, в качестве последнего убеждения. Я больше словам доверяю. Сильная вещь в умелых руках.

К десятому классу я был уже болен. И, иногда, те действия, которые для других были совершенно естественными, мне приходилось совершать, собрав в кулак всю волю и не выказывая невесть откуда взявшейся паники. Но, порой, не помогала и воля. Все люди чего-то боятся. Вон их сколько, этих фобий.

Ну не было в нашей семье опыта городской жизни, не было! Все родственники в деревнях жили.

Военная форма предполагала защиту. Портупея – оберег, о который тёмные силы должны были обломать свои зубы.

Но я не просто хотел стать военным, я хотел стать политруком, комиссаром Амелиным из фильма «Красная площадь», поэтому через райвоенкомат подал документы в Свердловское высшее военно-политическое училище, или оно академией называлась? Говорили, что там очень высокий конкурс, но мне было всё равно. Там не нужно было чертить, как во всех остальных специализированных училищах.

– Натрёт тебе за 25 лет шинелка шею, – печально сказала мать, но ни она, ни отец препятствовать моему решению не стали.

По весне получил уведомление явиться в облвоенкомат на медицинскую комиссию, откуда вернулся с заключением, что к учёбе в училище непригоден из-за породонтоза зубов третьей степени.

С тех пор прошло почти 50 лет. За это время я потерял три зуба. Они с такой неохотой покидали насиженные места, что дважды мне пришлось по неделе лежать в больнице, а тре-

тий мне выбивали долотом и киянкой. Уж как-нибудь отслужил бы свой срок.

Догадка о нелепости причины отказа пришла ко мне позже, гораздо позже. Наверное, это был тот самый случай, единственный в моей биографии, когда вспомнили о том, что я – потомок «андерсовцев». Для обычного военного училища этот факт мало бы чего значил, но для политического – шалишь, брат! Я не в обиде, нельзя, так нельзя, у государства должны быть свои принципы, как бы кто к ним ни относился.

А современным комиссарам что, оружие разве не полагалось и они должны были глотки врагу зубами рвать?

«Отслужив», я стал определяться с гражданскими профессиями. Как ни странно, но факультет журналистики МГУ я рассматривал достаточно серьёзно, хотя никаких особых предпосылок к этому не было, ну не считать же активом стихи, которые не опубликовали. Или участие в редколлегии школьной газеты? Или сочинения, которые так нравились моим учителям? Но что-то меня будоражило. Конечно, Куспек и МГУ вместе как-то не сочетались, они располагались в разных измерениях, но я какое-то время грезил. Была одна девчонка, Родионова, она с Людой Скоржевской училась, которая уехала поступать во ВГИК, но так и пропала, с тех пор о ней не было ни слуху, ни духу.

Надо было спускаться на землю.

А все институты расположены в городах. Зло не объедешь. Чертить я не мог, в городе жить не собирался, учиться – ладно, пять лет можно потерпеть, но потом назад, дудки вам всем, господа хорошие. Учителем никогда быть не хотел, зоотехник, ветврач, инженер, экономист, бухгалтер, – мимо, мимо.

Агрофак выкристаллизировался сам собой и выпал в осадок. Хотя я никогда не мечтал об этой профессии. Я о ней ничего не знал. Я видел только работу механизаторов, но стать трактористом мог всегда успеть, а моё прилежание в учёбе давало шанс.

Однако сколько же ограничений, несуразностей и случайностей несёт выбор профессии, требующей высшего образования. Потомственные врачи, юристы, военные, учителя, инженеры, артисты, простите меня, это я не про вас.

Самое интересное, что по прошествии многих лет я задаю себе вопрос:

– А кем бы я захотел стать, если бы судьба предоставила мне ещё один шанс?

И с удивлением отвечаю:

– Ни олигархом, ни президентом, ни банкиром, ни бандюганом, ни ректором МГУ, ни директором, а главным агрономом совхоза «Новосветловский» во времена *«разгула застоя»*. А ещё писателем, без отрыва от основной профессии.

– Молодец! – смеётся Мир. – Ты мне нравишься всё больше и больше, только не загордись, не распугай своих почитателей. А то Диоген начал в своей бочке подозрительно ворочаться.

Сельскохозяйственных институтов поблизости было два: Омский в 600 километрах и Целиноградский в 400. Какой-то чёрт надоумил меня послать в общем-то личные письма с вопросами в обои, причём к письмам я приложил совсем необязательные фотографии размером 3 на 4 см, оставшиеся у меня с времён моего милитаристского прошлого.

Целиноград промолчал, а Омск ответил. Любезно предложил приезжать и попытать счастья. Судьба, однако.

Ну а теперь быстро, штрихами, о том, что может ещё представлять интерес для нашего повествования, прежде чем мы отправимся в город на Иртыше.

Школьную бригаду я прошёл от начала до конца. На тракторе ДТ-75 боронил, лушил, сеял, обрабатывал пары, потом до самой осени работал мотористом насосной станции, закачивавшей воду из котлована в поливную систему, из колодцев которой водомётный агрегат, навешанный на гусеничный трактор, производил полив капусты. Самым сложным было завести мо-

тор с помощью шнура, потом было легче. Последние две недели мы жили с напарником в вагончике вдвоём. По темноте вставляли, шли к котловану, поливали капусту, потом день отлёживались, а вечером, до ночи, опять поливали. На бригадной машине с наставником бригады приезжала повариха, наша же девчонка, которая готовила еду на день и уезжала домой. Бригада завершила свою деятельность, вызревший хлеб молотили механизаторы второй бригады, оставалась только капуста.

Это мы ездили в гости в Константиновскую ученическую бригаду. Кто меня не узнал, я второй слева в заднем ряду.

В мотористы я попал «по благу». Постоянный наставник ученической бригады Ильин Лаврентий Васильевич заболел и пару месяцев его замещал наш отец. У него это плохо получалось, одного знания техники для руководителя мало. К тому же он был малограмотным, писал с трудом, у него до этого не было такой нужды, а в любом деле нужно постоянно практиковаться. Я мог представить в его сильных руках всё, что угодно, но только не ручку. В бригаде было несколько должностей, на которые полагались оклады. Ну, там, бригадир, учётчик, повара. И мото-

рист в том числе. Остальные, если работали, получали с выработки.

Мне не хотелось быть «блатным», но отец настоял на своём решении, сказав, что ему так лучше, чтобы на этом ответственном месте был свой, а не чужой человек. Я видел, что у него и так дела идут неважно, (а может это было только моё предвзятое мнение), что плюнул на свою честь и решил хоть немного облегчить его заботы.

Ночь, лес, вагончик, комары, жуть, по идее, ладно, что ещё не город, нас двое, я рассказываю напарнику Вите Легкоступу какие-то истории, с выражением, а он смеётся так, что стены в вагончике дрожат. Ну, он сирота, его к бабке не тянуло, я то чего в том вагончике потерял? И вот тут вам моя характеристика. Спать среди чужих людей, в большой или малой компании, или у своих одноклассников в гостях с ночёвкой, мне нравилось больше, чем в собственной постели. А столовая еда нравилась настолько, что я готов был променять на неё любой домашний обед, и это ничуть не в укор матери, которая готовила прекрасно. Когда родители наши с Людой уехали зимой на Белоруссию, а мы с Сашкой остались на хозяйстве, то в обед на оставленные ими деньги ели в совхозной столовой. И после каждого обеда Сашка шипел на меня и пытался лезть драться. Но, поскольку силы наши были равны, это ни к чему не приводило, и ему оставалось только шипеть. Сашка заказывал самые дешёвые блюда, я – те, что мне нравились в данный момент. Он хотел сэкономить, чтобы родители его похвалили, я же, напротив, хотел попробовать чего-то нового. Там и разница в цене была копеечная, нужно было только перебороть в себе этот психологический барьер. Мне, как Льву, удавалось. Кстати, эта привычка осталась у меня до сих пор. «У меня неизменный вкус, я довольствуюсь лучшим».

Вечером нас кормила баба Катя. Но у меня с ней были непримиримые идеологические разногласия. Она не снимала с бульона накипь. Эту неряшливость я ненавижу, хотя однажды

Танька налила мне их суп и я, не зная об особенностях приготовления, нашёл его превосходным по вкусовым качествам. Но принцип есть принцип, и я отодвигал тарелку, ссылаясь на то, что сыт, вызывая праведный гнев поварихи, при том, что Танька и Сашка уминали его за милую душу. Потом прямо сказал, что есть не буду, потому что она не снимает накипь. Дома грыз хлеб с салом, но от своего бунта так и не отказался.

Я не встретил в своей жизни ни одной столовой, еда в которой мне бы не понравилась, ел всегда с огромным удовольствием. Даже в нашей студенческой, где три раза в день готовили еду на несколько тысяч человек, со всеми вытекающими из данного факта негативными для качества последствиями.

Ещё один момент, но это я не для вас, а для себя. Я себя самого препарирую, хочу какие-то знаковые явления отыскать, которые характер мой определили, а тот – судьбу. Послали раз нас вскопать участок земли на территории, прилегающей к школе. Мы тогда в 6 или 7 классе учились. Распределились и начали. Кто-то рванул, как на стометровке, только ошмётки полетели в разные стороны. Уже и девчата свои деланки закончили, а я всё копаю.

– А, лентяй, лентяй! – закричали мои добрые одноклассники, обращаясь к учительнице.

– Нет, ребята, он не лентяй, просто Витя хочет свою работу хорошо сделать. Вы посмотрите на его участок и на ваши, разница ведь есть. Он перфекционист (*вряд ли она это слово тогда произнесла, мы бы его не поняли*), но суть её речи свелась именно к нему. Я действительно копал на полный штык, переворачивал пласт и ещё двумя-тремя ударами перерубал коренья. Конечно, я неминуемо должен был отстать, но что-то мешало мне плюнуть на качество и рвануть скорее к финишу. Это «что-то» сидело внутри меня и никуда не делось до сегодняшнего дня.

Отшумел выпускной вечер, это было в конце июня 1972 года, через день мы должны были с Витей Сайбелем ехать в

Омск, чтобы успеть записаться на месячные платные подготовительные курсы для абитуриентов, которые организовывал Омский, ордена Ленина, сельскохозяйственный институт имени С.М. Кирова.

– Вы счастливые, – сказал с тоской на прощанье Фанис, в Сибирь едете, на Север. Там люди нормальные. А мне на юг, в Казань, там знаете, что творится? Он, видимо, письма от родных получал, те не скрывали. Я про «тяп-ляповских» и «кантемировских» узнал много позже, и тогда правильно понял причину его подавленного настроения.

Я ещё успел на прощание сходить в лес и посидеть на «своём» дереве.

И потом встречались, общались, на сопку ходили. Тоня с нами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 17

ПОСТУПЛЕНИЕ

Город с «нормальными» людьми встретил нас жарой и угрозой холеры. Жара была явственно ощутима: она лилась сверху из раскалённого ковша солнца и вновь поднималась вверх от вязнущего под ногами асфальта. Омск называли тогда «зелёным» городом, и в этом была своя доля правды, но понурые, съёжившиеся, пыльные тополя и клёны с ненормально шуршащими листьями не могли уже сдерживать натиск жара. В Сибири климат резко-континентальный: от – 40 зимой до + 40 летом.

Очереди выстаивались возле немногочисленных бочек с квасом и пивом, потому что чистая вода в бутылках тогда не продавалась, а пить воду из крана было омерзительно, но для большинства людей другого выхода не было. Пили и мы с Витькой.

Холера бродила где-то рядом, она спускалась из Китая по Чёрному Иртышу, лихорадило Волгу, об этом постоянно напоминало радио, рекомендуя пить только кипячёную или хлорированную водопроводную воду. Мы наливали эту молочно-белую субстанцию в трёхлитровую банку и оставляли отстаиваться на подоконнике. Через сутки вода обретала свой естественный желтоватый цвет, а на дне банки трёхсантиметровым слоем белела хлорка. Но, благодаря именно ей, хлорке, город спасся, не было не только эпидемии, но даже единичных случаев холерных заболеваний.

А что, сама хлорка в таких количествах для организма полезна?

Если прибавить к запаху хлора ещё и сладковатый запах чего-то очень химического, наполнявшего по утрам воздух над городом, и усиливающегося по мере приближения к району Нефтяников (а именно в той стороне располагался наш институт), и запах от мясокомбината, который находился тогда не то, что в черте города, а чуть ли не в его центре, то букет можно считать законченным. Омск не обманывал моих ожиданий. Меня дважды «грабили», хотя, справедливости ради, это слово нужно в данном случае заключить в кавычки. Видимо, на моём лице было большими буквами написано, что я готов расстаться с деньгами. Однажды этой готовностью воспользовался какой-то небритый мужик, явно похмельного вида, который облегчил меня на рубль, другой раз случился прямо во дворе дома, где мы проживали, когда я направлялся с банкой к бочке с квасом. Меня перехватил какой-то парень и сурово сказал: — Дай пятнадцать копеек. Я дал и он исчез. Через неделю мы встретились опять, он узнал меня, улыбнулся, кивнул как старому знакомому, но не подошёл. Я тоже улыбнулся и погрозил ему пальцем. Он засмеялся.

Потом мы ещё раз вместе стояли в очереди за квасом. Я спросил, когда он отдаст мне мои деньги.

— Никогда, — ответил он смеясь. — Я тебя грабанул, и это моя добыча. Мог бы и не давать, за 15 копеек я бы драться с тобой не стал. Абитуриент? Ну и учись жить в городе.

Однокомнатная квартира, обитателями которой мы с Витей Сайбелем стали, располагалась где-то в районе железнодорожного вокзала и принадлежала бабке, которая её сдавала, а сама жила у сына или дочери в этом же доме. Может быть я что-то и путаю за давностью лет, но бабка мне запомнилась мало, больше тараканы на кухне и форточка, в которую я выпускал дым от сигарет. Да, я тогда, в городе, начал курить. Дома не курил, стеснялся родителей, а тут, на свободе, приохотился, да так и привык. Курил без перерыва и с удовольствием 30 лет, потом в три попытки, растянувшихся на год, бросил.

Это была та самая, уже «прикормленная» квартира, в которой пять лет жила Витина старшая сестра Вера, студентка педагогического института, а потом и средняя – Тамара, учащаяся медицинского техникума. Сам Витя, как и я, выбрал потом для жизни институтское общежитие.

Сразу по прибытии, а это было раннее утро, мы оставили вещи на квартире, а сами с необходимыми документами поехали в институт. 4-й троллейбус, 40 минут езды мимо цирка, мимо Дома печати, мимо мясокомбината, мимо колонн института инженеров железнодорожного транспорта, в котором в годы Гражданской войны располагалась резиденция Колчака, мимо почтамта, мимо кинотеатра им. Маяковского, затем следовал выезд на Красный путь, Водники, Сады, и наша остановка – Сельхозинститут.

За пять лет я так и не полюбил Омска, поэтому произношу эти названия без придыхания, ностальгию у меня вызывают только здания института, старая столовая и родное 8-е общежитие.

От остановки надо было идти в гору ещё с полкилометра, по зелёной аллее, начинающейся от памятника Кирову. Днём, конечно, красиво, тенисто, а вот ночью жутковато.

Я увидел перед собой главный, первый корпус и сразу в него влюбился. Боже, как же мне хотелось стать студентом! В этом желании сконцентрировалось много чувств, но главным было то, что я, сын простых рабочих, опираясь на фундамент их любви и поддержки, а так же справедливость советского государства, мог перейти в совершенно новое качество, совершить прорыв, о котором они, в глубине души, наверное, тайно мечтали, по крайней мере в отношении матери у меня не было никаких сомнений, так и отец потом гордился, что я студент. Я чувствовал это.

И дело совсем не в карьеризме. О будущей работе тогда и мысли в голове не было. Карьера совестливого человека приносит только новые заботы и тяжести, правда и помощников у

него становится больше. Не в карьере дело, а именно в прорыве, чтобы мой отец мог просто так, между прочим, сказать своему отцу, что его внук учится в институте. И всё. Больше ни слова.

– Ишь ты, – ответил бы дед, – грамотный у нас внук вырос. Но одновременно они бы подумали:

– Видишь, и мы не лыком шиты!

На этой фотографии два человека, о которых я всегда с теплотой вспоминаю. Справа Витя Сайбель, у него изначально была какая-то крепкая внутренняя основа, слева Сашка Гришукевич, «Гриня», с которым я подружился в 9 классе и отдал ему всю свою нерастраченную привязанность, продолжающуюся до сих пор. Витя, немец, живёт в России, мы, белорусы, в Германии. На 62-летие Сашка прислал мне 2-х литровую банку маринованных боровиков собственного изготовления, а я ему 900-страничную книгу М. Полякова «Гипсовый трубач».

Приёмная комиссия в тот год располагалась на втором этаже, в 67 аудитории. Народу была тьма, мы отстояли очередь, оформили все необходимые документы и записались на месячные платные подготовительные курсы. Не помню точно, что там полагалось платить, то ли 25, то ли 40 рублей, но деньги у меня были. Опасаясь воров, мать пришила к моим чёрным сатиновым трусам внутренний кармашек и основную сумму сложила туда, пристегнув сверху булавкой. Так, в них, вернее на мне, деньги доехали до Омска. Можно, конечно, посмеяться над «глупой деревенщиной», но спустя четыре года, когда я после каникул возвращался из Куспека в Омск, мне подрезали внутренний карман пиджака и только чудом, зацепившись углом, портмоне с деньгами из него не выскользнуло. Оно было нестандартным, мне его в Венгрии на день рождения подарили. И был ли это тот говорливый парень, что подсел к нам в купе ночью, или резали уже в Омске, в вокзальной толпе? Но на мне ведь был надет ещё и плащ, правда он был расстёгнут. Неприятное это чувство, когда тебя обворовывают, даже со счастливым исходом, как это было в моём случае. Вера в людей пропадает, гадливо на душе становится и, почему-то, жутковато.

Среди массы незнакомых людей всегда находятся те, кто всё знает. Их обступают со всех сторон и смотрят в вещающие рты. Буквально за полчаса мы с Витькой были просвещены, что конкурс на агрофак и мехфак обычно составляет четыре человека на место, а кто этого боится, может подавать заявление на зоофак, туда всех берут, даже с тройками, у них, обычно, недобор. Самый страшный экзамен – сочинение, на нём отсеивается половина абитуриентов.

Сдавать мне предстояло сочинение, химию, физику и, естественно, биологию. У Витьки был другой расклад: сочинение, математика письменно и устно, физика. С первого июля мы приступили к учёбе, уезжали из квартиры вместе, но в институте расставались. Я шёл в главный корпус, «агрономический», а он во второй – «технический».

Вид на «мой» институт в те годы

Занятия начинались с восьми часов утра, это были «пары», сдвоенные уроки по 45 минут с десятиминутным перерывом между ними, и 20-минутным перерывом между «парами». После двух «пар» следовал большой часовой перерыв, когда можно было сходить в столовую, или в общежитие, чтобы пообедать. После обеда учёба продолжалась.

Нас «натаскивали» на то, с чем предстояло встретиться на экзамене. Четыре «пары» как раз и делили между собой экзаменационные предметы. В нашем потоке было человек 70, но поступили далеко не все. Видимо, «перед смертью не надышишься».

А я вспоминаю то время, как лучшее в моей жизни.

Мы вставали рано, что-то около шести часов утра. Город вообще просыпается рано, не спалось и нам. В половине

восьмого, едва ли не самым первым, я уже занимал своё место в аудитории и поджидал остальных. Наверное из-за курения у меня не было по утрам аппетита, и я не завтракал. Не пил и чая.

Уже будучи студентом первого курса прочитал в каком-то журнале совет врача, который писал, что завтракать – полезно для здоровья, но если вы по какой-либо причине не завтракаете, то выпейте утром хотя бы стакан воды, чтобы вашему желудку было чем заниматься. Этому мудрому совету я следовал всю свою сознательную жизнь, пока не бросил курить.

Голод настигал меня к концу первой пары. Это было очень сильное чувство, пересиливающее даже интерес к тому, что говорили преподаватели. Я весь напрягивался, и, как только объявлялся конец занятия, стремглав вскакивал и нёсся сломя голову в подвальный этаж, где размещался буфет, чтобы оказаться как можно ближе к прилавку. Не мне одному хотелось кушать.

Я восприимчив к запахам, и те, что царили в этом помещении, сводили меня с ума. Пахло свежееиспечёнными пирожками, и это был такой замечательный запах, что он даже пересиливал специфические ароматы, долетавшие из кабинета неорганической химии. Я тогда наивно думал, что пирожки пекутся сами по себе, потому что они пирожки, но позже узнал тайну их происхождения. Они пеклись потому, что вопрос о пирожках в городе стоял на контроле лично Первого секретаря Омского обкома КПСС С. И. Манякина.

Кто-то может ехидно посмеяться над этим предложением. Но я написал его совершенно осознанно и готов повторить: пока вопрос о пирожках стоял на контроле Первого секретаря, они были и их продавали повсеместно, в том числе и в буфете сельхозинститута. Когда этот вопрос стал контролировать рынок, пирожки, это величайшее изобретение кулинарного искусства, практически исчезли, а на смену им пришли «Марсы», «Сникерсы», «Баунти», какие-то сладкие печенья, готовые лежать хоть целый год, «Сербский гриль». Это тот «перекус», что

я увидел в нашем институте спустя 40 лет после описываемых мной событий.

Пирожки не только чудесно пахли, но были изумительны и на вкус, особенно те, что с ливером. Два громадных «лаптя» с трудом вмещающиеся в бумажный кулёк и треугольный пакет пастеризованного молока. По совершенно приемлемой цене, не могущей разорить даже студента. «И если есть на свете «чудное мгновенье», то это было именно оно...». А ведь можно было взять и стакан сметаны.

Иногда мне хочется задрать лицо вверх и как тому старому волку, завывать на луну.

– Ты что, из-за пирожков так расстроился? – удивлённо спрашивает Мир. – А может современные студенты и есть их не станут, у них теперь другие предпочтения. Шаурма там, разная, или шашлык. Хотя, что это за студенты, которые шашлык едят. Студент должен быть всегда полуголодным, тогда в него знания лучше входят.

– Да нет, не из-за пирожков, так просто, вспомнилось. Наверное, чересчур много хорошего в жизни видел.

На большом перерыве, пообедав в столовой, я шёл в гости к знакомым ребятам, которые учились вместе со мной, но жили в общежитии. Для абитуриентов выделили часть 3-его «зоофаковского» общежития. Товарищи мои жили в одной комнате с якутом, который учился уже на втором или даже третьем курсе. Мы сидели и слушали песни. Редкий тогда ещё кассетный магнитофон советского производства принадлежал ему, но он не жадничал. В апреле 1972 года исполнилось 50 лет со дня образования ЯАССР и правительство республики раздало в честь этого события подарки всем якутам, обучающимся в институтах. Не буду утверждать точно, но я слышал, что в сибирские ВУЗы и техникумы их принимали без экзаменов, по направлению правительства. В Омске было землячество якутских студентов. Иногда они устраивали свои встречи у нас в лесу, за стадионом. Жгли ночью костры, пели и плясали под бубен. Это

я видел своими глазами. Распросить поподробнее было некого, якуты на агрофаке не учились. По окончании учёбы они были обязаны вернуться домой и там работать, по крайней мере отрабатывать три положенных по закону года. Эта государственная льгота относилась не только к якутам, но и ко всем остальным народам Севера. В лучших столичных ВУЗах выделялись квоты для обучения кадров коренной национальности Советских Республик.

За месяц занятий я понял, что знания, полученные мной по химии и физике в Аканской средней школе не просто достаточны, они, по сравнению с другими моими сотоварищами по курсу, превосходны. Ещё раз спасибо вам, Евгения Григорьевна и Анатолий Фёдорович. *(А вот интересно, они их ему дали, или это он от них взял?)*

Сочинение, конечно, пугало, но только неправильно представленными или отсутствующими на должном месте запятыми. Это моя слабая сторона, не зря же мои добрые филологини с удовольствием ставили мне пятёрки за сочинение, но указывали на место четвёркой по русскому языку. Прочитав потом тысячу книг я в принципе понял, как правильно должны расставляться запятые – *как тебе нужно*, исключая случаи, когда они должны ставиться обязательно. Но моё понимание натолкнулось на непонимание «текстового редактора», когда я готовил к печати свою первую книгу. Я пошёл у него на поводу и сейчас жалею об этом. Во второй книге решил больше полагаться на интуицию, впрочем, что из этого вышло – судить вам.

Самым слабым моим звеном оставалась биология. Месячные курсы безусловно что-то добавили, но новым знаниям не за что было зацепиться, отсутствовали не только «полочки», но и «крючочки». В моей голове не сложилась основа предмета. Нет, безусловно, я что-то знал, но для перфекциониста этого было недостаточно. В десятом классе биологию нам преподавал бывший управляющий первым отделением совхоза, агроном по образованию, забыл его фамилию, то ли Барсуков, то ли Бурла-

ков. Это был маразм, окончательно отбивший у меня и так не возникавшее желание стать учителем. Он стоял у доски и что-то рассказывал самому себе, удивляясь услышанному. Класс не то что «ходил на ушах», он просто ходил. Пересаживались, болтали друг с другом, уходили в туалет, его никто не слушал. В том числе и я, из-за шума, хотя как староста класса пытался призвать к дисциплине и порядку, но мне в ответ покрутили пальцем у виска.

Первым экзаменом было сочинение. Писали его в кабине кафедры ботаники. Я записался в первый поток, приехал на час раньше и, как одержимый, ходил по коридору, читая подряд все стенды. Многие из них висели ещё с празднования 100-летия Владимира Ильича, с самыми броскими цитатами из Маяковского. На всякий случай я ещё раз внимательно их перечитал, запоминая расстановку запятых.

Тем сочинений было три, и одна из них – «Образ Ленина в творчестве Маяковского». Подивившись причудам судьбы, я её и выбрал.

За результатами сказали прийти через день. Время ожидания я провёл в какой-то прострации, не мог ничего делать и только одну за другой курил сигареты. В назначенный час приехал в институт и застал возле доски объявлений огромную толпу. С трудом протиснувшись поближе, я робко, только краем глаза, стал искать свою фамилию и, о чудо! она там была. Кровь ударила мне в голову, я как будто ослеп. Меня начала бить дрожь и я отошёл в сторону. Выкурил сигарету и снова стал пробиваться к списку. Напротив моей фамилии стояла цифра – 4.

Никогда я не был так счастлив в своей жизни, как в это мгновение. Мне хотелось взлететь ввысь и оттуда, с высоты, кричать, петь, смеяться. Это был момент *абсолютного* счастья. Все другие ощущения прекрасных событий, случавшихся впоследствии, остались лишь приближением к тогдашнему моему состоянию.

Химию и физику я сдал на «пятёрки», это не составило мне большого труда, хотя тоже волновался. На курсах я был активен, охотно выходил к доске, толково решал предлагаемые задачи. Экзамены принимали те же преподаватели, что занимались с нами на курсе. Они дружелюбно мне улыбались, как старому знакомому, а когда я начинал отвечать на вопросы, слушали пару минут и прерывали: – Дальше.

Биология была последней и меня начал бить «мандраж».

– Что ты волнуешься, – сказал мне кто-то из сокурсников. – Это химию и физику надо знать, там формулы, а ты их сдал, а по биологии что, болтай и болтай.

«Наболтал» я на «четвёрку», всё-таки пробелы дали себя знать.

Экзамены были сданы и теперь оставалось только ждать результат. Извечная моя неуверенность не оставляла меня и сейчас.

Перед самым отъездом я встретил на лестнице знакомую женщину из агрономического деканата и спросил, могу ли я надеяться, что меня зачислят? Она спросила об оценках, я ответил. Женщина с испугом посмотрела на меня и сказала, что зачислят. Но я всё-равно сомневался, мало ли что?

Витя тоже сдал экзамены. Мы решили вернуться в Куспек и там ожидать решения приёмной комиссии. Если нас примут, то нужна будет рабочая одежда. Всех первокурсников с 1 сентября отправляли на сельхозработы, которые длились месяц, а дальше, смотря по обстановке.

Мы сели в поезд, ехали ночь, потом в Кокчетаве купили билеты на утренний «Икарус», затем пересели на местный и к обеду были уже дома.

– Ну как ты там, сынок? Рассказывай, – требовала мать, а сама в это время готовила что-то вкусное, специально для меня. Отец был в бригаде, возился на стане с комбайном. Мне нестерпимо захотелось его увидеть, я сел на мотоцикл и поехал.

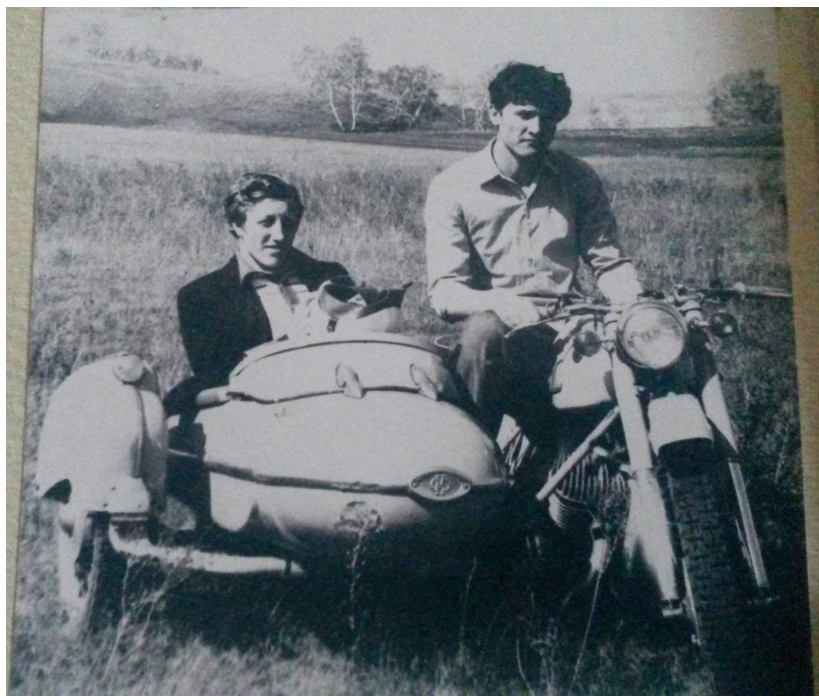
– Как дела? – спросил он первым. – Поступил?

– Не знаю, надо ждать решения. Но все экзамены сдал. Надеяться можно.

– Ну вот и хорошо, – посветлел он лицом.

Пришло письмо и настала пора расставаться. В этом расставании было всё перемешано: и радость, и печаль и тревога. Они оставались, а я уходил в новую жизнь. Как ещё всё обернётся?

Приняли и Фаниса. Тоня, Ромка, Коля Немков вернулись домой без положительного результата.

С Колей Немковым

Глава 18

СЕЛЬХОЗРАБОТЫ

Нас собрали в большой аудитории, поздравили с поступлением и стали перечислять фамилии и количество набранных баллов. Моё имя назвали вторым, поскольку у меня набралось 24 балла из 26 теоретически возможных. Две пятёрки, две четвёрки, средняя оценка в аттестате была 4,75, её округлили до 5, а ещё один балл мне добавили потому, что у меня было направление от «Аканского» совхоза и стипендию мне обязан был платить тоже совхоз. За это я, как тот якут, должен был по окончании учёбы в него вернуться, что меня скорее радовало, чем огорчало.

— Так ты хочешь сказать, что слез с дерева, приехал в институт, который ранее назывался Сибирской академией, награждённый орденом Ленина, и лучше всех сдал экзамены?

— Нет, Мир, этого я утверждать не могу. Ты же слышал, что мою фамилию назвали второй, а первой в списке стояла девушка, которая окончила школу с золотой медалью и сдавала только один экзамен. У неё автоматически набралось 25 баллов. Я не помню её имени. Мы все были практически незнакомы, а потом про баллы никто и не вспоминал: зачислили и ладно. Интересно то, что за нами следовала какая-то пустота и далее отсчёт вниз начинался то ли с 22,5 то ли с 22. Проходной балл в тот год составил 17,5.

Народная молва гласила, что Сельхоз выбирали те, у кого было мало шансов поступить в более престижные институты, гарантирующие впоследствии жизнь в городе или, на худой конец, в райцентре. Может быть, но если учесть, что 90% студен-

тов сельскохозяйственных профессий являлись выходцами из деревни, то обязательно должны были быть исключения. А ведь принимали ещё и на агрохимический, гидротехнический, землеустроительный, технологический факультеты, на которых охотно учились городские. В студенческом же фольклоре ситуация с выбором отражалась так:

Ума нет – иди в Пед,
Стыда нет – иди в Мед,
Нет ни тех, ни тех – иди в Политех,
А любишь навоз – иди в Сельхоз.
Остальные дуры в институт культуры.

Нас было 100 человек.

Ещё 25 должны были присоединиться после уборки. Их официально называли «рабфаковцами» и в эту подготовительную группу агрофака в прошлом году, впервые после многолетнего перерыва, набрали парней и девочек, имеющих за спиной год трудового стажа или службу в армии. По окончании учёбы они сдали выпускные экзамены и без конкурса были зачислены в ряды студентов. В настоящее время они находились в рядах студенческого стройотряда.

Меня записали в первую группу – «агрономов-полеводов». Кроме неё были ещё «кормозаготовители», «селекционеры» и две группы «плодоовощеводов», в которых основную массу составляли представительницы женского пола. В целом на курсе девочек было больше, чем парней, хотя, по статистике, большинство из них впоследствии по специальности не работало.

Нашу «первую» группу направили в деревню Камышино, второе отделение «Учхоза № 2», относящегося к институту. Центральная усадьба учебного хозяйства располагалась в селе Харламово Таврического района. От Харламово до Омска было 53 километра.

Поселили нас в здании клуба, из которого были убраны кресла и поставлены железные кровати. На сцене жили бойцы стройотряда, третьекурсники землеустроительного факультета, то ли ремонтировавшие, то ли строившие коровник. Они сразу дали нам понять, кто в клубе главный. Мы не возражали, какая-то иерархия среди студентов должна была иметь место. Вождей постарше у нас не было, одни «желторотики» после школы. Спали все вместе, пять девчат в одном углу, а мы на остальном пространстве. У стройотрядовцев тоже были девчата, но им на сцене отгородили небольшой закуток.

Не самый плохой вариант для жилья.

Станислав рассказывал, что когда их в конце 50-х годов послали из Ленинграда на Целину (в Кокчетавскую область, между прочим), то поселили в кошаре. Кто не знает, что такое кошара, поясню: кошара – это большой сарай в котором зимуют овцы.

Нет, меня всё устраивало. Более того, я не просто мирился с таким бытом, я его любил. Мне нравилась моя сетчатая кровать, ватный матрац, ватная подушка, две белые простыни, суконное одеяло, чемодан под кроватью, тумбочка, умывальники на улице, столовая, в которой нас невероятно вкусно кормили три раза в день. (*Голодные, наверно, были, потому и вкусно*). Но больше всего мне нравилось то, что я был не один, а в обществе. Я патологически любопытен к людям.

К нам приехала красивая молодая женщина, очень выдержанная и доброжелательная. Сказала, что её зовут Лилией Ивановной Шаниной, она работает на кафедре растениеводства и её назначили нашим куратором на всё время обучения. Девчата сразу потянулись к ней, и эта обоюдная привязанность сохранялась у них все последующие годы, напоминая отношения доброй заботливой матери со взрослыми детьми.

Но с ребятами, мне кажется, она близкого контакта не нашла, да мы и не нуждались в нём, становясь из года в год всё самостоятельнее. Это Лилия Ивановна сказала нам, чтобы ни

при каких обстоятельствах мы не ввязывались в драку. Разбираться не будут, отчислят и всё.

За чистотой следила техничка. Клуб отапливался печью, в нём были даже чугунные батареи, на которых можно было просушить мокрую одежду. А ещё в клубе был бильярд.

Мне мешал спать только яркий свет электрической лампы на столбе снаружи. Бил прямо на мою кровать. Улучив момент, когда никого близко не было, я стал бросать в неё бильярдный шар и после нескольких промахов попал так удачно, что лампочка осталась цела, но уже не горела. Пока пожаловались управляющему, пока пришёл электрик и залез на столб, прошло несколько дней. А потом я повторил процедуру.

Работали мы на току. Уборка набирала темп, самосвалов тогда было очень мало и зерно от комбайнов отгружали в основном шофера на бортовых машинах, местные и мобилизованные из городских предприятий. Машины надо было разгрузить, и как можно быстрее, чтобы не допустить простоя комбайнов. Счёт в уборку в рискованных зонах земледелия идёт не на дни, а на часы.

Если вы видели кинохронику пятидесятых годов, посвящённую уборке урожая, то обязательно должны были запомнить девчат с лучезарными улыбками, которые деревянными лопатами бросали зерно. То же самое делали и мы, спустя пятнадцать лет. Избалованный неиссякаемой рабочей силой «Учхоз № 2» не спешил с внедрением механизмов, позволяющих облегчить этот тяжёлый труд. В Аканском совхозе уже несколько лет на всех токах работали самодельные гидравлические «опрокидыватели», а тут, вдруг, лопаты. Чудно. Нет, мехток с подъёмником был, но он мог взять на себя только часть работы.

Машину обычно разгружали четверо. Так быстрее. Сворачивали полог и открывали задний борт. Сначала несколько минут все теснились вместе, затем, двое начинали перекидывать зерно спереди, а двое других принимали его и бросали в борт. Борт – это не куча, борт – рукотворное произведение,

имеющее в разрезе треугольную форму. В случае дождя вода должна была с него скатываться, как с двускатной крыши, а не просачиваться внутрь, приводя к порче зерна.

С утра было спокойно. Могла подъехать случайная машина со вчерашним зерном, но часов с десяти начиналась настоящая работа, стихавшая только ближе к полуночи.

Выдавали положенные матёрчатые рукавицы с отдельным кармашком для большого пальца. Через день они превращались в лохмотья. Мозоли лопались и заживали в процессе работы. Никто не ныл и к врачу не бежал, тем более, что его и не было.

Нам начисляли зарплату. Расценки на току небольшие, но если интенсивно и долго работать, то может набраться приличная сумма. Было две смены, дневная и вечерняя. Сначала я работал в первую смену, потом как-то незаметно перешёл во вторую. Если после разгрузки машин были ещё силы, оставался до утра, работая на погрузчике или веялке. Ночью работать труднее, поэтому в качестве стимула применялся повышающий коэффициент, 20% надбавки к зарплате.

Группа оказалась работающей, никто за чужие спины не прятался, если было нужно, работали на пределе возможного. И ребята и девчата.

К концу сентября деньги, взятые из дома, почти у всех закончились, и нам выдали по 30 рублей аванса, объявив, что сельхозработы продлеваются ещё на две недели.

По ночам стало подмораживать, вода в умывальниках замерзала, было леньшний раз приводить себя в полный порядок. Один из стройотрядовцев умылся ледяной водой и у него свело мышцы лица. Увезли в больницу.

Ночная работа имела своё преимущество. Днём мы становились хозяевами в клубе, и хотя доступа к маленькому телевизору, стоявшему на сцене, у нас не было, пользоваться бильярдом могли безраздельно. Я гонял шары часами, играя как с напарниками, так и сам с собой. Наверное у меня была предрас-

положенность к этой игре, через некоторое время я стал выигрывать, в том числе и у стройотрядовцев. Если мне суждено будет написать свою третью книгу, история с бильярдом всплывёт ещё раз, не с этим, конечно, с другим, но она будет занята. Я был вынужден играть партию с лучшим бильярдистом района, председателем райисполкома Каршаловым. На кону стояло семенное зерно (товарного уже не было), которое по разнарядке должен был «досдать» государству с-х «Новосветловский» и он за ним приехал с колонной машин. Видя моё крайнее сопротивление и серьёзность намерений (нет, харакири над буртом я бы не сделал, но с должностью мысленно уже распрощался). Ерсаин Шатпаевич не стал ломать меня на току перед рабочими, а предложил поехать в контору и там ещё раз всё спокойно обсудить. Деликатный Штоль, директор совхоза, видевший и не такое, уже неделю уговаривал меня смириться и сдать зерно, но я отвечал, что буду саботировать сдачу до конца, а вдруг отменят приказ.

– До какого конца? – вспыхнул, не выдержав, Альберт Альбертович. Чтобы приехали и в лоб дали? Не забывайте, что существует ещё государственная дисциплина и за совхоз отвечаю я, а не Вы. Не надо меня подставлять. Выживем мы без этого зерна. Весной где-нибудь купим. А не хватит, оставим больше паров, на следующий год наверстаем урожайностью.

В диспетчерской у нас стоял бильярдный стол. Каршалов увидел его и сразу повеселел. У него в голове родилась идея, как, не ущемляя ничьего самолюбия, взять хлеб, причём команду току должен был дать я, главный агроном, человек, который противился этому больше всех.

– А давай, Виктор, мы с тобой сыграем партию в бильярд, – вкрадчиво сказал председатель. Выиграю я – ты грузишь 400 тонн *(на 100 тонн больше разнарядки)*, выиграешь ты – я не возьму ни зернинки. Идёт?

Проигрыш лишил нас зерна, которое и так заберут, уговоры закончились, настал тот самый конец, когда «в лоб», но он

спасал мою честь. Выигрыш? Нет, я о нём даже не думал, как Каршалов не помышлял о своём проигрыше.

Наверное это была лучшая игра в моей жизни. Я со смаком загнал в лузу последний шар и глубоко выдохнул. Стоявшие вокруг стола зааплодировали. Подойдя к рации я вызвал ток:

– Борис Капитонович, закрывайте ворота. Наша хлебосдача закончилась.

Взбешённый председатель сел в «Волгу» и направился в соседний «Гусаковский» совхоз. За ним потянулась автобазовская колонна. В Гусаковке он жестоко изнасиловал всё тамошнее руководство и заставил отправить на элеватор 600 тонн, то есть их и нашу долю.

Всю зиму на районных совещаниях главного агронома этого совхоза Озерянского Петра Алексеевича, грудью ложившегося на бурт, склоняли за то, что у него не хватает семян к посевной.

– Но вы ведь сами у нас их забрали! – кричал в ответ пораженный таким иезуитством Петро.

– Мы никогда ни у кого ничего не забираем. Вы сами всё отправляете. Могли бы и не сдавать, вот соседи ваши, например, к посевной готовы, – отвечал ему Каршалов, и по залу проносился весёлый шумок. Многие знали подробности этой истории.

Вот он, злодей, подумает кто-то. А я точно знаю, что Еrsaин Шатпаевич точно так же, как и мы с Петром, бился за районный хлеб, но на тех должностях дисциплина пожёстче. А семена нашли.

Но вернёмся опять в осень 1972 года.

В начале сентября в Канаде проходила суперсерия матчей по хоккею на льду между канадской сборной (профессионалы) и советской (любители?). Для болельщиков наступили лучшие дни их жизни, тем более, что наши хоккеисты, опровергая все прогнозы скептиков, радовали своей игрой. Но ни одного матча мы так и не увидели. Стройотрядовцы сделали исключе-

ние только для братьев-близнецов Кролевцов, Васи и Серёжи, которые, на первый взгляд, были настолько похожи друг на друга, что вызывали невольное восхищение перед столь удивительной игрой природы. А если учесть ещё физическое сложение их тел, сформировавшихся в результате многолетних занятий бодибилдингом, то мне совершенно понятна реакция землеустроителей на столь экзотичные живые игрушки.

Именно в тот период родилась среди нас фраза «Пойдём, послушаем телевизор», которая очень не понравилась жителям сцены. Не буду приписывать авторство себе, хотя, с большой степенью вероятности, именно я произнёс её первым, по крайней мере, громко, чтобы услышали те, кому она предназначалась. Те услышали и послали бойца, чтобы с нами разобраться. Мы, уже одетые, наслаждались последними минутами безделья перед ночной сменой, лёжа на застеленных кроватях. Разборку боец начал с меня (поэтому я не исключаю авторства фразы, хотя здесь, возможно, сыграли роль другие моменты: хожу я всегда с высоко поднятой головой и прямым внимательным взглядом, что у не знающих меня людей может вызвать подозрение в некоей спесивости, инакомыслии и зазнайстве). Если я с чем либо не согласен, это без труда можно прочесть на моём лице, где это несогласие начертано аршинными буквами.

На самом деле я человек очень лояльный к тому обществу, к которому в данный момент принадлежу, но всегда оставляю за собой право высказывать некие критические замечания, позволяющие, по моему разумению, это самое общество улучшить.

«Разборщик» стал трясти меня за плечо, но я притворился спящим и глаз не открыл. Он переключился на других, но те последовали моему примеру. Так, Махатмы Ганди в засушенном виде. Вроде бы победивший нас землеустроитель пошёл хвалиться к своим.

Вот зачем он нас провоцировал? Если бы вопрос стоял о жизни и смерти, реакция была бы другой. Но мы были строго-

настроено предупреждены, что малейшая драка – и нас тут же отчислят из института. Это и диктовало поведение.

В октябре стройотрядовцы уехали и нам уже никто не мешал. По вечерам приходили местные парни поиграть в бильярд, но вели они себя настолько дружелюбно и корректно, что с ними вообще не было проблем.

А с тем бойцом через два года я поquitался. По вечерам ходил в новый спортзал, что построили рядом с нашей «восьмёркой», где стихийно складывались команды любителей баскетбола. Там его и увидел. Оказались в разных. Стали играть. Я был с мячом. Он нападал. По старой своей привычке стал искать глазами кого-нибудь свободного, чтобы отдать ему мяч. Не нашёл никого и решил кидать. Подпрыгнул, повернулся в воздухе и бросил. Не ожидавший такого оборота землеустроитель соскользнул с меня как промахнувшийся волк со скачущего коня и приземлился на копчик. Мяч вошёл в кольцо молча, без всхлипа. Две девицы, стоявшие на балконе, захлопали в ладоши и стали оказывать мне знаки внимания глазами и ногами. Я повернулся, увидел поверженного противника, его тоскливые от боли глаза, узнавание в них, и понял, что отомстил. Случайно. Заставь меня повторить этот трюк ещё раз, специально для публики, вряд ли это удалось бы в такой красе.

Накал работ на току постепенно стихал и нас стали привлекать к решению других хозяйственных нужд. Так в один из дождливых октябрьских дней я был определён помощником к мужику-разнорабочему, вместе с которым мы направились на базу перекладывать печь. Мужичок для своей профессии типичный – грязные резиновые сапоги, рваная фуфайка, замызганные штаны. Видать, что не прочь выпить, но строгий. Стали работать и я, вдруг, понял, какой же он толковый!

Раньше мне приходилось сталкиваться с механизаторами, шоферами, электриками, слесарями, теми же строителями, то есть элитой сельскохозяйственных профессий. А тут разнорабочий, последний в их иерархии.

Работали споро, я старался изо всех сил. К концу рабочего дня печь переложили, собрали какие-то щепки, затопили для пробы. Загудела ровно, как должно быть. Мужик достал деньги и послал меня в магазин за вином.

– Парень ты, вроде ничего, работающий, только суетишься много, – сказал он, закуривая папиросу.

– Так как же мне не суетиться, а вдруг Вы подумали бы, что я ленивый.

– Не бойся, не подумал бы, человека сразу видно, что он из себя представляет. Ты, Витя, главное, не суетись, тогда у тебя всё будет путём. Ты вот студент, выучишься, начальником станешь, тебе с людьми работать придётся. Надо, чтобы они тебя уважали.

Не знаю, кто и каким житейским истинам учил вас, а у меня вот, такой учитель оказался. Всю свою последующую жизнь я потратил на борьбу с этим неискоренимым злом, чего и вам желаю. Чехов по капле выдавливал из себя раба, а я суетливость. Наверное, только могила исправит. Помнишь, Станислав, как учительница английского языка поймала меня на «шпоре»? Это тоже от суетливости.

Ах, суета, суета, приходит отовсюду: то время поджигает, то хочется показаться лучше, чем есть на самом деле, то просто настроение плохое, сказал не то слово и понеслось... Или по пьянке чего-нибудь пообещаешь, а слово держать надо. Вон, Екклесиаст говорит, что вообще всё – суета и томление духа.

И тогда вставал передо мной тот мужик и говорил: – Витя, не суетись, ты с людьми работаешь, они тебя уважать должны.

Да, легче сказать, чем сделать. Но одно могу утверждать совершенно точно: ни к одному из встреченных мною потом на жизненном пути рабочему совхоза или колхознику я не испытывал пренебрежения. Я мог не любить некоторых из них в силу личной неприязни, но это относилось именно к ним и ко мне, но не к профессии, которую они представляли.

К середине октября сельхозработы для студентов закончились. Нас отвезли в Харламово, где в совхозной кассе выдали расчёт. За вычетом аванса я получил на руки 281 рубль, больше всех в группе. Кроме того, в моём чемодане лежали семь новых мешков, добытых правдами и неправдами. Да, обычных мешков, которые у нас дома были страшным дефицитом и их латали-перелатывали, а здесь, на току семеноводческого хозяйства они лежали на складе тысячами, дожидаясь зимы, когда в них начнут фасовать семена «элиты».

— Ты что, украл их? — подозрительно спрашивает Мир.

— Я бы с удовольствием купил. Однако их нельзя было купить, они не продавались.

Но я перестал бы себя уважать, если бы равнодушно прошёл мимо тех мешков. Какая-то крестьянская жилка всё-таки билась во мне. Отец её просто тогда не разглядел.

Нас привезли в институт и поселили в общежитии №8, где жили студенты агрофака и агрохимфака. Мест на всех не хватало, но действовало очень гуманное правило, утверждённое деканатом агрономического факультета: все без исключения нуждающиеся в жилье первокурсники получали свою койку и прописку. Это потом, на старших курсах, право жить в общаге превращалось в инструмент давления на нерадивых студентов, но не носило какого-то массового характера, а ограничивалось единичными случаями. В большей степени действовал закон естественной убыли: женились, выходили замуж, брали академический отпуск, рожали, снимали квартиры в городе.

Не помню точно, но думаю, сильно не совру, если скажу, что платили мы за проживание около трёх рублей в месяц, от силы четыре. Каждую неделю нам меняли постельное бельё, на этажах были туалеты, кухни, комнаты для умывания, правда, только с холодной водой, зато в подвале работала самая настоящая баня, без парилки, правда, но бесплатная, где можно было и помыться и вещи постирать. Буфет был, кухня домовая.

Эх, «восьмёрочка»! Нет тебя больше, снесли, а на твоём месте построили многоэтажный жилой дом, красивый, я видел его, ходил по двору, задираю голову вверх. Но ты мне милее, с твоими деревянными полами, с твоими запахами хлорки, окнами, на которых всю зиму снаружи висели сетки с салом и мясом, просунутые в форточки.

Боже, как мне хочется вернуться обратно, в то время, снова стать студентом, подниматься по твоим скрипучим лестницам, в потоке других людей. Но тщетно, время не повернуть вспять, и только сон дарует мне такую возможность. Я брожу, счастливый, по твоим коридорам, пока зло не находит меня и не заставляет проснуться.

Мы как работали бригадой на току, так и решили поселиться вместе. Нам досталась комната на третьем этаже в правом крыле здания. Два больших окна выходили во двор. В комнате стояло шесть железных кроватей, шесть фанерных тумбочек, большой шкаф и стол с несколькими стульями. Общая площадь примерно 35 квадратных метров.

Я выбрал себе место возле правой стены у окна и два последующих года оно оставалось моей личной территорией. Комната общая, это верно, а вот стена, половина окна, кровать, чемодан под ней, тумбочка, часть потолка и пространство до соседней кровати были только моими. Да ещё ватный матрац, подушка, наволочка, две простыни, одеяло, вафельное полотенце. Много ли надо человеку для счастья?

Сразу после заселения все омичи, их было подавляющее большинство среди студентов, уехали домой за чистой одеждой. А я не успевал в отпущенные сроки и остался. Но я рассчитывал что-то себе купить, не ходить же на занятия в фуфайке?

И тут случилось чудо. Я в одиночестве сидел на своей кровати и размышлял, с чего же мне начать. Вдруг, в дверь постучали, и кто-то крикнул, что меня зовут на вахту. Удивлённый, я спустился на первый этаж и увидел там свою маму.

Рядом с ней стоял большой чемодан.

Как она наобум лазаря отправилась в Омск и как оказалась в нужном месте в нужную минуту, пусть расскажет её материнское сердце. Да, мы писали письма, но я не указывал в них точных дат, поскольку и сам не знал. И вдруг она здесь.

Мы поднялись в комнату и стали говорить. Потом она раскрыла чемодан и достала из него новый костюм, мои тёплые вещи, бельё, носки. Я вытянул из-под кровати свой фибровый и, как фокусник, выложил на постель мешки. Эффект превзошёл все мои ожидания. Это кто не знает, не поймёт, а кто знает, тому и объяснять не надо.

Затем порылся ещё и бросил на них пачку денег. Нам выдали зарплату мелкими купюрами и теперь они очень эффективно легли всеером.

– Откуда так много, сынок?

– Заработал.

Я оставил себе 100 рублей, остальные отдал ей.

– Мы тебе, Витя, ещё чего-нибудь купим, – благодарно говорила мать, но я отвечал, что это теперь их деньги, куда надо, туда пусть и тратят.

– Вы мне вон, сколько всего привезли.

– Так это всё нужно, Витя, как же без этого.

Мы походили по территории институтского городка, зашли в главный корпус, пообедали в студенческой столовой. Много разговаривали. Я видел, как беспокойство, явно прочитываемое на её лице в первые минуты встречи, проходит и сменяется пусть ещё и недоверчивым, но покоем.

Она переночевала в нашей комнате, благо никого больше не было, а наутро мы поехали на железнодорожный вокзал.

Проводив мать я вернулся в общежитие, лёг, не раздеваясь, на кровать, закрыл глаза и несуетливо подумал:

– Вот и всё, парень, начинается новая жизнь.

На этом снимке нет шестого нашего товарища по комнате – Володи Коптева. Остальных представляю. Позади я и Витя Дридигер. Впереди Вася и Серёжа Кролевцы, Витя Беккер.

Глава 19

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Мы сложились по «десятке» и на эти деньги купили в комнату всё необходимое. Чайник, кастрюлю, сковородку, посуду, ложки-поварёшки, веник, швабру, ведро, материю на шторы и подобие ковриков на стены. Репродуктор был казённый и из него до 12 часов ночи оптимистично звучали песни и новости дня от радиостанции «Маяк».

Общежитская жизнь имеет свои особенности в отличие от домашней, и её нужно принимать такой, какая она есть, иначе могут возникнуть проблемы с психикой. Мне, как и подавляющему большинству ребят и девчат, абсолютно безболезненно удалось к ней адаптироваться, более того, я находил её лучшей для студента и втайне жалел тех, которые вынуждены были по тем или иным причинам снимать квартиры в городе.

– А вы, выходит, не в городе жили?

– В городе, конечно, но у нас была своя территория, институтский городок с учебными корпусами, общежитиями, домами для преподавателей, спортзалом, стадионом, столовой, магазином, кинозалом, медпунктом, опытным полем, садом, лесом, чёрт возьми, в котором якуты жгли свои костры. А «городом» мы называли всё остальное, в первую очередь центр, потом Нефтяники, откуда по утрам, особенно летом, приплывал приторно-сладкий запах. Зимой было как-то полегче, наверное ветер дул в другую сторону.

Основное преимущество жизни в «городке» – экономия времени, всё необходимое находилось в паре сотен метров от общежития. При нужде можно было зимой выскочить налегке и

добежать до столовой или учебного корпуса не тратя время на раздевалку.

Общежитие просыпалось в 7 утра. Начинали хлопать двери комнат, сначала одиночно, затем всё чаще, чаще. Шаги гулко усиливались пустотой широкого коридора и казалось, что по нему идут к водопою слоны, правда у слонов была какая-то шаркающая походка. Это двигались в направлении туалета и моечной и возвращались оттуда лучшие представители советской молодёжи, дисциплинированные, подтянутые, внутренние организованные, собирающиеся ещё и чайку успеть попить. В основном это были бывшие армейцы, привыкшие к строгому распорядку дня. За ними начинали тянуться и другие озабоченные.

Самое интересное, что принадлежность студента к тому или иному курсу не оказывала никакого влияния на его привычки. Если он вставал рано на первом, то то же самое он делал и на пятом. А кто валялся на кровати до последнего или решал пропустить первую пару, тот оставался верен себе до самого конца обучения.

Девчата жили в левом крыле здания по своему регламенту и мы с ними по утрам практически не пересекались, встречаясь лишь на лестнице, ведущей к выходу из здания.

Я тянул до последнего. Как сладок этот утренний сон, когда тебя уже разбудили, но ты в полубессознательном состоянии то и дело проваливаешься туда, в nirvanу, и добрые видения встают перед тобой. Хорошие сны обычно под утро приходят. Хлопнула дверь – проснулся, тут же окунулся обратно, и опять там же, где был до пробуждения.

Слабым местом общежития были туалеты.

Четыре «толчка» на 150 человек по идее должны были справляться с оказанным им высоким доверием, но если, вдруг, выходил из строя смыв в одном из них, или, не дай Бог, в двух, а то и вообще временно прекращалась подача воды, наступала техногенная катастрофа местного характера.

Технички убрали. Ругались, стыдили, но порядок наводили. Посыпали пол и возвышения хлоркой, от которой слезились глаза и уходили мыть коридоры. Хуже всего было в воскресенье, когда им полагался выходной день.

«Отбивалось» общежитие в 12 часов ночи. Минут за десять-пятнадцать до полуночи опять начинали хлопать двери, шаркать по коридору шаги. Братва шла на opravку перед сном. Репродуктор желал спокойной ночи, тот, кто в этот момент оказывался ближе к нему убавлял громкость до ноля, все разом начинали стелить постели, укладывались, и последний шёл к двери и щёлкал выключателем. Дверь в комнату на ночь не запиралась.

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Поначалу глубокий сон уставших за день парней. Потом слышишь чей-то храп, кидаешь что-нибудь в ту сторону, но храп продолжается. Встаёшь, расталкиваешь, переворачиваешь на другой бок, ложишься. Засыпаешь. Просыпаешься от какого-то жжения на теле. Начинаешь чесать это место, а тебя уже жжёт в другом.

Клопы!!!

Я испытал шок, впервые столкнувшись с этими тварями.

Странно, но поначалу они нас не трогали. Почему-то, в истории с клопами мне в первую очередь вспоминается Олег Рогалевич, рабфаковец, армеец, который научил нас с ними бороться. Ты, Олег, что, с нами в первый год в комнате жил, а тогда выходит, что мы всемером обитали, или Володя Коптев тебя заменил? Запомню я. Или ты просто по какой-то причине у нас ночевал, предоставив свою кровать другому? Ладно, неважно. Просыпаюсь я от жжения и чувствую, что уже никто в комнате не спит, а все чешутся. Понять ничего не понимаем, но чешемся. Вдруг, с кровати, где спит Олег, доносится мат, он вскакивает, бросается к выключателю и врубает свет. Мы отбрасываем свои одеяла и видим, что по нашим простыням ползают красные и коричневые насекомые, напоминающие крохотных черепашек. Пытаемся ловить их пальцами, но они выскальзывают.

вают. Если давить, на простыни остаются красные полосы. С горем пополам, переловив всех медлительных, шустрые куда-то слиняли, и выбросив их в форточку, тушим свет и укладываемся.

Через полчаса всё повторяется.

Мы ловим их в постелях, а Олег, как будто его кто надоумил, кидается к стене и срывает «коврик».

Мать честная! Так вот где у них логово!

Мы обрываем свои и видим на белых стенах по доброму десятку клопов. Оказывается, это были их дома, в которых они жили, спаривались, рожали клопят, ходили друг к другу в гости, отправлялись на охоту и чаще всего невредимыми возвращались обратно.

Оставшаяся кровь ударяет нам в головы и мы бросаемся в атаку. Белая стена окрашивается красными полосами, но ненапившегося клопа трудно раздавить.

– Жги! – кричит Олег.

Я зажигаю спичку и подношу пламя к коричневому тельцу. Оно скрючивается и падает со стены на пол, а копоть оставляет след.

– Что это у вас за интерьер такой, авангардистский? – любопытно спрашивали девчата, заходя в нашу комнату и показывая пальчиками на стены, испещрённые красными и чёрными метками.

– Зато жизнь здоровая, – гордо отвечали мы.

Совершенно справиться с клопами было невозможно, но если не лениться вставать ночью, то их популяцию в комнате можно было свести до такого минимума, что они отваживались за ночь только на единичные вылазки.

Странно, но клопы водились не во всех комнатах общежития, у девчат, по крайней мере, реже. Коврики у них на стенах висели. Может быть им нравился вкус алкоголя, присутствовавший в крови ребят? Но два последующих года я жил в «пьющей» комнате и ощущал их присутствие не так явственно.

– Потому и не ощущал, что выпивал, – строго, как дядька Гринёва, с укором говорит Мир.

Администрация с ними тоже боролась. В ноябре или декабре санитарная служба района проводила в общежитии плановую дезинфекцию. Клопы на время пропадали, но потом появлялись снова.

Самая занимательная история, связанная с ними, произошла у меня на исходе одного лета, когда я несколько дней должен был «перекантоваться» в практически пустом здании. Я выбрал себе небольшую комнату, в которой на голых сетках кроватей лежали свёрнутые матрацы. В первую ночь выдвинул одну из них на середину, лёг на матрац и попробовал заснуть. Тщетно. В полубреду я явственно ощущал, как озверевшие от голода твари со всего общежития, дождавшись темноты, направились ко мне и начали атаку. Получив первые укусы, я включил свет и осмотрелся. Клопы десятками сидели на стенах, ползали по полу и взбирались на постель по ножкам кровати. Просидел до утра возле окна, когда рассвело, немного подремал.

Днём покопался в мусорке и нашёл четыре жестяные банки. Подставил их под ножки кровати и заполнил водой. В эту ночь я смог заснуть, но проснулся всё от того же жжения. Осмотр места битвы показал, что банки свою задачу выполнили превосходно, но противник применил новую тактику. Они теперь по стене ползли наверх, потом по потолку, и, добравшись до середины, прыгали вниз, на кровать.

А в остальном, жизнь в общежитии, конечно, прекрасна. Не зря ведь она снится сегодня, как что-то хорошее, что было в моей жизни.

От подъёма до отбоя – 17 часов активной деятельности. Всё равно, раньше не заснёшь. А за это время много чего можно успеть, было бы желание. Жизнь студенческая была ключом и питала тот светлый родник, к которому можно было припасть и попить живой воды. Кто-то пил, а кто-то проходил мимо. Люди разные. Я не об учёбе говорю, это понятие обязательное, я о

том, чем ещё можно было заняться в свободное от неё время. Впрочем, я забегаю вперёд, надо придерживаться хронологии.

Ново и радостно было у меня на душе. Объявили, что состоится посвящение в студенты. На площади перед входом в главный корпус. Факельное шествие. Тепло было, хотя снег уже выпал. По темноте шли от общежития, факелы самодельные несли: палка, банка, тряпка, смоченая в керосине. От других общежитий вливались. Сотни людей. Красиво. На площади грузовик с откинутым бортом – трибуна. Ректор, деканы. Речи начались. Ко мне накануне в фойе общежития девушка подошла, представилась секретарём факультетского комитета комсомола. Попросила, чтобы на посвящении от имени агрофаковцев выступил.

– А о чём говорить? – растерялся я.

– Ну, что чувствуешь, о том и говори. Долго не надо, трёх минут достаточно. Ты только поближе к трибуне стань, чтобы потом не протискиваться. Да не волнуйся, я рядом буду.

Объявили моё имя и я полез на грузовик. Стал к микрофону и сказал, что счастлив ощущать себя студентом Омского, ордена Ленина, сельскохозяйственного института. Уверен, что такое же чувство испытывает подавляющее большинство моих сокурсников и все те, кто стоит рядом с ними на этой площади. Обещаю приложить все свои силы на овладение знаниями, чтобы потом использовать их в труде на благо нашей социалистической Родины. Ну и ещё что-то.

– Молодец, – сказала секретарь, когда я спустился вниз.

– Слышал, как тебе аплодировали? Не просто так.

Как же её звали? Я ведь мемуары пишу, в них реальные люди присутствуют. Надя Фёдорова? Красивая такая девушка, черноглазая, умная, строгая, землячка, кстати, из Кокчетавской области. А почему именно мне предложили выступить, так это, думаю, из-за оценок на вступительных экзаменах.

Глава 20

УЧЁБА

Однако, как оказалось, я невольно обманул собравшихся в тот вечер на площади. Я не прилагал впоследствии к учёбе всех своих сил. Обходился половиной.

Можно сказать, что *я учился – как песню пел.*

От той ошалелой радости, что стал студентом, чувства мои обострились, память ещё более окрепла, да и, судите сами, ведь кроме учёбы не было, по большому счёту, никаких других забот. Особенно первые два года.

Времени – уйма.

Хорошая основа, конечно, была во мне со школы – химия, физика. А общественные и специальные дисциплины я уже в институте полюбил. Главное – уметь сосредоточиться. Ну и талант, наверное, тоже должен присутствовать, он блеска придаёт. Возможно, талант важнее усидчивости.

Казалось бы, при таком положении дел, когда единственной заботой становилась учёба, все должны были хорошо учиться. Однако этого не происходило.

Первые экзамены показали, что в группе и на курсе наряду с хорошо успевающими очень много троечников и есть даже такие, кто не смог с первого раза сдать какой-либо предмет.

– Ничего, – храбрились они, – вот кончатся все эти химии-физики-истории, начнутся специальные предметы, тогда мы себя покажем.

Не-а, не показали.

– Ничего, – не сдавались они, – ещё неизвестно, кто из нас будет лучше работать?

А вот с этим утверждением я согласен. Жизнь богата на сюрпризы. От наставника на месте многое зависит, от самого хозяйства, от личных качеств характера, от возраста. Да вот только одна беда, когда на высокий уровень выйдешь и люди тебе в рот заглядывать начнут, подумаешь с запоздалой тоской, и чего это я, дурак, в институте как следует не учился. Эти мысли и меня посещали, причём постоянно, хотя я, вроде, не последним студентом был. Это хорошее чувство, оно заставляет самообразованием заниматься. Иногда, такая глупая, но милая мысль в голову приходила, вот бы сейчас, после 15 лет моей агрономической деятельности снова стать студентом. Я бы сидел на всех лекциях и занятиях не шелохнувшись и всё записывал, а на практических занятиях мучил бы преподавателей вопросами по той же самой веялке или сеялке, ибо я практик, а они теоретики и их диапазон шире. Ах, каким бы я был тогда студентом!

А давайте мы с вами посмотрим, что за предметы изучали в те годы на агрономическом факультете, благо, что вкладыш к диплому сохранился. Он интересен ещё и тем, что в нём указано количество часов по каждому предмету. Итак, Гридюшко Виктор Михайлович за время очного обучения в Омском ордена Ленина сельскохозяйственном институте имени С. М. Кирова с 1972 по 1977 год на агрономическом факультете по специальности «Агрономия» сдал следующие дисциплины:

1. История КПСС (120)
2. Политическая экономия (140)
3. Марксистско-ленинская философия (90)
4. Ботаника (156)
5. Физиология растений (182)
6. Химия неорганическая и аналитическая (160)
7. Химия органическая (100)
8. Химия физическая и коллоидная (60)
9. Физика (142)
10. Общее земледелие (150)
11. Почвоведение с основами геологии (140)

12. Агрохимия (150)
13. Энтомология (60)
14. Фитопатология (60)
15. Растениеводство (188)
16. Селекция и семеноводство (100)
17. Овощеводство (80)
18. Плодоводство (80)
19. Хранение и технология с.-х. продуктов (70)
20. Луговое хозяйство (80)
21. Сельскохозяйственная мелиорация (80)
22. Сельскохозяйственные машины (160)
23. Организация социал. с.-х. предпр. и управл. (146)
24. Экономика соц. сельского хозяйства (70)
25. Иностранный язык (немецкий) (220)
26. Геодезия с основами землеустройства (60)
27. Основы научного коммунизма (70)
28. Микробиология (56)
29. Метеорология (70)
30. Основы высшей математики (112)
31. Спецподготовка (450)
32. Основы научного атеизма (40)
33. Генетика (80)
34. Химическая защита растений (70)
35. Технические культуры (70)
36. Общее животноводство (142)
37. Трак. и авт. с прав. уличного движения (130)
38. Электрфикация сельского хозяйства (40)
39. Физическое воспитание и спорт (470)
40. Бухгалтерский учёт и с.-х. статистика (70)
41. Гражданская оборона (50)
42. Основы советского права (30)
43. Охрана труда (40)
44. Лесоводство (64)
45. Основы марксистско-лен. этики и эстетики (60)

46. Вычислительная техника (58)

47. Методика опытного дела (60)

48. Научный коммунизм (80)

По предметам с 1 по 34 мы сдавали экзамены, а с 35 по 48 – зачёты.

Во времена «перестройки» пришлось встретиться с мнением, что неправильно нас учили. Надо было больше внимания уделять специальным предметам и меньше *«всяким там»*, историям партии, политическим экономиям, научным коммунизмам и основам научного атеизма. А я с этим категорически не согласен.

Есть такой анекдот. Заходит старая бабка в троллейбус, и видит, что все сидячие места заняты и никто ей место уступить не собирается.

– Неужели среди вас не найдётся ни одного интеллигентного человека, который уступит своё место пожилой даме, – восклицает она. Все пассажиры, отвернувшись, молчат. Через некоторое время какой-то майор лениво отвечает: – Интеллигентов здесь, бабка, дохера, местов мало.

С деревнями того времени ситуация обстояла противоположным образом: «местов» было много, а вот интеллигенции маловато. На центральных усадьбах ещё более-менее, а на отделениях – почти никак. Нет, деревня и без интеллигентов может прожить, она без них жила, живёт и будет жить. Там люди сами по себе умные. Только учителя в школу нужны, для будущего детей. Но человеку свойственно тянуться к высокому, и, порой, не только, чтобы на других посмотреть, но и себя показать.

К тому же, не каждого выпускника института можно называть интеллигентом. Институт, он ведь ума не даёт, он даёт только диплом. Интеллигентность – это понятие динамическое, человек должен постоянно самосовершенствоваться, в первую очередь интеллектуально, да и просто расти в человеческом плане. Много читать, причём читать вещи серьёзные, давать зарядку уму. Учиться хорошему у окружающих. Жить для них.

«Интеллигент – это тот, кто не перепутает Гоголя с Гегелем, Гегеля с Бебелем, Бебеля с Бабелем, Бабеля с кабелем, кабель с кобелем». А два из этих имён, как раз из общественных наук. В этих дисциплинах ведь не только сама утопия представлена, но и история этой утопии, что уже само по себе образовательно. Тем более, что изучаемая идеология соответствовала общественному строю, в котором мы тогда жили и объясняла его.

Всё пригодилось, когда на селе работать начал.

А что касается специальных предметов, то иного хоть десять лет учи, всё равно ничему не научишь. Институт даёт основу и инструмент, а учит сама Земля, тоже, к сожалению, не всех. Жилка должна быть в агрономе, живая жилка, чтобы уметь с ней на одном языке разговаривать. Не научишься разговаривать – пиши пропало, только вреда наделаешь.

Сейчас я\ хочу представить своих товарищей по группе. Я понимаю, что остальным это неинтересно, но повествование моё документальное и в нём обязательно должны присутствовать люди, с которыми я прожил вместе пять лучших лет своей жизни.

Это интересно мне.

Открываю выпускной альбом и начинаю вглядываться в фотографии 40-летней давности. Упаси меня Бог, судить. Тут сам в себе не разберёшься, не то что в других. Так, субъективные впечатления, сугубо личные.

Юра Мирошниченко, рабфаковец, служил в десантных войсках в Прибалтике. Прозвище – «Кацо». Сильный, эмоциональный, но с каким-то внутренним надрывом. Возможно, это было следствием трагической гибели его отца, главного инженера совхоза. В Юриной душе постоянно боролись между собой хулиган и интеллигент.

Володя Коптев, этот после школы, спокойный такой парень, надёжный. Мы с ним на практике в «Учхозе» потом вместе были. В одной комнате в общежитии жили. Интересная у нас комната была, самая успевающая на курсе. У Володи был

старший брат, который учился на мехфаке и был отличником учёбы, а может быть, даже и Ленинским стипендиатом.

У нас были боксёрские перчатки и мы боксировали.

– А ты смелый, – сказал мне Володя, – удара не боишься.

Витя Дридигер, высокий, в очках, напористый, очень хорошо учился. Любил придумывать прозвища. Меня «Трактором» называл, ну, типа, я белорус, а так колёсник МТЗ величался. Но не прижилось. Он потом по научной части пошёл, а куда дошёл, не знаю, система начала рушиться.

Витя Беккер, аккуратнейший немец, закрытый, себе на уме. У него костюм зелёного цвета был, может, на выпускной сшитый. Он в нём и диплом получал. Почистит, погладит, и дальше носит.

Серёжа и Вася Кролевцы, наша достопримечательность. На первый взгляд неразличимы, а на самом деле очень разные. По характеру. Он и лица по новому рисует. Я этому парадоксу сначала удивлялся, а потом привык, никогда их не путал. Серёжа интеллигентный, а Вася прямее, грубее.

Саша Сиротин, спортивный, бегал хорошо, на вид не сельский какой-то. Агрономом, слышал, не стал работать, переквалифицировался в журналиста районной газеты.

Серёжа Александров, школяр. Его фамилия в списке первой стояла, потому выбрали старостой, через год сместили. Хорошо одевался, отец у него председателем райпотребсоюза работал. Имел какие-то амбиции, но учился посредственно.

Володя Савицкий, спокойный, хороший парень. Любил играть в лотерею. Но не просто так, на удачу, а согласно своей собственной теории. Помню, он фотоаппарат выиграл и объяснял мне, как вычислил номер счастливого билета. Открытый.

Валера Белоглазов, рабфаковец, после армии. Основа человеческая у него была хорошая. В ней и совесть, и готовность помочь, и доброта, и принципиальность, и рассудительность. Пользовался уважением, к тому же учился добросовестно. Староста нашей группы и курса.

Вася Трусов, хороший парень, но учиться ленился. Любимым занятием было «постучать» футбольным мячом по деревянной стенке на стадионе. Отец его был талантливым агрономом совхоза в Павлодарской области. В 1981 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Валера Григорьев, рабфаковец, в армии был старшиной роты. Вспоминал службу как самое лучшее время своей жизни в отличие от Юры, который рассказывал, что «гоняли» их, как собак, до последнего дня перед дембелем. «Кому не спится в ночь глухую..?». Хороший парень, свойский, рот улыбается, глаза как щёлки, почти за каждым словом окончание «на». А за щёлками – какой-никакой жизненный опыт, тот самый, которого не было у большинства других.

Они вообще отличались, армейцы, от нас, бывших школьников. Казалось, что они старше не на 3-4 года, а на целую жизнь. Рабфак – он многим толковым ребятам дал возможность получить высшее образование, избавив от вступительных экзаменов, которые вряд ли после армии они сумели бы сдать.

Олег Рогалевич, самый талантливый из нас. Тоже армеец, ефрейтор. В Германии служил, при штабе. Кто же умельцами разбрасывается? На аккордеоне играл великолепно. Всей группе плакаты на курсовые и защиту дипломов писал. Работал на Тарской с/х опытной станции, потом её сделали филиалом сельхозуниверситета, преподавал.

Савва Гильденберг, рабфаковец, простой, немного бесхарактерный. Он к Юре тянулся, они земляки, из одного района. Отучился, стал работать, выпивал, имел от этого неприятности, не смог остановиться, через четыре года повесился. Такая вот грустная история.

Что греха таить, алкоголь присутствовал в студенческой жизни, особенно в общежитии, и он на многих наложил свой отпечаток, в том числе и на меня. Тема эта непростая и требует отдельного рассмотрения. Многие помнят тот последний пролёт лестницы в нашем крыле общежития, упирающийся в чердач-

ную дверь, и как сидели на ступенях с бутылками «Рубина» и «Солнцедара», прозываемых в народе «огнетушителями», отмечая сдачу очередного экзамена. Редко кто не сидел, а потом эта бордовая жидкость не усваивалась организмом и просилась наружу. Всякие казусы случались по этому поводу. И со мной тоже, даже стыдно вспоминать. Хорошее вино можно было в городе купить, но надо было искать, а эта отравка вот, рядом, на Озерках. И дёшево.

Юра Игнатенко, рабфаковец, но в армии не служил. Юра вспоминается мне порядочным, принципиальным человеком, с которым можно было, как говорить, вместе идти в разведку. Отец у него работал директором совхоза

Славик Кравченко, рабфаковец, служил. В армии вступил в партию. Держался особняком, мы к нему в друзья тоже не набивались. Всем было ясно, что Славик стал коммунистом не для того, чтобы первым лечь на амбразуру, а для каких-то других целей. Впрочем, это было его личное дело. Одевался по моде того времени, отрастил длинные баки. На занятия ходил в галстуке. Он и Олег Рогалевич.

Боря Косолапов, человек – язва, но где-то в глубине души всё-равно хороший. По-моему, он первым из группы женился, на нашей же девчёнке. Зина приходила к нам в комнату и спрашивала:

– Де Борка?

Юра Павилайнен, грустный человек, пытавшийся казаться весёлым. Имел наследственную душевную болезнь, пил успокаивающую настойку «Золотого корня», жил на квартире. Мне жаль его бесконечно. После окончания института болезнь обострилась и он совершил самоубийство.

Ну и девочки наши, хорошие девочки, они все жили в одной комнате. **Люда Яремчук**, **Валя Гаврилова**, **Люба Маслик**, **Зина Косолапова**. Это она уже под Борькиной фамилией в альбоме значится, а её девичью я запомнил. Нет фотографии **Раи Решетняк**, она вышла замуж и стала заочницей.

Если добавить меня, то получится 24 человека. По идее должно было бы быть 25, но кто-то, видимо, отселялся на первых годах обучения.

Валя была родом из Новосибирской области, Вася из Павлодарской, я из Кокчетавской. Возможно, Рая была тоже из Кокчетавской области и вышла замуж за своего односельчанина, но совершенно точно, что её мужем стал выпускник мехфака – кокчетавец. Все остальные проживали в районах Омской области.

На одном из занятий по неорганической химии ко мне подошёл заведующий кафедрой Фарманов С. Г, личность легендарная, одно имя которого приводило в трепет всех студентов первых лет обучения, изучающих этот предмет, особенно девчат, и неожиданно дружелюбно предложил мне принять участие в олимпиаде по химии среди первокурсников института.

В назначенный день мы, человек 20, большинство из которых я видел впервые, сели за столы, получили задания и стали решать предложенные задачи. По истечении двух часов сдали свои записи и разошлись.

Недели через две я, как всегда, остановился у доски объявлений, которая висела на стене справа от входа в главный корпус и увидел среди прочего листок бумаги, на котором было напечатано, что в институте прошла олимпиада по химии, победителем которой стал студент первого курса агрономического факультета Виктор Гридюшко. Я скорее удивился этому сообщению, чем обрадовался, а единственной наградой за победу стало крепкое рукопожатие самого Фарманова. Зато потом, вплоть до окончания института, при каждой случайной встрече, он уважительно приветствовал меня, причём делал это первым.

Зимнюю сессию я сдал на одни пятёрки. Впрочем, как и следующую, летнюю. Не буду утверждать, что я настолько глубоко знал науки, просто я хорошо сдал экзамены. Нам накануне выдавали вопросы, мы их дня 3-4 штудировали, и шли сдавать предмет. По поводу экзаменов существует много анекдотов,

суть которых сводится к тому, что сдал – и забыл, или так сконцентрировался, что совершил невозможное:

– За сколько дней можно выучить китайский язык?

– А когда сдавать?

В пору тех сессий я приобрёл на курсе определённую известность. Накануне некоторых экзаменов подходили рабфаковцы и просили у меня консультацию. Я брал вопросы в руки, и, не заглядывая ни в какие учебники, отвечал кратко, а они, кто слушал, кто по быстрому писал «шпоры», в общем польза от моих речей была.

Да, я умел учиться. Умел в несколько дней так сконцентрироваться над учебниками, что мне становилась ясна *логика* авторов, и это было великолепное чувство. Я не терпел «непонятки». Идя на экзамен должен был быть уверен, что смогу ответить на любой вопрос. Некоторые могут покрутить пальцем у виска, но я любил экзаменационные сессии тех первых лет, любил напряженность и следующую за ней эйфорию победы. Я любил сессии ещё и потому, что за ними маячили каникулы, когда я мог, наконец, поехать домой, по которому очень скучал, и повидаться с родными.

На экзамены записывался в первую «пятёрку», немного готовился и шёл отвечать.

Меня огорчал только один момент – экзаменаторы не хотели меня выслушивать. Часто, стоило мне только начать отвечать, как они прерывали:

– Достаточно, переходите к следующему вопросу.

Но и со следующим повторялась та же история. А для кого я тогда старался, ночей не досыпал?

Правда, иногда они позволяли себе расслабиться и давали мне высказаться. В эти минуты лица их становились умиротворёнными, как будто бы они слушали музыку небесных сфер. Наверное, пятёрка пятёрке тоже рознь.

– Слушай, Мир, а куда деваются знания? Я ведь столько дисциплин изучил, знал даже, чем линолевая кислота отличается

ся от линоленовой, а сейчас почти ничего не помню, кроме специальных предметов? Они что, пропали?

– Ничего никуда никогда не пропадает. «Корзину» в компьютере знаешь? Вот и в твоём мозге такая похожая есть. Там всё скапливается. Понадобятся – в десять раз быстрее вспомнишь, чем заново учить, а не понадобятся, значит вместе с тобой и умрут.

Самым волнующим моментом была, конечно, последняя фраза экзаменатора:

– Давайте Вашу зачётную книжку.

Студенческая мудрость гласит, что первые два года ты работаешь на «зачётку», а потом она работает на тебя. Может и так. У некоторых ребят были очень хорошие зачётные книжки, но такой, как у меня, не было ни у кого, и, поговаривали, что не было уже давно.

– Ладно, это экзамены, в них всегда элемент везения или невезения присутствует. А как ты между ними занимался?

Да так себе, без надрыва. На лекциях садился почти всегда за последние столы, поближе к задней двери аудитории, чтобы после окончания выскочить одним из первых и успеть занять хорошее место возле стойки буфета. Когда речь идёт о десятках или сотнях голодных людей, успех решают секунды. А я ведь по утрам не завтракал.

Если лекция была интересной или нужной, особенно когда начались специальные дисциплины, садился впереди, внимательно слушал и конспектировал, если нет, то читал какую-нибудь книгу. Просто так, из любопытства, изменил почерк. Стал каждую букву писать отдельно. Привык и не ощущаю никаких неудобств.

На практических занятиях не отлынивал, делал всё, что требовалось, но вперёд других не лез. Я, по правде сказать, человек стеснительный, это и диктовало поведение. Если была какая-то коллективная работа, ко мне тут же подсаживались более слабые ребята. Я не возражал, хотя с большим удовольствием

скооперировался бы с равными мне по силам, а так приходилось тянуть группу самому. Но это было порядочнее, чем бросить их на произвол судьбы. Да пока объяснишь, что к чему, и сам что-то поймёшь. Я ведь тоже не был семи пядей во лбу, и для меня всё новым было. По крайней мере мне не стыдно сегодня за те годы, и подступающая старость не наказывает меня за них бессонницей.

Успех в том или ином деле зиждится на многих составляющих, и, как ни странно, одно из них – стыд.

Заведующим кафедрой физики института был Растегаев Н. С. Ну есть такие среди людей, посмотришь на него и сразу скажешь:

– Умный мужик!

Своеобразная манера общения, независимая, ироничная. Всё понимающий, но не оправдывающий взгляд из под очков. В общем, достали его эти студенты. Тому были причины.

Кафедра переживала революционный период.

Со слухов нам было известно, что два беспокойных физика из Омского ветеринарного института решили модернизировать процесс преподавания предмета, но понимания в родных стенах не нашли и подали на расчёт. Растегаев их приютил и выдал карт-бланш.

Так в нашем ОмСХИ появился кабинет физики, оборудованный по последнему слову тогдашней техники. Если раньше студенты получали вопросы на листках и писали на них ответы, а преподаватель проверял и ставил оценку, то теперь нам выдавали карточки с вопросами и готовыми ответами, а соль заключалась в том, что ответов было четыре, очень похожих друг на друга, но только один правильный, который и надо было отметить крестиком. Тлетворное влияние Запада, конечно, но эта система тестов победила и сегодня принята во всём мире. А тогда она нас, поначалу, очень смутила.

Остальное было делом техники. На каждом столе стоял пульт с кнопками, на преподавательском столе тоже, а на стене

висело табло с десятью лампочками. Студент называл номер карточки, который преподаватель фиксировал на своём пульте, и начинал нажимать на кнопки согласно проставленным крестиков. Если ответ был правильным, зажигалась лампочка.

По учебному плану занятия с группами из агрофака вёл Растегаев.

Я нажал свои кнопки и зажёл пять лампочек. Двойка. Если бы загорелось шесть, была бы тройка.

Приблизительно в этом диапазоне и ниже отстрелялись и другие, не считая пары случаев, когда табло не вспыхнуло ни разу.

Н. С. очень внимательно на нас посмотрел, пробормотал себе что-то под нос, мы не расслышали, то ли бараны, то ли болваны, взял в руки карточку и сказал:

– Вы полчаса думали, а я вот сейчас, не глядя, наугад, нажму и посмотрим, что получится.

Он действительно, вслепую нажал на кнопки и на табло зажглось шесть лампочек.

Давно мне не было так стыдно.

В сложившейся ситуации каждый реагировал по своему. Одни пали духом и смирились, что физики им никогда не сдать. Другие успокоились и решили в следующий раз нажимать наобум.

Третьи задумались.

Я выбрал, как мне тогда казалось, самое простое решение. Попытался разобраться в их системе. Посидел пару вечеров с учебником, полистал внимательно и всё, вдруг, встало на свои места. Не знаю, как это произошло, но я понял. Наверное, разложил по полочкам.

Когда в следующий раз я смотрел на табло и видел, как после моих нажатий загораются лампочки, то не испытывал особого восторга, хотя загорелись все десять. После этого обо мне опять стали ходить по курсу легенды. Растегаев похвалился, что наконец-то появился человек, который зажёл всё табло.

– Ты думаешь, я хвалюсь? Нет, Мир, просто рассказываю об одном из случаев, когда мне довелось быть «на коне». Подобное случалось нередко, но, порой, мне приходилось под тем же «конём» и валяться. К победам и поражениям я рано научился относиться философски, благо материала хватало с обеих сторон. Отличать их, конечно, надо, Пастернак тут немного погорячился, но главное не в том, что ты упал, а в том, что сумел подняться.

Со временем многие приспособились к нововведению, и результаты стали лучше, но моего рекорда не побил никто. Целый год я попадал только в десятку.

Кабинет физики располагался на втором этаже инженерного корпуса рядом с институтской Доской почёта. После буфета разглядывание фотографий на ней было моим излюбленным занятием в перерывах между парами.

Прохаживаюсь, смотрю. Идёт мимо Растегаев. Кстати, его фото на Доске тоже присутствовало. Увидел меня, дружелюбно улыбнулся и остановился.

– Что, любишься? Правильно делаешь. Ну-ка, иди сюда.

Он подошёл к левой стороне доски и ткнул пальцем в первую фотографию. С неё, если мне не изменяет память, смотрело на нас лицо Гены Руля, нашего нынешнего секретаря комсомольской организации факультета, отличника учёбы, гордости агрофака.

– Через год на этом месте, – сказал Растегаев, – будет висеть твой портрет, и будет висеть долго.

Глава 21

СТРАСТИ ВТОРОГО КУРСА

Дом был далеко и тоска по нему давала себя знать. Я за-видовал тем своим товарищам-омичам, которые могли сесть в автобус или электричку и через несколько часов встретиться со своими родными. Мой путь был долг и занимал от порога до порога около суток. Тяжелее всего приходилось в предпраздничные и послепраздничные дни.

В году было пять возможностей свидеться: зимние и летние каникулы, 7 ноября, Новый год и 1 мая. С каникулами всё ясно. Перед праздниками в институт прибывали медики из «Красного креста», которые собирали кровь. Доза в 200 грамм вознаграждалась стаканом вина, бесплатным обедом в столовой и одним днём освобождения от занятий. Можно было сдать две дозы, это не возбранялось.

Сдавал и я. На 7 ноября был вынужден остаться на демонстрацию, а на Новый год не выдержал и поехал. Купил в предварительной кассе билет на поезд, написал домой письмо с уведомлением о дате выезда, в общем, всё выглядело достаточно солидно. Два дня на дорогу, два дома, нормально. Кроме встречи с родными мной двигал ещё и меркантильный интерес. Я рассчитывал затариться салом и жиром. Все ребята что-то привозили из дома, по крайней мере картошка у нас не переводилась. Зима была сытной, что тут говорить, хотя, есть хотелось всегда. Готовили по очереди, в большой кастрюле или сковородке. Многие готовили. Кто на кухне, а кто на электрической плитке в комнате.

Благословенные времена! Какой запах шёл по общаге!

Ужинали обычно часов в 9 вечера, до сна оставалось ещё три часа. Мясо и сало хранили в сетках, снаружи окон, просунув их через форточки. Жир и топлёное масло в стеклянных банках стояли в шкафу. Меня никто не упрекал, что я ем чужие продукты, но мне хотелось как можно скорее внести свою лепту в общий стол.

До Кокчетава добрался по графику, если бы сел на утренний автобус, всё было бы нормально. Но почти все места в «Икарусах» были выкуплены заранее теми же студентами и учащимися города. Безбилетная толпа волновалась и потихоньку зверела. Получить место удалось только к вечеру. Почему не сел на «куспекский» автобус, не могу объяснить. Возможно, тот автобус, в котором я поехал дальше, отправлялся раньше пяти и я не стал искушать судьбу, мало ли что с билетами, а может была опасность, что «ПАЗик» могут не выпустить из города. Начался буран. Местный автобус можно было дожидаться и в Константиновке.

Но «Икарус» не стал из-за перемётов в неё заходить и высадил нас, человек шесть «аканцев» на трассе напротив баз. Мы сквозь пургу пробились до их центральной площади, туда, где магазины и контора. Подождали автобус, но он не пришёл.

Единственным обитаемым местом в эту позднюю ночь был совхозный радиоузел, где мы и нашли приют, расположившись на полу. Белокурая радистка заварила чай, отдала нам свою еду, мы достали, что было у каждого в сумке съестного, если было, и стали встречать Новый год. У одной женщины оказалась бутылка красного сухого вина, которую она везла к столу своих родственников. Не помню имён остальных, но одной из участниц той вечера оказалась моя одноклассница Катя Боровицкая, которая училась в Кокчетаве.

Буран, бушевавший всю ночь, к утру стих, но ударил мороз. Надежд на какой-либо транспорт было мало и мы решили идти в Куспек пешком. Пройдя по селу и выйдя на грейдер, ведущий нас к цели, мы увидели зелёную машину-«летучку», за-

стрявшую в сугробе и двух мужиков, остервенело раскидывающих снег впереди неё. Это были мой отец и отец Кати.

Не дождавшись местного вечернего автобуса, они попросили у знакомого шофёра его машину с будкой и поехали нас встречать. Поздней ночью они вышли на трассу и стали останавливать каждый встречный автобус.

Разминулись. Так тоже в жизни бывает.

«На лопате» к обеду добрались до дома, промёрзнув до последних костей. Мать не спала ночь, отец не спал, сама радость встречи была скомканной. Мать ругала отца, что он не догадался искать нас где-то возле конторы.

Наутро я должен был возвращаться в институт. Стоя в переполненном автобусе, я на всю оставшуюся студенческую жизнь зарёкся путешествовать под Новый год и, главное, заранее сообщать о времени выезда. Родных надо жалеть.

Когда 1 мая я, в рубашке, пиджаке и летних туфлях, вспотев от 20-ти градусной жары сажусь вечером в Омске на поезд, разве могло мне прийти в голову, что за одну ночь температура упадёт до – 5, а ледяной ветер превратит меня в подобие француза, бегущего из Москвы. Я стоял всё на той же площади в Константиновке, как конь нервно перебирая ногами, и чувствовал, что дохожу. Но спрятаться в тепле я не мог. Вдруг, именно в этот момент подойдёт автобус, который я поджидал, и, не видя никого, поедет дальше.

Не выдержав пытки я перед самым закрытием продуктового магазина заскочил в него и купил у своей будущей тёщи поллитровую бутылку вина за 1 р. 50 коп. Стакана у меня не было. Пить на площади я постеснялся, поэтому зашёл в дощатый туалет, и в два приёма, зорко поглядывая в щель на дорогу, опорожнил бутылку из горлышка.

Это было самое вкусное вино моей жизни, и я утверждаю это даже сейчас, когда перепробовал такое, о чём вы даже не слышали и не мечтали. *(А он не врёт. Виноделы из больших предприятий, производящих 80 сортов вин, как у него, пробуют*

их на уровне королей средней руки). Оно вошло в кровь и вспенило её. Задубевшие пальцы ног опять обрели чувствительность, тепло разлилось по телу. Преображённый, я вышел из туалета, а тут, вскоре, подкатил и автобус. Но больше вина меня согревала мысль, что я не потревожил своих родителей, и сейчас, когда внезапно появлюсь на пороге, радость наша будет до неба.

После этого случая я вычеркнул из встреч и майский праздник, ограничившись двумя поездками в год.

Первые зимние каникулы были великолепны. Я прекрасно сдал сессию, дома ко мне все относились с уважением, мать готовила изысканные блюда. Работой по дому не утруждали и я наслаждался покоем: ходил в школу, в клуб, встречался с одноклассниками. Учителя приветливо здоровались, Иван Яковлевич уже на правах старшего товарища охотно участвовал в наших встречах.

Чего это он в галстук? А, наверное жабо было в стирке. А время и настроение – то, после зимней сессии, на каникулах. Хороший наш Иван Яковлевич, Витя Сайбель, Коля Немков. Иди сюда, Жизнь, мы готовы тебя встретить!

Ромка пошёл работать молотобойцем в кузницу, Коля Немков кочегаром в котельную и теперь шутиливо представлялся «человеком огненной профессии». Не помню, чем занималась Тоня, но она и Ромка усиленно штудировали школьные предметы, твёрдо решив повторить попытку поступления в институт.

Таня Бевз стала школьным библиотекарем, а Таня Малюченко старшей пионервожатой. У них были свои кабинеты. Этот факт имел большое значение, поскольку податься в селе зимой особо некуда. Скучивавшись, мы шли в школу и после приветствий с учителями, спешившими на уроки, располагались у своих одноклассниц и вели неторопливые беседы. Могли «скинуться» и выпить немного вина. На переменах выходили, чтобы не мешать ученикам.

Летние каникулы после окончания первого курса памятливы тем, что я стал разбираться в травах. Ботанику нам читал заведующий кафедрой **Плотников Николай Алексеевич**, совершенно седой, сухонький старичок, которому тогда уже было за 80. Но он, каждый год, летом, взяв в провозатые одного из студентов, отправлялся в очередную экспедицию по стране, за сбором редких растений. Ходили слухи, что он нашёл траву, которая дарует ему активное долголетие. В то лето на Алтай его сопровождал наш Валерка Григорьев, приписанный к кафедре ботаники, который по возвращении ни о каких травах не заморачивался, а подробно рассказывал нам о том, как уговорил и потом стоя трахнул в тамбуре поезда одну молодую алтайку. «На...».

По учебному плану мы тоже обязаны были собрать и сдать гербарий из 25 растений, но, главное, мы должны были знать «в лицо» 100 диких видов, произрастающих в лесостепной зоне Западной Сибири. И я их знал, клянусь сенокосом. Вот ходил слабовидящий человек по траве и различал только зелень под ногами. А выписали ему очки, его оторопь взяла:

– Да сколько же тут всякого разного наворочено!

– Вот это, Саша, **мятлик луговой**, из семейства злаковых, по латыни *Poa pratensis*, а за ним, справа – **лисохвост**,

правда ведь, по форме лисий хвост напоминает? Да ты не бойся, пальцами его потрогай. Он тоже *pratensis*, что означает луговой, только звать его – *Alopecurus*. А это – *Calamagrostis epigeios*, по русски **вейник шиловидный**. Смотри туда, видишь, вся сопка ковылём покрыта, правда, он высох уже от жары. Это **перистый ковыль**, по латыни будет *Stipa pennata*. А наступил ты сейчас ботинком на **лапчатку гусиную** из семейства розоцветных.

Мои невероятные познания поначалу вызывали у брата священный трепет, сменившийся, однако, вскоре, скептицизмом:

– А откуда я знаю, что они так называются? Может ты врёшь всё. Веники какие-то выдумал, лисицу приплёл? Вот ковыль я знаю, а что он пористый, так это мне до лампочки.

Ситуация усугубилась, когда на кафедре «Энтомологии» её заведующий, доцент Семёнов Алкесей Агапович, научил нас различать 100 видов насекомых и вредителей.

Да, не бывает пророков в своём отечестве.

Ромка поступил в своё военное училище, Тоня стала студенткой экономического факультета Целиноградского сельхоза, Коля пошёл учиться на радиста.

Соня Жинь познакомила меня со своей подругой, которую родители за вольное поведение выслали для исправления из Иркутска в Казахстан, к родственникам. Знакомство наше произошло в последний вечер перед моим отъездом. После кино мы пошли на сопку, где сидя и лёжа на *Stipa pennata* юная ссыльная почти до рассвета обучала меня азам взаимоотношений между полями.

Оглушённый новыми познаниями, я почти в беспамятстве, не заметив дороги, добрался до Омска.

Нас было 25 человек, а мест в общежитии на этот год выделялось только 20, а может и меньше. Нет, я подстраховался, и ещё в прошлом году сразу записался в агрофаковский хор. Бывалые люди говорили, что хористов из общежития не выселяют, тем более, что художественную самодеятельность факультета в

качестве общественной нагрузки курировала доцент кафедры истории партии **Галкина Тамара Ивановна**, которая за «своих» стояла горой. Личность тоже легендарная, наводившая страх, и даже ужас на многих студентов. Я помню первую лекцию, когда она предстала перед нами в облики, очень напоминающем одеяние комиссарши из «Оптимистической трагедии». Как и положено было, мы приветствовали преподавателя вставанием.

– Здравствуйте, товарищи студенты!

– Дра, – вяло ответили мы и сели.

– Встать! Здравствуйте, товарищи студенты!

– Дра, – удивлённо ответили мы и сели.

– Встать! Здравствуйте, товарищи студенты!

– Здравствуйте! – с непонятно откуда, вдруг, появившимся воодушевлением проорали мы и остались стоять.

– Молодцы! Садитесь. Меня зовут Тамара Ивановна Галкина, я буду читать вам лекции по предмету истории партии. Мои требования к вам по изучению данной дисциплины следующие...

– Дурковала, – подумает кто-то, но я не согласен. Пара минут всего прошла, а аудиторию не узнать. Хорошее рабочее настроение. Читала она превосходно, может быть моя любовь к истории с её подачи и зародилась. Когда отвечал на первом экзамене, она аж светилась от радости за меня. Неравнодушный человек, очень дисциплинированный и ответственный. Посоветовала взять темой реферата «Молодёжное революционное движение в г. Омске», а когда я пожаловался, что туговато с материалом, пригласила к себе домой, усадила за стол и дала мне несколько брошюр из своей библиотеки, чтобы я мог сделать выписки. Из них я узнал, что жил в те времена в городе парень по имени Вася Алексеев, который организовывал молодёжь. Потом он погиб. Пока я читал, Тамара Ивановна в домашнем халате копошилась на кухне. Вечером пришёл её муж и она кормила нас борщом. Обычная женщина.

А что многие студенты её побаивались, так это вопрос не к Тамаре Ивановне, а к самим напуганным. История – это не точные науки, типа математики, химии, физики, да той же ботаники. Её можно просто выучить, а если ты не в состоянии этого сделать, имея все возможности, то развернись и внимательно посмотри на себя. Она своей реакцией на ответы во время экзамена и советовала совершить этот манёвр. Принципиальная была.

Во времена перестройки, да и позже, появлялось много воспоминаний людей, которые утверждали, что не могли хорошо сдать историю партии и другие общественные науки, потому что были против.

Хорошо, ты – скрытый враг.

Но если сейчас открыто, когда тебе ничто не грозит, самовлюблённо утверждаешь об этом, почему ты не изучал идеологические основы своего противника? Против чего, конкретно, ты был против? Я, например, всю жизнь прожил атеистом, остаюсь им и сегодня, но когда появилась возможность, скрупулёзно изучил Библию и два десятка солидных книг, её трактующих, с разбросом авторов от религиозных фанатиков до непримиримых нигилистов. Теоретически я знаю текст не хуже священника. Другое дело, что он верит в то, что читает, или это ему по службе положено, а я оставил крайнее неприятие и с доброжелательным любопытством наблюдаю за верующими со стороны.

– Расскажи немного про хор, да и вообще про художественную самодеятельность, а то потом отвлечёшься и забудешь, – просит Мир.

– Ну, насколько я знаю, художественная самодеятельность находилась в ведении профсоюзов, хотя партийные органы за ней тоже присматривали. Профсоюз оплачивал работу руководителя хора и музыканта, зачастую эти должности совмещались, но в агрофаковском их всегда было двое. Концертные костюмы, если они требовались, оплачивал тоже он. Задачей профессионалов было из разношёрстной публики создать конфетку,

которую не стыдно показать. Конечно, с сольными номерами выступали настоящие таланты, с ними и забот было немного, пара-тройка репетиций и – на сцену. С хором дело обстояло сложнее, но если всё складывалось удачно, рождалась махина, по сравнению с которой меркли все «сольники».

Однажды я вживую услышал произведение в исполнении мужского хора инженерного факультета и у меня мурашки поползли по телу, когда пацаны запели. Но сведующие люди утверждали, что агрофаковцы покруче будут. Сам то себя не слышишь со стороны, когда поёшь.

Не надо слишком уж драматизировать тогдашнюю ситуацию и сразу вспоминать о тоталитарном государстве, которое «душило» людей.

Никто никого не душил, наоборот, помогал раскрывать способности. Пусть я сначала пошёл в хор из-за места в общестии, но так надо было ещё в нём, хоре, и остаться. Отбор был. Прослушивали, и многих отсеивали.

А потом я это занятие полюбил.

Не такая уж большая жертва – два часа в неделю вечером. Зато какая радость и гордость была в душе, когда после институтского прослушивания нам объявили, что мы стали победителями и будем представлять сельхоз на районном смотре.

Существовал какой-то негласный, а, может, и гласный, перечень номеров, какими должна была быть представлена художественная самодеятельность каждого факультета, и он далеко переваливал за дюжину. Помню, как сокрушалась Тамара Ивановна не найдя никого, кто мог бы художественно свистеть, а конференсье, который должен был объявлять номера, она искала до самой весны, решившись, наконец, на паренька, который важно выходил сбоку сцены, останавливался посередине задёрнутого занавеса и торжественно произносил:

– Выступает хов агрономического факультета Омского, овдена Венина сельскохозяйственного института имени Севгея Мивоновича Кивова.

Видимо, это было круто с художественной точки зрения, но я так до сих пор той крутизны и не понял.

Несмотря на то, что художественная самодеятельность была явлением массовым, товар она производила штучный. Профессиональный артист найдёт свою песню и поёт её сотню раз, а участник факультетской художественной самодеятельности чаще всего выходит к зрителям один раз. Может, два, если его номер выберут на институтский смотр, может, три, если отберет районная комиссия. Но это, чаще всего, предел, хотя однажды наш хор выступал на городском заключительном смотре, единственный из всего института. С гастролями не ездят, у всех имеется основное занятие.

Смотры – это, если выразиться философским языком, «вещь в себе». Перед сценой сидит комиссия, на сцене очередной участник, зал «Дома культуры», если вести речь о районном смотре, наполовину заполнен зрителями, а задние места предназначены для участников самодеятельности. Одни уходят готовиться к выступлению, другие, освободившись, рассаживаются. Вроде полный разгул бюрократии (на самом деле это *организованность*), но когда мы, выступив, сели, я поблагодарил судьбу за то, что она позволила мне увидеть и услышать то, что я увидел и услышал в этом зале.

Ощущение было таким, будто радио и телевизор поили нас обыкновенной водой из крана, а здесь, на сцене, били родники.

Когда Володя Лисовский, по прозвищу «Боцман», парень с нашего курса, который действительно три года прослужил в подводном флоте и был старшиной первой статьи, вышел с баяном на сцену и спел песню Пахмутовой и Добронравова про «усталую подлодку», которая «из глубины идёт домой», мы хлопали так, что он был вынужден петь второй раз.

Хорошо исполнял её и Гуляев, но до Володи явно не дотягивал. А на районный конкурс он не прошёл.

Это что же я тогда там видел?

Сразу по приезде, под руководством нашей кураторши Лилии Ивановны Шаниной, состоялось групповое собрание, на котором выбрали «актив»: старосту (Валера Белоглазов), комсорга (Саша Сиротин?), профорга, спорторганизатора (ты, Вася?), «финансиста», который раз в месяц получал в кассе деньги и раздавал тем, кто учился на государственную стипендию (Олег?), и культорга. Последняя должность досталась мне. Помните, как все вместе ходили в театр музыкальной комедии на «Весёлую вдову» Легара и в концертный зал на «Весёлых ребят»? Моё оправдание должности.

Наверное, я и без неё получил бы место в общежитии, потому что главным критерием отбора после общественных обязанностей была всё-таки успеваемость, но теперь всё было по настоящему надёжно. «Актив» заселялся вне конкурса.

Если уж упомянули о стипендии, то государственная составляла в те годы 40 рублей, а те, кто учился по направлению от предприятий, получали в месяц 47. У совхозов и колхозов была такая статья расходов. Мою стипендию, например, мать получала в совхозной кассе, но каждый месяц переводом посылала мне 70 рублей.

Мы по-прежнему жили в том же составе в своей комнате. Всё было по честному.

А как обстояли дела с теми, кто не получил общежития?

Ну как?

Кто-то смирился и нашёл комнату в городе, они ведь местные были, омские, какие-то родственные и дружеские связи всегда существуют. А кто-то решил общежития не покидать, вдруг, что-то переменится? Переходили на нелегальное положение. Спали на раскладушках или свободных кроватях, меняя места ночёвок, как Ясир Арафат и досаждали деканату просьбами о предоставлении места. Капля камень точит. Со временем всё как-то улаживалось, это хорошее свойство жизни – улаживаться. Может комендантшу каким-либо подарком ублажали, не знаю, врать не буду.

Осенью состоялось факультетское отчётно-выборное комсомольское собрание на котором меня избрали в состав бюро. При распределении обязанностей секретарём остался Гена Руль, а я стал его заместителем по организационным вопросам.

Умница Гена стал меня «натаскивать». О том, что через год я должен буду его заменить, знали все, кроме меня.

По традиции из студентов агрофака, заканчивающих второй курс, формировался строительный отряд. Дело было добровольное, не все горели желанием в него попасть, что несказанно меня удивляло, но отряд образовывался. 25 человек набиралось всегда. Костяк составляли ребята-рабфаковцы, которыми двигал «взрослый» интерес – заработать денег. Многие ведь жили практически на одну стипендию. Плюс романтика, которую тоже не надо сбрасывать со счетов и зелёная стройотрядовская форма, вызывавшая уважение. Кому-то везло, возвращались с хорошими деньгами, но чаще не очень довольными, и дело было не в боях, которые рады были бы работать от темна до темна, а в нехватке стройматериалов. Совхоз заказывал отряд, получал полагающиеся к нему фонды материалов, тратил их (тоже, конечно, в дело), а потом мучительно думал, чем и как занять студентов? Плюс погода.

Стройотрядами занимался комсомол. При Омском обкоме ВЛКСМ был создан штаб ССО (студенческих строительных отрядов), который распределял отряды и фонды (весьма незначительные) по объектам. Кстати, в тот год, о котором я пишу, там начал работать Вячеслав Двораковский, который был сначала начальником штаба, затем комиссаром, а потом командиром областного отряда. В 2012 году он стал мэром Омска.

В институтском комитете комсомола тоже был человек, отвечающий за эту работу. Студент. Я с ним контактировал напрямую, поскольку организацию отряда Гена поручил мне.

Написал объявление, составил список желающих, провёл первое собрание. Командиром отряда выбрали Валеру Белоглазова, комиссаром – меня. Придумали название, утвердили эм-

блему и нашивки. Стройотрядовской формой нас обеспечивал комитет комсомола, а заказ на нашивки я отвёз в мастерскую, которая располагалась где-то на окраине города. Пришлось ездить туда несколько раз. Сначала изготовили образцы, а потом уже всю партию. Хлопоты были, но время летело и вот уже до отправления осталась неделя. Я разглядывал форму и радовался как ребёнок. Однако официально надеть её мне было не суждено.

Вместо стройотряда я попал в больницу. Ночью неожиданно начались сильные боли в правом ухе, оно стало на глазах опухать и к утру превратилось в огромный красный лопух, который уже не стоял, а, как у собаки, свешивался вниз. В поликлинике сказали, что я немедленно должен лечь в больницу, иначе могут быть большие осложнения и дали направление. Я успел ещё найти комсорга курса Федю Келя, тоже бывшего в отряде, и передать ему папку с документацией, сказав, что до моего возвращения обязанности комиссара возлагаю на него.

В больнице я пролежал месяц. У меня случилось воспаление среднего уха. Помню боль и чувство постоянного голода. Больничной еды не хватало, но передачу принести было некому. Все разъехались, кто домой, кто в отряд. Деньги кончились. Один раз пришли Боря Косолапов с Зиной, они тогда дружили, вот собственно и всё. Я им за это до сих пор благодарен. Домой не писал, не хотел беспокоить. А ещё мучила мысль, что мои товарищи могли подумать, будто я *специально* лёг в больницу, чтобы не ехать на работу.

Через две недели из уха пошёл гной и боли стали стихать. Врач сказала, что прорвало барабанную перепонку и теперь начнётся заживление. Я обрадовался и стал просить меня выписать.

– Мне нужно в стройотряд.

– Какой отряд? – возмутилась врачиха. Вы что, не понимаете серьёзности вашей болезни? Вы можете оглохнуть и помочь вам никто уже не сможет. Надо побереечь ухо, хотя бы не-

сколько месяцев. Я вас никуда не отпущу, а то вы и вправду уедете искать своё несчастье.

Так я застрял в больнице ещё на две недели. Перепонка моя не затянулась полностью, в ней осталась дырка. Слух я потерял, но частично. Выручало левое ухо, на которое ложилась вся нагрузка. А вот к 60-ти годам «дырявое» отказало практически совсем (остаток 5%), а другое устало на 40%. Без слуховых аппаратов я могу обходиться только дома.

*Это мы с Борей Косолаповым в нашей комнате на его кровати.
Видимо, это второй курс, то есть нам по 18 лет.*

Постройневший от больничной диеты, я зашёл в общежитие, сел на койку и задумался. Что делать? Ехать в отряд было бессмысленно. Что я им скажу? Что мне нужно беречься?

Я поехал домой.

Не подозревал о существовании этой фотографии. Тоня как всегда элегантна, но чем-то недовольна. Вероятнее всего мной.

Глава 22

ЛЕНИНСКИЙ СТИПЕНДИАТ

Кто-то из Аксаковых жаловался, что *талант проклятый* не давал ему спокойно жить. Мне не давала ответственность. Кого нагружают? Того, кто везёт.

Осенью 1974 года меня избрали секретарём комсомольского бюро факультета. Спустя несколько месяцев вызвали на заседание ректората, где ректор Сапрыгин Г. П. торжественно объявил, что согласно постановлению Министерства высшего и среднего специального образования от такого-то числа я представлен к именной Ленинской стипендии.

Затем Кравченко В. Н, наш декан, пригласил меня в свой кабинет и сказал, что на совместном заседании деканата, партийного бюро и профкома факультета моя кандидатура единогласно утверждена и я буду представлять агрофак на институтской Доске почёта.

Фотографироваться позвали как-то неожиданно, я не успел переодеться, и был запечатлён по грудь в издавшем виды свитерке и толстом суконном пиджаке неопределённого цвета.

Раз в год Доска обновлялась и на место старых фотографий вешивались новые.

Я подошёл к ней и там, куда год назад указывал палец Растегаева, увидел лицо незнакомого мне парня. Оно с полуулыбкой открыто смотрело на меня такими умными глазами, что по коже поползли мурашки. Показалось, что он знает ответы на все вопросы, которые сотни лет мучают миллионы людей.

Неужели это я? Да, пиджак мой, и свитер мой. Но лицо не моё.

Я не разгадал тайны той фотографии. Возможно, свет ламп так отразился в глазах, что они преобразились, возможно, фотограф был мастером своего дела, возможно, надпись под портретом на психику действовала:

ГРИДЮШКО Виктор Михайлович. Студент 3 курса агрономического факультета. Отличник учёбы. Ленинский стипендиат. Секретарь комсомольского бюро факультета.

А может быть, я действительно в тот момент находился на пике своего интеллектуального развития, а потом начал глупеть? К сожалению, не могу предоставить вам эту фотографию, но, поверьте мне на слово, это было лучшее моё изображение за всю жизнь. Бывая во втором корпусе я старался как бы невзначай пройти мимо Доски, чтобы поймать *Ego* взгляд. И каждый раз испытывал что-то наподобие священного трепета.

Видишь, как в жизни бывает?

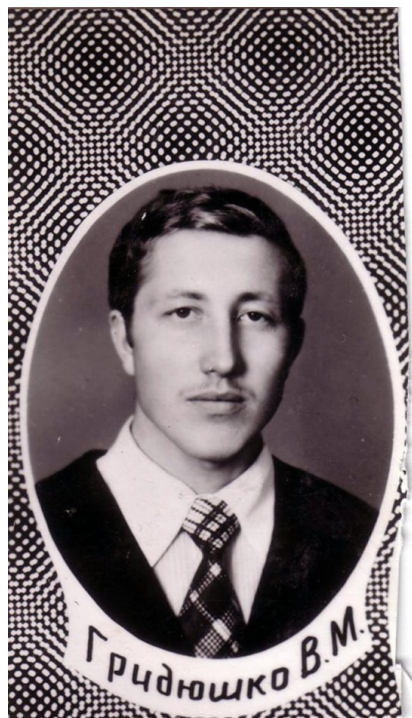
Прошёл год, старые фотографии сняли и повесили новые. Я остался на своём месте, только уже в другом обличье: рубашка, галстук, стеклянные глаза.

Это тоже был не я. Посмотрел один раз и больше не подходил. Глядеть было не на что. Тайна исчезла. Это фото у меня сохранилось, но я не хочу его показывать. Я его не люблю. Тем более, что сделано оно сразу после свадьбы, в тот период, когда разум на время оставил меня.

– Выходит, вместо тебя эти годы висели два разных человека, прикрывавшихся твоим именем? – неожиданно серьёзно то ли спрашивает, то ли утверждает Мир. Так какой же ты на самом деле?

Спроси чего полегче. Разный. Как раз в этом диапазоне. Тянуло к первому и отталкивало от второго.

А насчёт того, что Растегаев так точно угадал место моих будущих фотографий, никакой мистики нет. Во избежание ненужных обид и дразг фотографии демократично размещались по алфавиту. Сначала шёл агрономический факультет, затем агрохимический, ну и так далее.

Это фото сделано годом позднее, уже для выпускного альбома.

Да, по поводу Ленинской стипендии.

Она составляла в те годы 100 рублей. Основным требованием для её получения было наличие в зачётной книжке только отличных оценок на протяжении пяти семестров, то есть двух с половиной лет обучения. Ну и, видимо, участие в общественной работе.

Может я чего путаю, но у моего товарища по группе Вити Дридигера была одна четвёрка. На Ленинскую ему претендовать было уже нельзя, но он тоже был представлен к персональной стипендии, то ли Совета министров, то ли Верховного Совета СССР, которая составляла 75 рублей.

— Ага! — скажет сейчас закалённый борец с социализмом,

– дискриминация! Как русский, так Ленинская, как немец – так Верховного Совета, а евреев вообще нет. И будет неправ.

Во-первых, на старте у всех нас были равные возможности, просто Витьке не повезло на одном из экзаменов. Евреи же, как и якуты, на полеводческих отделениях в сибирских ВУЗах не учились.

Во-вторых, за 15 лет до меня, на факультете уже был свой Ленинский стипендиат, и звали его Рутц Рейнгольд Иванович, который теперь работал доцентом на кафедре селекции и семеноводства, а потом вообще стал доктором, профессором и членом-корреспондентом. Мне бы очень хотелось, чтобы между нами оказался ещё кто-нибудь, а то какая-то безотрадная картина вырисовывается. Я искал имена, но не нашёл. Если объявится кто, буду очень рад.

– Вот видишь, он настоящим умным был, профессором стал, а ты простым агрономом работал, да и то недолго.

– Я свою жизнь ни на чью другую не променяю. На таких «горках» катался, что до сих пор дух захватывает. – А Вы, – перехожу я на официальный тон, – пожалуйста не забывайте. Это Вы находитесь у меня в плену, а не я у Вас.

Мир пытается что-то возразить, но потом обиженно замолкает.

Редкое, конечно, это было явление – Ленинский стипендиат. Если не считать гипотетического брата Коптева с мехфака, который институт закончил, и какого-то мужика с зоофака, восточной наружности, лет тридцати, который явно раньше кончал техникум, и появился на Доске в последний год перед моим выпуском, нас было на весь институт трое. Один – сын профессора с земфака, немец, а может и не немец, другая – жгучая брюнетка с гидрофака и я. Когда они ушли, я год оставался единственным.

Кстати, мать теперь получала в совхозной кассе 100 рублей, но по нашему уговору посылала мне по прежнему 70 рублей.

А вот интересно, если бы я получил четвёрку на каком-нибудь экзамене, меня бы лишили моей персональной? Теоретически – да, но на практике это выглядело маловероятным.

Комсомольскую работу я бы охарактеризовал одним скажочным предложением: – «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». То есть, она всеобъемлющая. Вроде неопределённая (не знаю куда, не знаю что) и в то же время конкретная (пойди! принеси!). Несмотря на свою многочисленность (в 1977 году ВЛКСМ насчитывал более 36 миллионов молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет), организация была достаточно дисциплинирована, особенно в школах и учебных заведениях. Утверждались планы работы, шли указания от вышестоящих органов, проявлялась инициатива на местах. Я не стану вдаваться в кухню, почти все прошли через комсомол и вспоминают о нём сегодня кто с благодарностью, кто с безразличием, а кто и с ненавистью. Я лишь коротко поделюсь своими субъективными впечатлениями о работе секретарём комсомольского бюро факультета. Взгляд изнутри, так сказать.

Факультетская организация насчитывала около 600 человек. 25 групп, соответственно 25 комсorghов, 5 курсов, это пять комсомольских бюро во главе с курсовыми секретарями, и, наконец, факультетское бюро из 11 человек, руководимое секретарём. Все должности строго выборные. И я вам сразу скажу, выбирали достойных. На курсах и в группах особенно, там все друг друга в лицо знали. Вас выбирали куданибудь? Ну тогда вы должны помнить, что это значит. И мандраж свой помнить. Ваши товарищи выбирают и ставят вас над собой потому, что они вас знают и верят – вы честны, справедливы, не предадите и не продадите. Это главный критерий выборов в низовых организациях тех лет. А если переродишься и загордишься, то с тебя спросят. Для того собрания и существуют.

С вышестоящими было сложнее. Помните, в группе меня выбрали культоргом, а через месяц на факультетском собрании – уже заместителем секретаря по оргвопросам, то есть вто-

рым лицом в комсомольской иерархии агрофака. Какойнибудь патологический карьерист завистливо воскликнет: – Ах, какой взлёт!

Нет, никакого взлёта не было. Было осуществлено рутинное действие под названием *«подбор и расстановка кадров»*. Я был самым успевающим студентом второго курса и меня решили проверить в другом деле – общественной работе высокого уровня. Согласовали с партбюро и Гена внёс мою фамилию в список будущих членов бюро, за который все проголосовали, доверяя Гене и партии, как потом два года доверяли и мне.

Я *«вытянул»* и все успокоились, выбор был сделан правильно. А иметь секретарём комсомольского бюро не просто отличника учёбы, а Ленинского стипендиата, было почти несбыточной мечтой каждого факультета. Агрофаку удалось, и я чувствовал, что они гордились мной, как гордится ювелир, огранивший алмаз в сверкающий бриллиант.

Они гордились, а мне теперь нужно было работать. Это была сумасшедшая работа. Жизнь моя набрала такие обороты, что всё, чем приходилось заниматься раньше, казалось по сравнению с моими сегодняшними заботами детским лепетом. Времяисчисление шло на минуты. У меня даже походка изменилась. Чтобы везде успеть, я был вынужден передвигаться быстрым шагом, да что там шагом, порой и бегать приходилось.

Все агрофаковцы, да и некоторые с других факультетов, знали меня в лицо и дружелюбно приветствовали. Путь от учебного корпуса до общежития иногда превращался в пытку. Представьте себе, по узкой дорожке валит толпа студентов, два встречных потока и я беспрерывно киваю головой, говорю «Здравствуй» или «Привет». И попробуй комунибудь не ответить, тут же родится подозрение, что парень зазнался. А я просто между 80-тым и 81-м «Здравствуй» решил набрать в лёгкие воздуха.

Кому-то приведённый пример покажется смешным, но так было на самом деле.

Для тех, кто видел только часть тогдашней жизни и не хотел высовываться из своей раковины, или имел особое негативное мнение обо всём происходившем, комсомол, естественно, был раздражителем. Он отнимал время, заставлял куда-то идти, что-то делать, присутствовать на различных мероприятиях. К счастью, таких было не так уж и много, большинство студентов смотрело на жизнь вполне оптимистично.

– Что ты в данном случае подразумеваешь под понятием «комсомол»? – неожиданно спрашивает Мир. – Что 30 миллионов оптимистов подошли к 6-ти миллионам пессимистов и стали их пинать ногами, чтобы те шевелились быстрее?

– Нет, конечно. «Комсомолом» я назвал систему идеологического воспитания молодёжи с целью привития ей моральных ценностей социалистического общества. Раньше была «Нагорная проповедь», теперь существовал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Станет ли человек хуже, если ему ещё со школы внушат, что надо с любовью относиться к своей Родине, добросовестно трудиться на её и общества благо, быть приверженцем коллективизма и товарищеской взаимопомощи, почитать честность и правдивость, нравственную чистоту, простоту и скромность в общественной и личной жизни, быть непримиримым к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству?

Не станет.

Реальным живым олицетворением системы были комсомольские бюро во главе с секретарями, в число которых попал и я. Никакого материального поощрения для нас не предусматривалось, это была чистой воды общественная работа. Оплату, достаточно небольшую, на уровне специалистов среднего звена, получал только секретарь комитета комсомола института, мой непосредственный начальник, перед которым я отчитывался. Нет, отчитывался я, конечно, перед всеми комсомольцами факультета на отчётно-выборном собрании и это было для меня и бюро главным событием года. А в промежутках между собра-

ниями мои отношения с нижестоящими и вышестоящими органами строились на принципах административно-командной системы. Я ещё раз повторяюсь – комсомол был серьёзной организацией, не такой, конечно, как партия, но достаточно серьёзной и, исходя из идейных соображений, мог потрепать нервы любому, уличённому в отступничестве. Была дисциплина, помноженная на ответственность, и был план работы. Выполнить его в полном объёме не представлялось возможным, но стремление к этому приветствовалось.

Кому-то в те времена казалось, что всё происходит само по себе. Но это комсомол организовывал практически всё, начиная, хотя-бы с дежурства в раздевалке, когда в 44-й аудитории проходило какое-нибудь мероприятие и заканчивая подпиской на газеты и журналы. Помню, как осенью, курсовые секретари принесли мне корешки квитанций и деньги в количестве 2500 рублей, которые я на глазах у своих товарищей по комнате положил сверху на шкаф, чтобы ввести в заблуждение гипотетического вора, а утром отнёс на почту. Агрофак с доведённым планом справился.

А что было ещё? Да всё, что угодно. За всем, что мало-мальски шевелилось, стоял комсомол. И поддерживал и подтачивал. Организация всех культурных мероприятий (художественная самодеятельность – явка хористов, КВН, вечера отдыха, новогодние праздники), дежурства на факультетских и институтских мероприятиях, спортивные соревнования, ДНД, стройотряды, демонстрации, субботники, работы по благоустройству территории, собрания, Ленинские зачёты, сбор взносов, заседания бюро, разбор персональных дел. Что, думаешь в игрушки играли? И наказывали за проступки, и из комсомола исключали. А исключение из «рядов» автоматически означало прекращение обучения.

Девушку одну помню, подошла ко мне и попросила «освободить» её от комсомола. Я ей сказал, что она тогда не сможет дальше учиться.

– Ведаю, – ответила она по-старушечьи и поджала губы. Такая перемена в её поведении просто потрясла меня. Ведь всего несколько недель назад я видел, как она шла по коридору в компании подружек и заразительно смеялась. От души. А теперь эту душу кто-то переделывал на свой лад. В том посёлке, где она жила, провели рейд в рамках борьбы с религией и её «за-стукали» на молении. Видимо предложили выбор и она его сделала.

Тогда баптисты очень активны были в Сибири. Наверное и ей голову заморочили. Мне её было жалко, но молиться надо одному Богу. С православными как-то не было проблем, будто такой веры и не существовало вовсе.

За аморальные поступки исключали, за уголовные преступления. Обычно нас ставили уже перед фактом, нужно было только официально оформить. Парень был один, на втором курсе. Ходил гордый, как патриций среди плебеев, в джинсовом костюме, смотрел на всех свысока. На адрес деканата пришло письмо из милиции. Оказалось, что связался с ворами. Сам, может, в карман и не лез, но какие-то услуги оказывал. Накрыли. Завели дело. Мы должны были исключить его из комсомола, хотя, могли и ходатайствовать о нём перед милицией. Но бюро не стало этого делать. Он плакал и каялся. Искренне, или ему так подсказали, не знаю. Хотел стать на колени, но я его одёрнул. Говорил, что знает воров, которые орудуют на транспорте в Нефтяниках.

– Я не хотел, они меня заставляли. Я вам всех покажу, я знаю их в лицо, кто на каком маршруте работает. И имена знаю.

Слушай, показывай их милиции, если хочешь заслужить снисхождение. Но если ты так легко сдаёшь своих знакомых, когда тебя об этом даже не просят, и которые тебя за это могут резать, то нас, при случае, ты продашь вообще ни за понюшку табаку.

За исключение проголосовали единогласно.

Да те же самые танцы в общежитии. Чего греха таить, гуляли студенты по субботам, и парни и девчата. Не все, но большинство. В основном в меру. Что тут удивительного? Удивляться следовало, если бы они не гуляли. И я гулял, в святые не записывался.

Святым был сам день – суббота. Если под вечер стать для интереса на вахте, то можно было видеть, как возвращаются из Озерков «гонцы» с тяжёлыми портфелями и сумками. Несли осторожно, чтобы бутылки не звякали. На вахте мог оказаться контроль. Комендант, члены студсовета, проверяющий из деканата. Надо было с независимым лицом пройти мимо. Главное – быть в эту минуту трезвым. А может я из библиотеки иду? Сами вахтёры на это дело смотрели сквозь пальцы, они с пустых бутылок навар имели. Бывало ловили, были неприятности, из общежития могли выселить. Но если ты не в одиночку действовал, а за общество пострадал, то это общество тебя и спасало, брало на поруки.

Часам к семи общежитие как-то неестественно затихало, двери комнат закрывались изнутри, потому что могла неожиданно нагрянуть проверка из деканата, но ближе к девяти возбуждённая толпа, приближающаяся к полусотне человек, вываливала в коридор и требовала одного: «Танцы»!

Музыка имелась, но проблема заключалась в том, что танцы в общежитии были запрещены. Запрет объяснялся гуманными соображениями – не мешать заниматься прилежным студентам. Так во время сессий никто о танцах и не заикался, но сейчас же не экзаменационная пора.

Кто-то из студенческого начальства должен был взять ответственность на себя. Председатель студсовета говорила «Нет» и уходила в свою комнату страдать от несчастной любви, председатель профкома был не против, но его слово не было решающим, потому что главным официальным лицом был всё-таки секретарь комсомольского бюро. Поэтому он и инициативная группа приходили ко мне и мы вместе решали, как всё лучше

обустроить. Я брал на себя студсоветчицу, профсоюз поднимал народную дружину, которая обязана была охранять двери общежития и дежурить в коридоре.

Танцы в общежитии – это ведь не только воткнуть штепсель проигрывателя в розетку и вырубить свет. Танцы – это ещё и драки, редко какие обходились без них. Свои друг друга не трогали, но, минуя двери, разными хитроумными способами в общежитие проникали чужие. Не без помощи наших красавиц, естественно. А некоторые уже с вечера сидели в их комнатах, дожидаясь заветного часа. Если и был во мне хмель, то он от беспокойства улетучивался. Слава Богу, до вызова милиции дело ни разу не дошло, хотя кровь проливалась. Быстро разнимали и выпроваживали чужака, со своими тоже не церемонились. Вот вам и такой аспект комсомольской работы. Запретить – просто, а вот не побояться взять ответственность, организовать людям удовольствие, это уже пошире характер надо было иметь.

– А может вы на поводу у разгулявшихся молодчиков и их легкомысленных подруг шли, а здоровая масса действительно желала в тишине учёбой заниматься?

– Если ты за рабочую неделю не назанимался, тебе уже никакая суббота не поможет. Тем более, что впереди целое воскресенье. А «молодчики» и их подруги нравились мне больше тех бук, которые в понедельник говорили преподавателям, что не смогли сделать задание потому, что в субботу из за танцев было шумно.

Во вторник декан наш, Владимир Никанорович, вызывал меня и отчитывал:

– Опять танцульки устраивали, людям заниматься не давали? Жалобы на вас поступили. Смотрите, дотанцуетесь когда-нибудь. Если что-то серьёзное случится, твоя голова первой слетит, ты там самый главный, да, да, не смотри на меня так удивлённо, именно главный по должности, и мне тоже несдобровать. В общежитии танцы на время учебного процесса запрещены и точка.

Он отчитывал, а в глубине души понимал, что явление это неискоренимое, это сама жизнь наружу выплёскивается и её не удержать в рамках запретов. Он умный мужик был, наш декан, прежде чем прийти в науку, агрономом работал, директором совхоза. Я с уважением к нему относился, и даже после того, когда на третьем курсе за час до наступления Нового года, он вызвал меня к телефону на вахту и самым бесцеремонным образом в пьяном административном кураже смачно обматерил (ох уж эти сибирские деревни!) общежитие, всех студентов в нём проживающих и, с особым удовольствием, меня лично, поскольку я проявляю мягкотелость и не иду на принципиальный запрет гуляний.

– Пьёте? – зловещим голосом спросил Кравченко. В трубке слышались возбуждённые голоса, звяканье посуды и звон бокалов.

– А потом до утра будете танцевать? – уже почти с ненавистью произнёс он. – Доложи обстановку.

– Да всё нормально, Владимир Никанорович, дежурные выставлены, чужих не пускаем, никаких происшествий пока не случилось, думаю, что и не случится. Ситуацию контролируем. С наступающим Вас...

– Вы что (мать-перемать), думаете, я дурак и ничего не знаю? Да я вас (мать-перемать), насквозь вижу. А ты знаешь (мать-перемать), что я в праздники спать ночью не могу, всё лежу и звонка телефонного ожидаю с известием, что вы там друг-друга поубивали или покалечили?

Ладно, обошлось как-то. Мне больше нравилось в общежитии на праздники. Тихо. Все разъезжались, а мы, чужадаление бедолаги оставались и вечером в коридоре посиделки устраивали. Понемногу выпивали, не без этого. Играли, пели, танцевали, стихи читали, в общем, кто на что горазд. Свои, чужие, без разницы. Да какие же мы чужие, свои все, советские студенты. И в деканат никто никого не закладывал.

Глава 23

А ЧТО ДАЁТ КОМСОМОЛ?

По складу своего характера я не мог быть прирождённым лидером, каким был, к примеру, мой предшественник Гена Руль. Для лидерства требуется несколько иной темперамент. Но, по мнению вышестоящего начальства, я с секретарскими обязанностями справлялся вполне успешно, и комсомольскую организацию агрофака зачастую ставили в пример другим, потому что одним из столпов деятельности комсомола была соревновательность. Существовала система оценок работы по различным показателям и победители награждались переходящими знамёнами и вымпелами. Поскольку своего кабинета у нас не было, мы хранили их в деканате, а на отчётно-выборных собраниях выставляли на сцене за столами президиума.

Я не был лидером, но, чтобы достойно делать свою работу, мне пришлось в спешном порядке самостоятельно осваивать науку организации и управления. Поначалу в моём активе было всего несколько положительных моментов, позволяющих отвечать на вызовы и не опускать в отчаяньи руки. Правда, они были как раз основными.

Во-первых, **ответственность**. В моём случае она принимала, порой, какие-то болезненные формы. Я не мог чего-то не сделать, если мне это поручалось. А чего это стоило, знаю я один. Приходилось одновременно быть и чёртом, и дьяволом, и Богом, и волшебником. А на горло брать в те времена было уже бесполезно, могли запросто послать куда подальше. Прибегали ко мне, жаловались:

— Я им сказал, а они не хотят выполнять.

– Не хотят, а надо чтобы выполнили.

Во-вторых, **авторитет должности**. Этот момент никак нельзя сбрасывать со счетов. Как говорил своим асоциальным подопечным мой поэтический друг, участковый Женя Аширбеков, – «Меня ты можешь не уважать, но мундир мой ты уважать обязан». Однако крах ожидал того секретаря, который пытался своё поведение строить только на этом.

В-третьих, **собственный авторитет**. Особенно в глазах тех, кто меня близко не знал, и видел только издали, в ореоле таинственной славы. Ленинские стипендиаты по коридорам института стаями не бегали.

В-четвёртых, я не был обычным прагматичным человеком, я был немного *«не от мира сего...»*.

Дело случилось где-то в начале второго курса, институтский комитет комсомола объявил, что утром в воскресенье, в 9 часов утра, подойдут два «Икаруса» и желающие могут поехать на «воскресник» в откормсовхоз «Лузинский», который тогда считался главной сельской стройкой области и Обком комсомола над ней шефствовал. Кому было охоты в воскресенье ехать за 50 километров на стройку и целый день махать там лопатой за обед в столовой?

Мне.

И другим тоже. Я не был одинок.

Наша группа решила, что мы не поедём. Это решили они, но не я. Ситуация осложнялась тем, что я накануне простыл и у меня была высокая температура. Я кашлял и глаза мои слезились. Но я хотел быть рядом с теми людьми, что поедут работать за просто так и простуда меня остановить не могла. Тогда меня решили остановить мои одноклассники. Они взяли мои ботинки и спрятали в другой комнате. Двое ребят повалили меня на кровать и держали за руки и ноги, дожидаясь девяти часов. От бессилия я заплакал и попытался укусь за руку одного из державших. Они ослабили хватку и я сумел вырваться.

– В тапочках уйду! – заорал я, срывая с вешалки куртку.

– Ну и иди куда хочешь, идиот! – проорал в ответ укушенный.

Я вылетел в коридор, пронёсся по лестницам, и выскочил на улицу. Во мне теплилась надежда, что на стройке я смогу получить какие-нибудь резиновые сапоги.

– Стой, придурок! – услышал я оклик сверху. – Забирай свои ботинки, а то сдохнешь на холоде, отвечай потом за тебя.

Бежал бегом, но успел заскочить в последний автобус, отъезжающий с площади.

В Лузино я с таким остервенением орудовал ломом, что вызвал интерес находившейся там корреспондентки областного телевидения, которая подошла и сфотографировала меня, записав в блокнот данные. Она многих там «щёлкала». Вечером сюжет о воскреснике показали в вечерних новостях, я не видел, но мне рассказали. Было представлено несколько фотографий, но дольше всех на экране держали мою, называя фамилию, институт, факультет, курс. Я до сих пор испытываю чувство неловкости за ту ситуацию. Не за тем я убежал в тапочках, чтобы меня фотографировали и потом, игнорируя других, по телевизору показывали. Я ехал, чтобы провести день с близкими мне по духу людьми. И уже этим был счастлив.

– Ты веришь мне, Мир?

– Верю.

Двух событий не засёк я точно в своей жизни: когда, вдруг, стал прилично вальсировать и когда превратился в трибуна. Вальс становится наслаждением в тот момент, когда ты начисто забываешь о том, как бы правильнее вставить своей партнёрше между ног (прошу прощения за двусмысленность фразы), а отрываешься вместе с ней от пола и взлетаешь, лишь иногда возвращаясь на землю, чтобы легонько оттолкнуться и снова взлететь. Кстати, габариты танцующей с тобой не имеют никакого значения. Достигнуть состояния невесомости непросто, я находился в нём вряд ли более 20 раз за всю жизнь. Слишком много условий должны совпасть. Для меня это раскованная пла-

стичная партнёрша, умеющая под тебя подстроиться (самое главное), хорошая мощная музыка с переходами (Дога, Свиридов), хотя летал и под простые (Петров, Чернавский), достаточное пространство и стадия лёгкого алкогольного опьянения (200-250 граммов водки с хорошей закуской, то есть танцы после «первого стола»).

Стать оратором меня заставила нужда. Секретарь должен уметь убеждать.

– Такая работа, – говорил герой Владимира Басова в фильме «Щит и меч», правда, по другому поводу, но это не меняет смысла слов.

Люди зачастую говорят не то, что думают, не то, что чувствуют, а то, что могут. Такая осторожная философия, которая всегда себя оправдывает, но дела не двигает. Можно час говорить и не сказать ничего. Можно и промолчать, можно что-то промямлить, можно заливаться соловьём, но настоящий ораторский успех сопутствует только тому, кто говорит то, что думает и то, что чувствует, плюс ещё несколько моментов чисто технического плана. Важен только вопрос: **а что именно думает по обсуждаемой теме выступающий и что он чувствует?**

Да, у нас были недостатки. И грош цена тому оратору, кто проходил мимо них. Но можно говорить со злобой, можно отстранённо, дистанцируясь. Я говорил с болью, и всегда предлагал какие-то конкретные решения по исправлению ситуации. Если хочешь, чтобы тебя слышали, никогда не обманывай людей и, главное, сам верь тому, о чём говоришь. А ещё нужно, чтобы помыслы твои были чистыми. (Б. Окуджава). Демагогов и клоунов без нас хватает.

Текст для доклада на факультетском отчётно-выборном собрании я писал, того требовал протокол. Документация проверялась, не на содержание, а на форму.

В остальных случаях довольствовался тезисами, набросанными на листке бумаги. Выступление должно иметь внутреннюю стройность и логику.

Это отчётно-выборное комсомольское собрание факультета.

Размер аудитории не имел для меня какого-то большого значения. Неведомым образом я научился, выступая перед всеми, обращаться к каждому по отдельности. Этот момент я считаю высшим показателем ораторского искусства. Парадоксально, но его легче достичь перед полутысячей слушателей, чем перед пятью.

Я мог делать с залом, что хотел. Если мне надо было, чтобы люди смеялись, они смеялись, если требовался драматизм, лица их суровели. Я и сегодня всё это могу, такие навыки, появившись раз, уже никуда не пропадают, но нет слушателей. А чтобы закончить эту тему, вспомню один эпизод из тех лет. Проходила институтская отчётно-выборная комсомольская конференция. Выступающие сменяли друг-друга на трибуне и, вдруг, в зал проникла скука. Что-то пошло не так. Я сидел в президиуме, как всегда, в сторонке, во втором ряду. *(Это от ро-*

ста, я не хочу заслонять других). Мне передают записку. Пишет Саша, наш секретарь. «Витя, спасай конференцию и меня!».

Когда я попросил слова и начал говорить, по залу прошло какое-то движение. Я увидел, как головы делегатов начали отрываться от лежащих на коленях книг, и взгляды, сначала любопытные, а потом внимательные-внимательные, начали приковываться к трибуне. «Спасибо, Витя!»

Комсомол, вернее секретарская работа, научили меня не отступать. Если что-то решил, то надо сделать. Я, ведь, дурак, потому и женился, что «слово» дал.

А ещё приучил себя к мысли, что я – последняя инстанция, и если не смогу что-то сделать, то этого не сможет сделать никто другой. Глупость несусветная, но я с таким представлением долго жил. С виду был мягкий, но это не мягкость, а, скорее, доброжелательность. Всегда упорно делал то, что считал нужным, и мало что могло меня остановить.

Но главное, чему я научился за те 2-3 года – умению работать с людьми, не бояться сложных вопросов, суметь убедить, сделать своими единомышленниками. Секретарская работа дарит уникальную возможность общаться с десятками прекрасных ребят и девчат (один Женья Лукьянов чего стоил), которые лучше тебя, чище, светлее, искреннее, но ты не завидуешь, а просто радуешься тому, что вы вместе и служите одной великой идее, одному великому делу.

Вот в предутреннем небе,
Над землёю горя,
На красивой телеге
Выезжает заря.

Не заснём мы товарищ,
Надо нам обсудить,
Как на эту телегу
Всех людей усадить.

Встречались, конечно, и карьеристы, и приспособленцы, но их было немного. Им давали возможность претворить свои амбиции в жизнь, но искреннего доверия они не вызывали и чувствовали это, не переступая определённых границ. Открытых врагов не могу вспомнить. Среда была не та. Ребята деревенские, без гнили. Дураки были, но они самоуничтожались. Главная забота – равнодушные. С теми работали. «Телега» катилась по студенческому городку подбирая пешеходов, уныло бредущих по обочине.

Так получилось, что я стал «лицом» института. Вернее, одним из лиц. Главными были, конечно, заслуженные профессора. Их имена произносились благоговейно. Самым знаменитым был Горшенин Константин Павлович, кавалер двух орденов Ленина и Ленинской же премии за труд «Почвы южной части Сибири». Самым героическим – Ситников Алексей Михайлович, Герой Советского Союза, будущий профессор и заведующий кафедрой земледелия. На торжественных собраниях, посвящённых дню Советской армии, рядом с ним в президиуме сидел студент экономфака Вася Каныгин, кавалер ордена Ленина за бои на Даманском 1969 года. Я сам слышал его неофициальный рассказ, что когда началась заваруха, он сидел за какое-то нарушение «на губе». Услышав стрельбу, смог выбраться, добежал до своих, взял автомат у убитого товарища и начал «мочить» китайцев. При распределении наград его, как разгильдяя, хотели отметить знаком «За отличие в охране Государственной границы» или чем-то таким подобным. Но нашлись толковые люди, которые проанализировали ситуацию боя и выяснили, что именно Вася действовал не просто героически, но толково и грамотно, обеспечив успех на своём участке и сумев спасти раненых товарищей.

Он просто по натуре был шепутной, эдакий живчик. По окончании института ему предложили место зам. директора центрального магазина Омска, того, зелёного, что на ул. Ленина. А дальше я не знаю.

Ну а от имени «негероических» студентов в те годы выступал я. Кроме своих прямых секретарских обязанностей, которых никто не отменял, я ещё в числе других встречал делегации, выступал на митингах, слётах, фотографировался с ветеранами, собственноручно писал приветственное письмо 25 съезду КПСС и лично товарищу Брежневу. На всевозможные конференции, встречи, совещания в обкомы (КПСС и ВЛКСМ), горкомы и райкомы, как представитель от студенчества приглашался, кроме того, на первой конференции вновь образованного Первомайского района (1974 год) был избран членом райкома ВЛКСМ и был обязан участвовать в работе пленумов. Дважды, на городских демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября, нёс институтское знамя, то самое, с орденом Ленина и два бравых ассистента сопровождали меня, а ректор Сапрыгин с секретарём парткома шли впереди институтской колонны, но на несколько шагов позади нас. И слышал, как над площадью торжественно разносятся слова дикторши: «Чсть пронести знамя Омского ордена Ленина сельскохозяйственного института имени Сергея Мироновича Кирова предоставлена студенту 3 курса агрономического факультета, отличнику учёбы, Ленинскому стипендиату, секретарю комсомольского бюро факультета Гридюшко Виктору».

История с награждением таким высоким орденом выглядела почти ирреальной, но я видел его на знамени своими глазами. Институт получил орден в 1971 году, то есть совсем недавно, за год до моего поступления, и стал вторым институтом сельскохозяйственного направления, удостоенным такой чести после Тимирязевской сельскохозяйственной академии, награждённой в 1940 году. А ведь их было по стране больше 70-ти.

Дикторша сэкономила время и не называла титул полностью. Он к этому времени успел разрастись. Если мою кандидатуру предлагали в президиум, или предоставляли слово, то после вышеприведённых величаний добавляли ещё: «... участник фестиваля дружбы молодёжи и студентов в Венгрии, удостоенный чести быть сфотографированным у знамени Победы в Москве».

Всё соответствовало действительности, если не считать того, что в Москву я не ездил и у знамени Победы не фотографировался. Обком комсомола утвердил кандидатуры на фотографирование, в число которых попал и я. Но поскольку страна большая, а знамя одно, была установлена очередь для регионов. Время шло, поездка всё откладывалась, и тут, неожиданно сообщили, что я должен ехать в Венгрию на фестиваль молодёжи и студентов в составе делегации от Омской области.

– А что, кроме тебя некого было посылать?

– Не знаю. Я сам никуда не напрашивался, меня вызывали и сообщали решение.

– Куда вызывали?

– В комитет комсомола института или в партком. Чаще в партком. Я стал фигурой институтского масштаба и секретарь парткома работал со мной напрямую, без посредников.

– Садись, Витя, будем думать, как лучше дело сделать.

Попросил, чтобы перестали повторять, будто я фотографировался у знамени Победы.

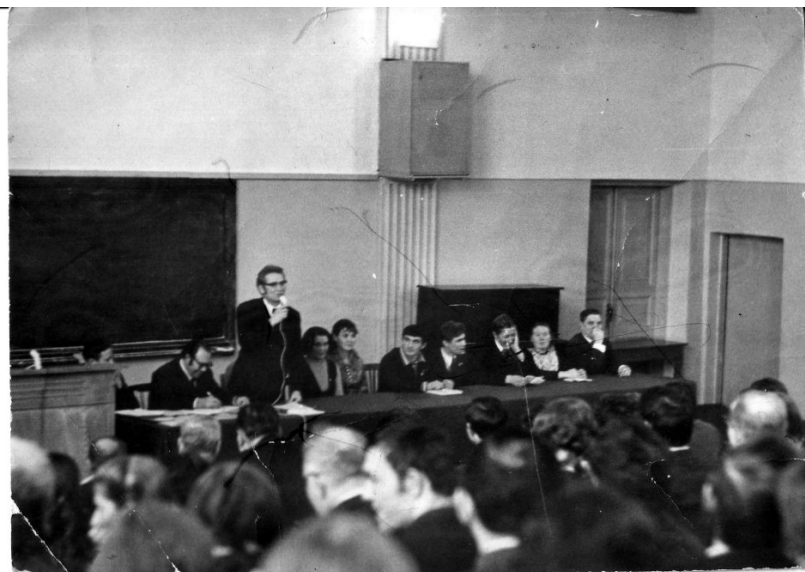
– Это неправда и мне стыдно, когда так говорят.

Секретарь с интересом посмотрел на меня, немного подумал, потом ответил:

– Мы тебя посылали? Посылали. Ты был достоин? Достойн. Ты виноват, что не поехал? Не виноват. Иди, и считай, что ты там был. Мы ведь не говорим, «сфотографированный у знамени Победы», мы говорим – «удостоенный чести быть сфотографированным».

Железная логика.

Мне довелось работать с двумя секретарями комитета комсомола. Первым был Русаков Владимир Николаевич, аспирант с гидрофака. Он потом стал профессором и проректором. Спокойный, умный парень. Второй – Саша, я не могу вспомнить его фамилию, выпускник эконофака, напористый. Хотел расти по комсомольской линии. Секретарём партбюро факультета был Горбунов Юрий Михайлович с кафедры земледелия.

С микрофоном – Юрий Михайлович, подпёр щеку ладонью я, рядом со мной Владимир Николаевич. За ним председатель профкома, парень из Дагестана. Девчата с нашего курса. Слева от Ю. М. наш новый декан Михаил Евдокимович Черепанов. Справа от меня мой заместитель по бюро – Зайцева Света. Крайний справа Барсуков Н. И., профессор, проректор.

В институте существовала ещё одна форма образования – факультет общественных профессий (ФОП). В нём в те годы на 13 отделениях преимущественно в вечернее время занималось более 1700 человек, то есть каждый третий студент очного обучения. Или, если смотреть правде в глаза, столько числилось, а из деканата факультета постоянно шли жалобы на низкую посещаемость занятий. Куда шли? В партком, естественно, в комитет комсомола. Оттуда бумерангом к нам, на факультетские бюро. Дело ведь не административное, добровольное. В бюро специальный человек был, который курировал этот вопрос, отвечал за него. Реагировали, беседовали по-доброму,

если надо было – стращали. Агитировали. Сама то идея ФОПа была прекрасной. Получить навыки ещё одной профессии. Не в Москву будем распределяться, на село, а там – благодарная «чёрная дыра», которая всякому умению рада. Чему учили? Да всему.

Было отделение балльных танцев, музыки, технического творчества, кинорежиссёрского искусства, школа молодого лектора. А наша Люда Яремчук (Люся) как записалась в драматический кружок (театр), так и провела в нём все годы обучения, и была счастлива этим. У них там серьёзная школа была, преподаватель хороший, они пьесу М. Светлова ставили «Двадцать лет спустя», про первых комсомольцев:

Нам в детях ходить надоело!..

И я обращаюсь к стране:

«Выдай оружие смелым,

И в первую очередь – мне!»

Сам я выбрал факультет журналистики. У меня даже «корочки» были, выданные по окончании, пропали куда-то.

Занятия с нами проводила редактор Омского телевидения, хорошая, толковая женщина, фамилии, естественно не помню.

– Журналист хренов, надо ведь было записывать: что это такое, «тут помню, тут не помню», что это за мемуары? Людей обижаешь, может они ещё живы?

– Каюсь, Мир, каюсь, но я просто жил, и подумать не мог, что когда-нибудь мне понадобится обо всём этом вспоминать.

– Я книгу решил написать, рассказать обо всех нас, – позвонил я Коле Немкову.

– Так а кто же ещё, если не ты? – удивился Коля.

Они стали приходить ко мне по ночам, мои будущие герои.

Мы с тобою, товарищ,
Не заснули всю ночь,
Мы мечтали, мы гадали,
Как нам людям помочь?

Казалось бы, при такой загруженности об успешной учёбе можно было забыть, но я как-то выкручивался. Прогулы мне никто в вину не ставил, преподаватели относились с пониманием, да вот только экзамены я должен был сдавать на общих основаниях и от меня ждали чего-то такого, особенного, ленинско-стипендиатского. Случались неловкие ситуации и я о них сейчас расскажу, мне скрывать нечего.

Читали нам «Физическую и коллоидную химию», так, для общего развития, всего 60 часов. Это наука на стыке химии, физики и биологии. В ней исследуются дисперсные системы и поверхностные явления, возникающие на границе раздела фаз. Изучает адгезию, адсорбцию, смачивание, коагуляцию и т. д.

Наверное, интересный предмет, но он остался для меня таким же неведомым и страшным, как квадратный трёхчлен для девушки, из которого надо было ещё извлечь корень.

По фатальному стечению обстоятельств я смог посетить едва ли треть занятий. За три предэкзаменационных дня мне предстояло почти самостоятельно изучить науку, в которой незнакомые термины переполняли страницы учебника. Цель была близка, но мне не хватило нескольких часов и я впервые изменил своему правилу идти на экзамен рано утром, а продолжал штудировать и пошёл после обеда.

Провал был полнейший.

Даже то, что я знал, совершенно испарилось из перенапряженной головы. Сгорая от стыда я подошёл к преподавательнице и пролепетал, что не готов к сдаче и попросил назначить мне переэкзаменовку. Она недовольно буркнула, поставила против моей фамилии прочерк и назвала время. Интересная была

женщина, чуть за 50, такого русского предпенсионного возраста, хорошо одевалась, причёска по моде того времени, шиньён, что-ли. Смотрела на мир умно и иронично.

Через два дня она сама поймала меня в коридоре главного корпуса и, отводя глаза в сторону, глухо сказала:

– Дайте мне вашу зачётную книжку, я поставлю оценку.

Сказать, что она была взволнованна, значит ничего не сказать. Она была явно напугана.

– Не надо (успокаивающе назвал её по имени-отчеству), я приду и сдам экзамен.

– Как хотите, – уже с интересом посмотрела она на меня.

– Что же вы, так, Виктор. Предмет вы знаете, я с удовольствием поставлю вам пятёрку, но я вас почти не помню. Вы вообще посещали занятия?

– Изредка. Я могу идти?

– Да-да, идите. Может быть для агронома физколлоидная химия и не важна в повседневной работе, но иметь о ней представление нужно. Желаю Вам успеха.

Я тогда впервые ощутил, какая мощная сила стоит за моей спиной и подстраховывает. Настолько мощная, что лучше с ней не соприкасаться. Может запросто покорёжить.

А химию ту я забыл. Вот вышел за порог – и забыл. Как пришло, так и ушло.

Это был единственный случай, когда я не сдал экзамен с первой попытки. Никогда не вымаливал оценки, наоборот, с меня спрашивали строже, чем с остальных. Хорошо сдавал физиологию растений, микробиологию, земледелие, растениеводство. В общественных науках плавал как рыба в воде.

Всё было серьёзно и по честному. Будь иначе, я бы не мог открыто смотреть в глаза своим товарищам по группе. Не думаю, что кто-то из преподавателей или однокурсников бросит по этому поводу в меня камень. Я делаю это сам. Потому что однажды возникла ситуация, которая поставила в неловкое положение нас обоих, меня и экзаменатора.

Зоя Илларионовна и Алексей Михайлович Ситниковы

– О! Зубры подошли! – с доброжелательной улыбкой встретила меня Зоя Илларионовна Ситникова, жена Героя, когда я переступил порог кабинета для сдачи экзамена по селекции. Но «зубр» по причине недоедания на ниве знаний имел жалкий вид. Нет, я отвечал, отвечал на хорошую крепкую четвёрку, но Зоя Илларионовна ждала от меня большего, чего-то такого, о чём она была наслышана от коллег по институту и мне было стыдно, что я подвожу хорошего человека. Тот стыд остался со мной на всю жизнь.

Зная её характер невозможно было представить, что она вот так просто возьмёт и поставит мне пятёрку вместо четвёрки. Тем более начнёт ловить меня в коридоре. А что произойдёт, если в моей зачётке появится четвёрка, никто не знал, прецедентов не было.

Никогда не «гоняли» меня по предмету так, как в тот день вынуждена была делать это Зоя Илларионовна. Наконец она прекратила допрос и, несколько разочарованно, однако удовлетворённо, произнесла:

– Не блестяще, но предмет вы знаете. Пожалуй я смогу поставить Вам «отлично». Но ещё раз повторяю – не блестяще.

Зато, как бы компенсирова эти неудачи, судьба предоставила мне возможность отличиться в военном деле. И каких только курьёзов в жизни не бывает? Ну какой из меня военный, а вот пойдёшь ты.

При институте была военная кафедра, которая готовила из нас офицеров-артиллеристов запаса. Размещалась она в подвале главного корпуса, где были оборудованы кабинеты. Начиная с третьего курса один день в неделю был отдан под военную подготовку.

А у девочек наших этот день оказывался свободным и они наслаждались покоем. Не совсем справедливо, могли бы и из них каких-нибудь радисток Кэт делать, или санинструкторов, чтобы наши трупы оттащить. В качестве моральной компенсации обратимся к грубому армейскому юмору:

– Почему женщин в армию не берут?

– Потому что при команде – «Ложись!», – они ложатся на спину.

Преподавали у нас только старшие офицеры, подполковники и майоры. Заставили купить в военторге зелёные офицерские рубашки и галстуки, которые мы носили под штатскими пиджаками. Если выпадала очередь быть дневальным, то получали солдатскую форму, сапоги, фуражку и штык-нож. Стояли при входе на кафедру и козыряли проходящим офицерам, становясь по стойке «смирно». Те ребята, что служили в армии, стали командирами отделений, взводов, курса. Ну а остальные просто слушателями. Начальником кафедры был полковник Жоров, а его заместителем подполковник Огарков, однофамилец тогдашнего начальника Генерального штаба.

Занятия с нами проводил подполковник Бандура. Хорошо, что в армии есть такие офицеры, она благодаря им человеческий облик имеет. Хохол, служака, это у них ещё со времён гетмана Разумовского в крови, статный, но, главное, не самодур, терпеливый, спокойный, вежливый, не приказывал, а убеждал. Учитель. Я на его месте уже бы давно сорвался и всяких слов наговорил в наш «бараний» адрес.

Изучали мы 122 мм гаубицу образца 1939 года. Она и в 70-е ещё на вооружении стояла, удачный такой вариант артиллерийской системы, не удивлюсь, если узнаю, что и сегодня из неё стреляют. Учились подавать команды для стрельбы, расчёты делали, матчасть изучали. Мне эта «военка» как-то на душу не легла, я и не старался особо. Так, учился в пол-головы, да и отсутствовал часто. Пришла пора стрелять, правда не по настоящему, на карте, а у меня не получается. Пробелов много. Прежде, чем подать команду «Огонь!» офицер должен 9 вычислений сделать: КУ, ШУ, дальность, прицел, угол и т. д. Выдадут нам задания, мы два часа их мусолим, а всё никак прилично цели поразить не можем. Ладно бы я один, а то все поголовно.

На Бандуру смотреть жалко. Разочаровываем мы его. Однажды не выдержал он, поднял меня и перед всей группой отчитал:

– Я слышал, что вы хорошо учитесь. Почему же военным делом так откровенно пренебрегаете? Нехорошо это, некрасиво. Родину при необходимости умело надо защищать. А какой из вас защитник, если уже третий раз вы, чёрт знает куда, стреляете. Это и остальных касается.

Стыд сжигал меня: что это я, действительно, так опустился?

– Исправлюсь, товарищ подполковник!

– Быстрее исправляйтесь, а то материал упустите, потом уже не догоните.

Взял я на кафедре наставление по стрельбе и начал внимательно читать. Всё старался понять логику этих команд, поче-

му именно такая последовательность. И в какой-то момент меня как озарило. Нет там никакой сложности, всё предельно просто. Сложно, когда снаряды вокруг рвутся, людей убивают, оружие скачет, а в спокойной обстановке, да ещё по карте, чего не стрелять? Так, лёгкая зарядка для ума. Не поверишь, Мир, следующей недели как свидания ждал, рыл копытом землю навроде боевого коня.

Получил задание, без проблем, играючи, выполнил, за полчаса до окончания занятия передал листы преподавателю. Подполковник подозрительно посмотрел, но ничего не сказал.

Ещё через неделю заходит в кабинет сияющий Бандура, поднимает руку, наставляет на меня палец и, совершенно счастливым голосом, почему-то заикаясь, говорит:

– Он! Он! Он! Он выстрелил как полковник царского генерального штаба!

С той поры занятия по стрельбе стали моими любимыми. А когда однажды мы встретились с ним возле 44-й аудитории во время какого-то торжественного институтского мероприятия, он прервал разглядывание фотографий на Доске Почёта, подошёл ко мне и, открыто глядя в глаза, сказал:

– А я теперь понимаю, почему Ваша фотография здесь висит. То есть, он раньше не понимал, и это его напрягало, а теперь вот, понял, и счёл своим долгом сказать мне об этом.

Но снайперский успех не вскружил мне голову. Наоборот, в душе поселилась тревога. Если я и дальше буду стрелять так идеально, меня могут после института призвать в армию. В армию я уже не хотел, я хотел работать по специальности. Поэтому начал понемногу хитрить, специально допуская небольшие ошибки, чтобы отличная оценка была, но вроде как на последнем пределе, натянутая. Я не хотел в армию, но ещё менее хотел огорчать поверившего в меня Бандуру.

– Отлично, но не блестяще, – сказала бы Зоя Илларионовна.

Глава 24

КАК МЫ ФЕСТИВАЛИЛИ В ВЕНГРИИ

Стояло лето 1975 года.

Мы закончили третий курс и у нас с весны началась научно-производственная практика. Я приписан к кафедре растениеводства, поэтому моё место на опытном поле, расположенном в нескольких сотнях метров от главного корпуса.

У меня есть научный руководитель, заведующий кафедрой Виктор Андреевич Ананьев и своя тема: «Влияние сроков сева пшеницы «Саратовская 29» и «Мильтурум 553» на урожайность».

Сеем деланки в нескольких повторностях. На опытном поле есть небольшой гусеничный трактор с узкой колеёй и необходимый набор сельхозорудий.

Тракторист в субботу вечером выпил, в воскресенье похмелился и на работу не вышел. В понедельник В.А. стал его ругать, а тракторист психанул и сказал:

– Пошли вы все на...! У людей два выходных в неделю, а я тут с вами должен каждый день с утра до вечера ...! Да ещё за такую зарплату.

Кинул ключи от сарая, в котором стоял трактор и гордо ушёл.

А заменить его некем. Стало всё опытное поле. Никто не лущит, не культивирует, не сеет. На В. А. смотреть жалко. Проявил, понимаешь, принципиальность, а что вышло? Мягчей надо с работягами, мягчей.

– Давайте я попробую, Виктор Андреевич?

–Ты? Ты то откуда трактор можешь знать?

– Мы в девятом классе машиноведение изучали, а после я в ученической производственной бригаде полгода работал. В том числе и на тракторе.

– Да хороший же ты мой! Давай, заводи! *(Ученические производственные бригады были созданы сначала в Ставропольском крае, а потом в Кокчетавской области, в Омской их не было. Поэтому я и оказался «белой вороной».)*

Трактор мне незнакомый, но все дизели похожи друг на друга. Открыл кран карбюратора. Подсосал. Намотал шнур на диск пускача, дёрнул. С третьей попытки он завёлся. Передвинул рычаг декомпрессора, заработал мотор. Виктор Андреевич засиял.

Не подумайте только, что я тут из себя мастерового корчу, отношения с техникой у меня обоюдно настороженные, но, как говорится, на безрыбье... Я езжу, а В.А. орудия регулирует. Сам я тогда ещё не умел. Выходим как-то из положения. Стал я штатным трактористом на опытном поле, мне даже зарплату начисляли. С месяц, наверное, это длилось.

А тракторист ждал-ждал, когда к нему придут в ножки кланяться, не дождался, и сам с повинной головой явился. Его простили, а как иначе? В СССР безработицы не было, везде рабочие руки требовались.

Прекрасное было время практики. Делали всю полагающуюся по плану работу, но ещё, как китайцы, уничтожали вредителей – голубей и жарили их в глине на костре, пили вино, играли в футбол, ездили на «калым», ходили в городские бани, нередко ужинали в ресторанах. Тогда на «пятёрку» запросто можно было пару часов посидеть, выпить, закусить, потанцевать и получить по морде. Ходить было лучше компанией.

Парни с пятого курса уехали в Ишим на военные сборы, четвёртый курс поголовно разъехался по колхозам и совхозам на 6-ти месячную производственную практику. Мы самые старшие в общежитии. Рассказываем абитуриентам страшные истории, а когда они падают духом, успокаиваем, особенно девушек.

Я не был заядлым «калымщиком», но за компанию никогда не отказывался. Ездили обычно своей комнатой: Олег Рогалевич, Вася Трусов, Боря Косолапов, я. Юра Игнатенко с нами не жил, но тянулся.

Эта лавочка стояла напротив входа в «восьмёрку». Слева-направо я, Олег Рогалевич, Вася Трусов, Юра Игнатенко. Девчата не наши.

Работали всю ночь до утра. Разгружали вагоны с ДСП на мебельной фабрике, цемент, мел на железнодорожной станции, тюки с махоркой и табаком на табачной фабрике. Обычно выходило 10 рублей на человека, деньги сразу на руки. Но однажды нам крупно повезло. Наудачу зашли в субботу в контору по найму в центре города и нас тут же послали на станцию разгружать вагон с вином. Платили за срочность и мы за 4 часа заработали по 20 рублей каждый. Богатая была наша страна, мало таких на свете. И не в 20-ти рублях дело.

Вино было сухое, из Венгрии, в коробках по 6 бутылок. Детская игра по сравнению с цементом, но приходилось бегать. Машины подходили одна за другой и мы, вспотев, открывали бутылки и прикладывались к горлышку.

– Как же вы их открывали, если все импортные сухие вина запечатывались пробкой?

– А вот так и открывали. Подходили к экспедитору, сопровождавшему вагон, и он нам штопором, собственноручно пробки вытаскивал. Я, когда позднее Галича услышал, сразу вспомнил, что это значит: «Мы пили вино как воду...».

Но, самое главное, мы умудрились украсть, да, наверное и не так, а на глазах у экспедитора вынести из вагона и спрятать под забором 32 бутылки вина. Наверное, мы брали меньше, чем остальные, потому что тот никакого раздражения не выказал. Себе он оставил в вагоне ящиков 5 или 6, и никакого скандала не было, документация сошлась.

В городе это вино на прилавках так и не появилось, я из любопытства в магазинах приглядывался, как в воду кануло. А мы сняли майки, затарили в них бутылки и поехали в общежитие. Составили в шкаф и оно долго там у нас стояло, может и несколько месяцев. Красивые такие бутылки, на этикетке гусар в форме стоит на коленях перед дамой. Все в общежитии знали, что у нас красивое вино есть, приходили ребята, девчата, просили для каких-то торжественных случаев. Мы отдавали просто так, или на обмен. Сами не пили, привычки к сухому не было, что зря добро переводить.

А когда я из Венгрии рюмки привёз, то тут уже вообще европейский сервис начался. Стали просить и то и другое. Так и кончили, сначала вино, а потом и рюмки. А не жалко ничуть, люди удовольствие, а может и пользу от этих экзотических вещей получили.

С рюмками прямо таинственная история связана.

.....мать!!!

– Всё, Мир, всё, перехожу к теме.

Меня вызвали в комитет комсомола и сказали, чтобы готовился ехать в Венгрию на 1-й фестиваль дружбы молодёжи СССР и ВНР. От области формировали делегацию из 25 человек, в том числе два студента, вокально-инструментальный ансамбль «Альтаир», ну и ещё ребята и девчата из города и села. Ехали по путёвкам Обкома комсомола, но мне платить ничего не надо было, я, как и «альтаировцы», направлялся туда официально.

А в чём же ехать? Одевались студенты в ту пору совсем непритязательно: брюки да рубашка застиранная, обувь пропоровшая, носили пока совсем не порвётся или не развалится. Для заграницы такой прикид не годился.

Рванул я домой, к матери. Собрали чемодан. Она в ту пору уже в совхозном Доме быта швейей работала, сшила по-быстрому пару брюк по тогдашней моде, в магазине промтоварном бельё купили, носки, туфли, пару рубашек. Это неправда, что тогда, в 70-е, нечего было купить. В куспекских магазинах всё продавалось. Пусть некрасивое на вид, но сам материал был качественный: хлопок, ситец, шерсть, сатин, шёлк. Тело дышало свободно, а люди, вот не захочешь, а вздохнёшь, всё за нейлоном, капроном, да за кремпленом гонялись. Хорошо, что лето. Странно, рубашки были, майки были, пижамы были, а вот футболок не могу вспомнить.

Попросил я денег. Рублей 200, наверное, родители мне дали с собой.

– С умом потратить, раз уж такое дело вышло. Господи!

В комитете комсомола сказали, что всем делегатам, вроде бы, будет выдана одинаковая парадная форма, как это было на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве или сейчас практикуется на олимпийских играх. С гербом на костюме. Правда, костюм, и всё, что там к нему полагается, надо будет покупать за свои деньги.

Оформили заграничные паспорта, с нами долго проводили инструктаж в Обкоме комсомола, но вот уже раннее утро,

Омский аэропорт и регистрация билетов на Москву. Руководит нашей делегацией Саша Ревин, второй секретарь Омского Горкома ВЛКСМ, «демократ чистой воды», как сказал бы, увидев его, Герхард Шрёдер.

Мы все уже «шапочно» знакомы, приветствуем друг друга. Омичей провожают близкие, впрочем, ко мне это не относится. К нашей группе подходит крепкий мужик лет сорока, открыто улыбается, здоровается с Сашей. Он как-то сразу приковывает к себе внимание. Его провожает молодая женщина, наверное, красивая, но до того несчастная на вид, что становится немного неловко.

— Разрешите представить вам ещё одного члена нашей делегации. Виктор Чекмарёв, корреспондент Омской молодежной газеты, будет освещать наше пребывание на фестивале.

Виктор здоровается за руку с каждым, мы называем свои имена. Доходит очередь до меня. Я представляюсь, он неожиданно задерживает мою руку в своей и внимательно смотрит в глаза.

Ну ни хрена себе лапища, он ей подковы случайно не гнёт?

«Альтаиловцы» сдают в багаж свою музыкальную аппаратуру, оставляя при себе инструменты. Старшей у них какая-то женщина, они её уважают и слушаются. Наверное администратор. Ребята как ребята, только один покрепче других.

Приземляемся в Быково. Ждём, пока музыканты получат свои вещи. Их целая гора, этих чёрных ящиков.

— Стоп! — говорит Саша. — С этой минуты мы единая команда и во всём помогаем друг другу. Разбираем аппаратуру и аккуратно несём. Каждый отвечает головой за сохранность доверенной ему части.

Музыканты с тоской смотрят, как мы тянем ящики, но молчат. Нести всё самим — себе дороже.

Подходит автобус, наверное, ЛАЗ, и мы размещаемся. Чемоданы, ящики, сами. Задние сиденья забиваем багажом, в

проходе аппаратура. Музыканты держат в руках зачехлённые инструменты.

Здравствуй, Москва!

Молоденькая экскурсоводша рассказывает провинциалам последние московские сплетни. Оказывается, самый знаменитый певец в Москве – красавец и любимец женщин Иосиф Кобзон, но мы его не увидим, он сейчас на гастролях.

На одном из вокзалов формируется специальный железнодорожный состав, который повезёт советскую делегацию до Львова. В каких-то магазинах, где кроме нас нет других покупателей, продают одежду и обувь. Я покупаю себе бежевый костюм, желтоватую, с красными полосками, вязаную футболку, светло-коричневые туфли. Беж – цвет советской делегации, он великолепно подходит к лету, а когда мы пришиваем на пиджаки выданные нам гербы СССР, то просто не можем друг на друга налюбоваться. После материнного жабо это было второе в моей жизни «тряпичное» переживание.

Сам фестиваль должен был проходить с 8 по 15 августа, поэтому ещё два дня мы жили во Львове, в общежитиях Львовской сельхозакадемии. Запасались сувенирами, водкой (2 бутылки на человека). Денег нам поменяли по 30 рублей, прозорливо решив, что венгры без подарков не оставят. Свободного времени очень мало, всё какие-то мероприятия, экскурсии в музеи и театр, а вечером перед отъездом грандиозный гала-концерт силами делегаций. Генеральная репетиция и смотр талантов. Шесть часов шло представление на открытой летней площадке. Сидячих мест было мало, поэтому большинство зрителей стояло. Мы тоже стояли, почти до полуночи. Всё просто, без всяких световых эффектов, только слова, музыка и движение. Но сколько во всём этом очарования. Каждая область, каждая республика везла свою изюминку. И мы страшно гордились, что наш «Альтаир» не то что не потерялся в этом громадном концерте, но имел большой успех. Кроме песни про Виктора Хару они спели ещё среди прочих «Я с тобою повстречался» и русскую народ-

ную про солдата, который отслужил 25 лет, вернулся домой и встретил свою неизменившуюся жену. Стал её упрекать, а она ему ответила, что не жена она его, а дочь, а жена давно уже в могиле. Репертуар у них был на любой вкус, а вокал и игра превосходны.

В те времена ВИА росли как грибы после дождя. Я, будучи первокурсником, застал агрофаковский ансамбль, который на факультетском вечере отдыха в зале над столовой среди прочих вещей исполнял «Агрономический вальс» собственного сочинения. Простенькая мелодия, а за душу брала до слёз. Ребята закончили учёбу, разъехались по сёлам, и последующие пять лет инструменты пылились в «музыкальной» комнате родного общежития в связи с отсутствием подходящих талантов. Дело случая.

Вокально-инструментальный ансамбль «Альтаир» был организован в 1973 году в политехническом институте и до того они ладно играли и пели, что через два года стали не только лучшими из самодеятельных коллективов города, но и лауреатами Всесоюзного телевизионного конкурса «Молодые голоса».

Их было несколько «Альтаиров» в стране, поэтому обязательно назывался город.

Сеть сообщает, что в 1975 году в состав ансамбля входили: Сергей Мотин – руководитель, соло-гитара, Валерий Щербина – бас-гитара, Александр Орлов – ритм-гитара, Сергей Моисеев – ударные, Евгений Тевелевич – орган, Сергей Миронов – фортепиано. Солировали Виктор Березинский, Александр Орлов и Игорь Березин.

Нет, фортепиано они с собой не взяли, но всё остальное присутствовало.

Самая удачная музыкальная судьба сложилась у Виктора Березинского. Он работал муз. руководителем Омского театра драмы, в 1992 году эмигрировал в Израиль. Композитор и певец шансона. Ансамбль распался в 1982 году. Последние годы пели в ресторанах города.

Уж не в Венгрии ли сделано это фото? В фойе нашего отеля. Что-то задник мне больно знаком. И ребята те же, и женщина, и кресло, и столик, и вазочка. Слишком много совпадений. Второй слева – Виктор Березинский.

Ещё сеть говорит, что 11 августа «Альтаир» выступил в парке Фестиваля города Кестхей, а 14-го принял участие в гала-концерте советской делегации в Зелёном театре на острове Маргит.

Однако не будем забегать вперёд, а поедем сначала в Чоп.

Это городок на границе Советской Украины и Венгрии. Наверное, мы, как тот Троцкий, ехали до него на своём спецпоезде, и это наводит меня на мысль, что советская делегация не была такой уж огромной, а насчитывала около 1200 человек из которых, по воспоминаниям режиссёра гала-концерта на о. Мар-

гит 800 человек были самостоятельными артистами. Возможно, кто-то попал в Венгрию другим путём, не с нами.

Я смотрел в окно и видел, как на маленьких, отливающих золотом холмистых полях шла косовица хлебов. Я впервые наблюдал как хлеб молотится напрямую.

Рано утром в Чопе нас пересадили на туристические «Икарусы» и на них мы без всякого таможенного досмотра пересекли границу. Колонну автобусов сопровождали венгерские гаишники на советских «Ладах» с большой белой надписью по бокам «POLICIA».

До Будапешта было шесть часов езды и на одной из остановок нам выдали сухой паёк. Еду, расфасованную в пластиковые коробочки и литровые бутылки с «Pepsi». Вот когда ещё я познакомился с этим напитком, и остался ему верен, предпочитая «Kola». Не «Тархун», конечно, первых лет выпуска, но пить можно, освежает. А вот сладкие перцы мне сразу не показались. Нет, я съел, но мой организм их запаха не принял, и ем я их только если некуда деваться. Фаршированные и сваренные – за ради Бога, но сырые – увольте. Дело не в перцах, они вкусные, дело во мне. Я не привык к таким насыщенным запахам.

Подъехали к площади в Будапеште, может даже это была главная их площадь. Люди готовились, как-никак первый фестиваль такого рода в их стране.

Тысячи лиц. Начался митинг. Вдруг небо заволокло тучами и разразился ливень. Все бросились искать защиту возле окружавших площадь зданий. Я прижался к стене, в нескольких метрах от меня остановилась маленькая женщина с зонтом. Сквозь шум дождя она стала что-то кричать, потом просто махнула рукой, чтобы я шёл к ней. Но я в ответ засмеялся и отрицательно замотал головой. Стена давала определённую защиту. Наоборот, я подставлял под струи разгорячённое лицо и бодрость наполняла меня, прогоняя усталость от многочасовой поездки. *(Что-то его совсем от одной бутылки «Пепси» развезло. Александра Пахмутова его к себе подзывала, а он, видите ли,*

подставлял разгорячённое лицо под струи и смеялся. Идиот.)
После дождя митинг продолжился.

Жили мы в отеле, в самом Будапеште, где-то недалеко от центра. За 9 дней объехали всю Венгрию. Рано утром садились в автобусы вместе с делегацией Пешта. (Буда, Обуда и Пешт – три города по разным берегам Дуная, соединённые мостами и образующие столицу страны.) Пешт – побратим Омска, может быть поэтому наша делегация была такой, сравнительно, многочисленной. Поздним вечером, уже ближе к полуночи, возвращались домой. Правда, иногда мероприятия заканчивались раньше и мы имели свободное время. Тогда ехали «в город», походить по магазинам. У нас были специальные разрешения на бесплатный проезд всеми видами транспорта, кроме такси. Сувениры и подарки (недорогие, скорее символические) не вместились в чемодан, пришлось купить сумку.

Нам выдали шёлковые флаги советских республик на тонких древках, ещё какой-то фестивальныи материал, и всё это мы возили с собой в «Икарусе». При необходимости, которая могла возникнуть в любой момент, не считая обязательных действий на крупных митингах, мы должны были махать этими флагами, скандировать «Дружба – Баратшаг» и выкрикивать ругательства в адрес капитализма, но, почему-то на испанском языке. Вообще, испанские слова были в ходу на фестивале и это имело своё объяснение. Мы, СССР и Венгрия, вроде бы, капитализм уже победили и жили в социалистическом содружестве, а латиноамериканцам это ещё предстояло исполнить. Они находились в тот момент на переднем крае борьбы и мы их всячески поддерживали и выражали солидарность с их борьбой. Самой популярной на фестивале была кубинская песня «Гуантанамера», слова которой написал почитаемый на Кубе поэт-революционер Хосе Марти в конце 19 века, вернее в основу песни легли только несколько строк из его поэмы. Не зная перевода я думал, что люди поют что-то страшно революционное, типа «Смело мы в бой пойдём, за власть Советов, и, как один, умрём, в

борьбе за это», но на самом деле, как говорит Интернет, это лирическая песня про девушку из Гуантанамо, перед которой оправдывается автор музыки, потому что, стоя в подворотне с приятелями, сделал ей «скользкий» комплимент, а та на него обиделась и послала подальше. Хотя, что может знать Интернет о сути вещей, если эта песня стала неофициальным гимном свободной Кубы.

Саша Ревин сказал мне, что за наглядной агитацией должен присматривать я, у него и без этого забот хватает. Я не стал выпендриваться и воспринял это как поручение старшего товарища. После митингов мы заносили флаги в автобус, я их принимал и аккуратно укладывал на пол перед задним сиденьем. Делов то.

Обычно я сидел в кресле в середине автобуса вместе с другим Сашей, механизатором из района недалеко от Омска, с которым мы жили в одном номере, и который, не знаю почему, проникся ко мне такой любовью, что, будучи всего на 7-8 лет старше, опекал меня ну точно, как «гринёвский дядька». Любуясь проносящимся за окном пейзажем я стал краем глаза замечать, что «альтаировцы», как только автобус трогался, по двое, высоко поднимая ноги и подтягиваясь на руках (вся их амуниция лежала в проходе, они только инструменты держали при себе), пробирались в зад автобуса и оттуда уже не возвращались.

Странно, там ведь только одно спальное место – заднее сиденье. Как же они на нём умещаются вдвоём? Впрочем, мало ли что? Вдруг один из них решил скорчиться в одиночестве на обычных двух сиденьях, которые сзади автобуса были обычно свободны?

Сказать, что мы были усталы, это не сказать ничего. Чаще всего мы были измотаны. *(Сука, я уже плачу.)* В день по 3-4 мероприятия, вечером ужин на каком-нибудь предприятии, естественно, с выпивкой, обменом тостами, и многочасовой путь назад, в отель. Не каждый может спать сидя. Я, например, не могу. Если говорить о застольях, то венгры проявляли такое гостепри-

имство, что мы, как тот Шурик из «Кавказской пленницы», обречённо дули в стаканы и подставляли их под бутылки.

На другой день я всё-таки решил проверить, что происходит сзади. Один «талант», блаженно вытянув ноги, действительно лежал на задних сиденьях, а вот другой, совсем не корчился, а не менее блаженно спал на флагах, устроив из них даже что-то вроде изголовья. Номер «люкс» в пятизвёздочном отеле!

Праведным гневом закипело моё административное сердце.

— Да как ты смеешь ложиться на флаги, ведь это почти что Знамёна, — зашипел я, чтобы не привлечь внимания остальных пассажиров, расталкивая продвинутого музыканта. Тот огрызнулся, но встал и лёг, скрючившись, на двойное сиденье.

Моя борьба с инакомыслием продолжалась до 10 августа включительно.

Утром 11 августа, добрый Саша донёс меня до автобуса и положил, почти бездыханного, на «знамёна», сев рядом, чтобы охранять. «Альтаировцев» не было, они уехали выступать в другой город.

После того, как я вернулся к жизни, номер «люкс» по праву занял Виктор Чекмарёв, который и пользовался им до самого конца нашего пребывания в Венгрии.

Но ребята из ансамбля зла на меня не затаили. Наверное принципиальность вызывает уважение, даже если она облачена и в такую изощрённую форму. По приезде, на одном из мероприятий в нашем районном Доме культуры и последующем концерте, где среди прочих выступал «Альтаир», я зашёл за кулисы и направился к ним. Ты не поверишь, Мир, ребята побросали свои инструменты и бросились меня обнимать и хлопать по плечам. А я, совершенно счастливый от встречи, на зависть всему залу стоял посреди сцены и тоже обнимал их и хлопал.

Глава 25

КАК МЫ ФЕСТИВАЛИЛИ В ВЕНГРИИ (окончание)

По поводу случившихся происшествий требуются кое-какие пояснения, дабы повествование наше не потеряло своей заявленной правдивости, и, в то же время, некоей занимательности.

Я заранее предупредил главного Сашу, что 10 августа у меня день рождения, двадцатилетие, и я готов выставить свои кровные две бутылки водки и немудрёную закуску, которую можно было купить в близлежащем магазине: колбасу, хлеб, овощи. Саша собрал неофициальный совет группы (я в него не входил) и на совете было решено использовать мой день рождения как повод, чтобы собраться всем вместе и просто спокойно посидеть, пообщаться. Позвали и ребят из «побратимского» Пешта. Сделали складчину, каждый что-то принёс к столу. Водку, палинку, сухое вино, газированные напитки. Ужинать не пошли, но свои пайки из ресторана забрали.

Начали с виновника торжества. Мне подарили шикарный бумажник крокодиловой кожи (*странный подарок для студента*), который, как я уже писал, у меня потом пытались подрезать, но он чудом уцелел и в дальнейшем умер от старости. А ещё подарили жёлтый фестивальный платок на котором гости фломастером писали свои пожелания и ставили подписи. Даже стихи сочинили: «...и ты запомни, Витя, навсегда, как день рождения в Будапеште мы встречали...», ну и так далее, в рифму. Вот видите, пожелание ваше сбылось. Запомнил на всю жизнь.

Человек я цельный и в застолье руководствуюсь тремя правилами:

- не ставить недопитую рюмку обратно
- Бог трицу любит
- не оставлять зла на столе.

Чокнулся с каждым, кто кроме общего поздравления индивидуально захотел пожелать мне добра и почувствовал себя плохо. Не то, чтобы стал пьяным, до этой стадии дело так и не дошло, просто, не имея опыта заграничного застолья, перемешал всё в желудке, и водку, и шнапс (сливовая палинка) и вино и пепси. В общем, как я теперь понимаю, элементарно траванулся. Хорошо, что в номере был туалет. Полоскало меня до жёлтой слизи.

– Душераздирающее, жалкое зрелище! – сказал бы по этому поводу ослик Ио из мультфильма про Винни Пуха.

Верный Саша вместе со мной не спал всю ночь, пытаюсь облегчить мои страдания. Желудок не принимал даже воду.

Эта история имела свои последствия. Я невзлюбил крепкие напитки, которые европейцы делают из фруктов, ягод и виноградных косточек. Только дорогие (30-50 евро за бутылку), хорошо перегнанные нежные шнапсы могут доставить мне удовольствие. Пусть вас не смущает цена. Я тоже не Рокфеллер. Просто в ресторанах шнапс подают после еды порциями по 20 граммов. Каким-то странным образом эта нелюбовь перекинулась на коньяк и виски, да и ром тоже можно сюда отнести. А вот водку, самогон и сухое вино уважаю. Водку и самогон лучше пить в России, там закуска им соответствует. В Германии нет подходящей закуски к водке, не помогают и «русские» магазины. Надо бы как-то сесть да порассуждать об алкоголе и «закуси», а то так и уйдут мои многолетние практические изыскания в этой области вместе со мной в небытие. Обидно будет. Разве что в следующей книге. Посмотрим.

Виктор Чекмарёв должен был освещать нашу поездку и регулярно передавать информацию в Омск, в газету. По приезде я разыскал тот единственный номер. Там были строки и обо мне:

– Вот передо мной в кресле сидит Виктор, студент 3 курса сельхозинститута, он вертит по сторонам головой и заразительно смеётся.

Бедный мой тёзка, это было последнее, что он увидел. После первого же застолья на какой-то птицефабрике, где местная молодёжь давала нам «скромный ужин», Виктор, к общему удивлению, ушёл в запой. У меня сложилось впечатление, что он только и ждал, когда мы пересечём границу, назад уже не отправят. Он с быстротой молнии пропивал свои форинты не выходя из отеля, а потом, когда не стало этого источника, мы стали отдавать ему свои запасы спиртного.

По утрам он стонал, как посаженный в клетку и потерявший надежду вырваться зверь. Но он не был безобразен, даже будучи пьяным, умудрялся оставаться обаятельным. Я связывал это с его интеллектом, живостью характера и обширностью знаний. А запой что? Запой это болезнь. Так его квалифицируют сегодняшние больничные кассы Германии. Мне было даже интересно загадывать, какой довод он найдёт в следующий раз, чтобы разжиться «горючим».

Одна молодая женщина из нашей группы (возможно они были знакомы ещё до поездки), в один из первых дней сказала, что останется с «больным» и присмотрит за ним. По возвращении мы застали совершенно пьяного журналиста и, разводящую руками, но, почему-то, довольную женщину.

Его оставляли одного в номере, запирали, но он умудрялся выбраться через балкон, найти себе друзей из венгров и к вечеру быть готовым. Последние дни мы возили его в автобусе и он лежал на флагах, мотаясь из стороны в сторону. Виктор давал обещание не пить, его мыли, брили и брали с собой на мероприятие. Увидев на столе спиртное он успокаивающе поднимал руку, выпивал несколько рюмок и, по истечении короткого времени, становился настолько пьяным, что его нужно было срочно уводить из зала. Обычно это делал я. Как мой добрый Саша присматривал за мной, так и я заботился о Чекмарёве. Не-

смотря ни на что, он был хороший мужик, какой-то такой настоящий, со стержнем внутри. И умница, интеллектual. Он мне нравился. Когда, много позже, я познакомился с Володей Михедько, тот здорово мне его напомнил. И Штоль был такой и Алексей Тимофеевич Саяпин, директор с-за «Златогорский».

А в тот раз я подхватил ослабевшего Виктора и потащил к автобусу. Уложил на «знамёна» и наказал шофёру не выпускать его ни под каким предлогом.

Через час дверь с шумом распахнулась и в зал ввалился взлохмаченный мужик в белой рубашке, вылезавшей из штанов. Высоко задирая ноги, он стал маршировать и выкрикивать: – «Венгры – свиньи!»

Я бросился к нему и вытолкал из зала. Весь остаток вечера мы просидели вдвоём в автобусе.

– А ты что, не знал, что они вместе с немцами против нас воевали? И зверствовали так, что немцы по сравнению с ними невинными овечками казались. Про приказ Ватутина венгров в плен не брать, слышал?

– Может и не слышал, но оскорблять то зачем? Видишь, как они радушно нас принимают. Нехорошо это. Даже если и пьяный. Нас сюда послали дружбу укреплять, а не обзывать.

Он съёжился под моими словами, но не уступил.

– Не знаешь ты венгров, Йозеф!

Я усмехнулся. История про brave солдата Швейка была одной из моих любимых книг.

Сходил в зал, успокоил Сашу. Попросил у «свиней» бутылку вина, что-то поесть. Сидели, выпивали, разговаривали.

Когда уже уезжали из Венгрии, я увидел, что ему очень тяжело. Сколько у запойных стадия длится? Десять дней? Две недели? Последние дни самые тяжёлые. Перед границей отдал ему две коллекционные бутылочки палинки по 50 грамм, из четырёх, что вёз в подарок ребятам. Он тут же выпил из горлышка, поблагодарил и уже до самого дома не пил. Видимо понял, что залез куда-то чересчур далеко. Когда прощались в Омске, он

отозвал меня в сторонку и попросил его извинить. Я ответил, что пустяки, дело житейское, с кем не бывает.

– Я о другом. Мне в Обкоме комсомола поручили написать о тебе очерк, я должен был тебя за это время изучить и написать.

– Напишешь потом, куда торопиться?

– Нет, уже не напишу.

Он исчез со страниц главных газет области и только год спустя я встретил его фамилию в издании рангом пониже.

Но история с Виктором на этом не закончилась. Кто-то из наших «венгерцев» при случайной встрече в городе рассказал мне, что Чекмарёв развёлся со своей женой и женился на той самой молодой женщине, которая вызвалась в один из дней за ним присматривать в отеле. Но и это ещё не всё. Он совершенно изменил образ жизни, бросил выпивать и стал «моржом», купается зимой в проруби на Иртыше.

А потом начался его новый взлёт.

Талант, это такая штука, что его не скроешь, он обязательно себя проявит.

Правду говорят, что лучшими праведниками становятся бывшие грешники.

За пропаганду здорового образа жизни и спорта он стал любимцем Манякина, а для читающей публики журналистом-легендой. Энергичности Виктора Чекмарёва оставалось только завидовать.

Он умер 23 января 2018, прожив 81 год. Его репортажей, интервью, статей в «Вечернем Омске», «Молодом сибиряке», «Омской правде» и других изданиях, где он работал, всегда с нетерпением ждали читатели.

Иногда я думаю, а может и хорошо, что он не написал обо мне очерка. А то жил бы, зажатым в прокрустово ложе положительного героя, испытывая моральное неудобство. Я ведь тогда уже и не учился так хорошо, как прежде. И жизни, в принципе не знал, все ошибки мне ещё предстояло совершить.

На этом снимке Виктор с Евгением Евтушенко, когда тот приезжал в Омск. Это уже 80-е годы. Здесь он постарше, но взгляд тот же, что я помню. Земля вам обоим пухом.

А наш «Икарус» колесил по всей Венгрии. Мы купались на Балатоне, отдыхали на каком-то горном курорте (*в Венгрии есть горы?*), ездили в гости к нашим солдатам в район Секеш-фехервара, были на приёме в Министерстве иностранных дел, посетили интернациональный детский лагерь. Осталось в памяти грандиозное факельное шествие по ночному Будапешту, заключительный концерт фестиваля, где для престижа страны пел Кобзон, а вся «самодеятельность», включая и наш «Альтаир», участвовала в массовке.

У вас может сложиться впечатление, что мы вели в эти дни некий праздный образ жизни, спуская на ветер народные деньги, но поверьте мне на слово — это была скорее работа. Пусть нетрудная, полная приятных неожиданностей и впечатле-

ний, но работа. *(Отдыхаем мы хорошо, только устаём очень.)*

На горном курорте *(в Венгрии нет гор, есть только предгорья Карпат и Альп)*, вместо того, чтобы лежать в шезлонгах и пить лимонады, нам предложили играть с венграми в водное поло. За полчаса ободрал всю кожу на ступнях. А тот футбольный матч на настоящем стадионе? Форму выдали, бутсы. «Вперёд, славяне!». Я на ворота встал, постеснялся в основные игроки идти, думал, другие – орлы. Вон как они уверенно держутся. Один парень с нефтеперерабатывающего завода себя капитаном заявил. Чёрт его знает, может они там нефть перегонят, а потом со стадиона не вылезают?

Венгры расстреливали мои ворота как в тире, им никто не мешал. Проигрывали мы с каким-то дурным счётом.

– Так, капитан. Ставь любого на ворота, остальных на защиту. Сам пойдёшь со мной с левой стороны. Играем в пас. С мячом не возись, обработаешь, и сразу передавай мне. Я откроюсь.

Пять мячей забил сам, два для престижа дал добить капитану. Он оказался толковым напарником. Девчата бросились нас поздравлять с победой, а мы, как те рыбы, вытащенные из воды, мокрые и рты разеваем.

– Что же ты сразу не сказал, что такой мастер? – выказал обиду нефтеперегонщик. – Как дураки полчаса зря по полю носились.

Я промолчал.

Только помянул добрым словом Васю Трусова, который меня два года на нашем стадионе с осени до весны по воскресеньям периодически натаскивал. Ему напарник был нужен. Он так субботний хмель выгонял. Ну и я наловчился – обводить, пасовать, бить по деревянной стенке с нарисованными воротами и по самим воротам. Зимой в морозы до пота с мячом возились. Знаешь, Мир, заходили в общежитие, на трико иней, раздевались до трусов и шли в моечную комнату. Поливали друг-друга из шланга холодной водой, а от нас пар шёл.

Представляю, что бы с венграми Вася сделал на моём месте.

Умение владеть мячом сохранялось у меня ещё лет десять, но потом пропало, как пропадает всё, в чём не упражняешься.

Я подружился с парнем из делегации Пешта и мы стали сидеть рядом в автобусе. Он был приблизительно моего возраста, но довольно сносно говорил по русски. Мог строить предложения. Мы сидели и разговаривали. Вернее, я задавал вопросы, а он на них отвечал. Первый был, естественно, где он научился так говорить по русски?

– В школе, – ответил венгерский друг, – а теперь продолжаю совершенствоваться в университете.

Удивлению моему не было предела. В школе? Я тоже изучал немецкий язык в школе и тоже совершенствовал его в институте, но представить себе, что я при встрече с немцем смогу разговаривать вот так, как он на русском, я не мог. Может быть потому, что у меня никогда не возникало такой нужды. Когда такая нужда возникла, оказалось, что я знаю слова, но не могу говорить.

Мой товарищ, безусловно, имел способность к языкам.

– Один женщина хочет тебя знакомить и делать подарок, – заявил однажды утром мой «Суходрев».

Вот оно, началось. В голове, как у Семён Семёныча из «Бриллиантовой руки» прокатился тревожный гул. Я удивился прозорливости омских обкомовцев, которые мудро предупреждали нас о возможных провокациях.

– Я ходить с тобой. Она не говорить русский.

А, была не была, где наша не пропадала!

Очаровательная хозяйка номера в длинном вечернем платье с поблёскивающим на груди ожерельем пригласила нас за великолепно сервированный стол. Полумрак, тихая музыка. Выпили, потанцевали. Она дотошно спрашивала меня о занятиях, семье. Невольно возникла мысль, а не стал ли я, каким-то

чудесным образом, наследником неведомого мне капитала. Немножко оставляю себе, чтобы помочь родителям, остальное сдам государству. Ему нужнее, тем более в валюте.

По окончании чудесного вечера, впрочем, в наших фестивальных случаях это, как всегда, ещё только начинающая затихать за окнами отеля столичная полночь, хозяйка достала с полки аккуратно упакованный свёрток и передала его мне.

Она говорила быстро и друг мой с трудом переводил, но я понял, что у неё есть муж, он недавно окончил сельскохозяйственную академию в Гёдёлё, его оставили в аспирантуре, и он попросил её, свою жену, которая ещё учится, передать советскому студенту-аграрнику его подарок на память.

Она долго искала и, наконец, нашла меня.

Я благодарно поцеловал её на прощание руку и мы ушли.

Развернув в своём номере подарок, увидел набор рюмок, очень красивых, с золотой эмблемой их академии – курица в обрамлении венка из пшеничных колосьев, и блокнот меловой бумаги в кожаном переплёте, тоже с эмблемой.

С того памятного вечера мы везде были вчетвером (добрый Саша не покидал меня), завтракали в ресторане отеля за одним столиком.

Я тоже подарил им сувениры, лучшие из тех, что у меня были. И нашей новой приятельнице, и её мужу и своему другу.

Казалось бы, всё прекрасно, живи и радуйся, отдыхай-работай.

Но нас неумолимо стала прибирать к своим холодным рукам ностальгия. Всего девять дней прошло, а уже и смотреть ни на что не хочется. Другая страна, пусть и богаче, чем наша, но чужая. *(Деньги, наверное, кончились.)* Когда пересекали границу, все мы непроизвольно искренне крикнули «Ура».

После чистоты венгерских городов и посёлков увидели замусоренную привокзальную площадь Чопа, по которой ветер гнал обрывки бумаги, листья и пьяного мужика.

Нет, про мужика неправильно. Ветер не гнал его, он сам бессмысленно качался на скамейке, пытаясь удержать равновесие, однако убедился в тщете своих намерений и лёг. Хотелось подбежать к нему и обнять как родного.

В Омске, в аэропорту, прощались так, будто прожили вместе много лет. Девчата плакали, кто-то предлагал встречаться каждый месяц в определённом месте. Все соглашались, но я почему-то знал, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду, закрутит жизнь, понесёт дальше и от нашего братства останутся только приятные воспоминания. Так и случилось. Мы встречались случайно, расспрашивали о других, вспоминали, но прощаясь знали, что больше, наверное, не увидимся, город большой, вероятность совпадений мала. Я специально ходил один раз в Горком к Саше Ревину, попросил секретаршу доложить, кто пришёл, и был очень растроган, когда он сам вышел из двери, искренне приобнял меня и повлёк в свой кабинет, сказав девушке, чтобы его не беспокоили, он будет занят.

Я каждому что-то привёз на память. Матери яркий платок, отцу пепельницу, ребятам палинку, Саше и Люде что-то, себе шёлковый галстук. С венгерским другом обменялись парой писем, но затем переписка заглохла, с большой долей вероятности по моей вине.

А может быть сверхзадачей фестиваля, нигде не декларируемой, было показать венграм, что мы такие же люди, как и они, с обычными человеческими слабостями, и у нас нет рогов и копыт, но есть таланты? (*«Альтаир»*.) До сих пор помню, как в какой-то деревне, когда мы стали в очередь в их магазине, чтобы купить что-то попить (*жара в тот год была страшная*), местные женщины подходили к нам как к инопланетянам и ощупывали материал фестивальных костюмов и футболок.

Глава 26

ДРУГИЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ

1975 год был богат на события. Проводили в армию Сашу. По дате своего рождения он подпадал под весенний призыв. Вместе с ним призывались его одноклассники (одноклассники) и те, у кого по той или иной причине была отсрочка. Человек 6-7 на совхоз в призыв. Поступившие в институт от службы освобождались, почти во всех функционировали военные кафедры, выпускавшие офицеров запаса в звании лейтенанта. Учащихся техникумов обычно призывали по окончании обучения, хотя в случае необходимости могли сдёрнуть и в его процессе.

Саша после окончания школы в 1974 году подал документы в ОмСХИ, тоже на агрономическое отделение, сдал экзамены, но не прошёл по конкурсу. Вернулся в Куспек, осенью работал с отцом на комбайне, а потом пошёл в кузницу молотобойцем.

Печальны и торжественны проводы. Накануне мероприятие в клубе, которое проводит комитет комсомола совхоза. Выступают ветераны, фронтовики и недавно вернувшиеся из армии солдаты. Секретарь комитета просит сразу же сообщить свой адрес. На каждое письмо будет ответ, в котором ты узнаешь о делах совхоза и своих товарищей. Ты далеко, но мы тебя помним и ждём.

Был мальчик, юноша, а теперь вот мужчина – защитник Отечества. Сакральность понятий в те годы мало подвергалась сомнению, она соответствовала действительности, не вступая с ней в противоречия, как сегодня. Но два года..!

Матери плакали, отцы крепились.

Провожали из родного дома. Я отпрашился в деканате и приехал. На проводы отпускали.

В дровяник вынесли всю мебель из зала, расставили свои и собранные по соседям столы и скамейки, застелили клеёнками и домотканными половиками, чтобы мягче было сидеть. Тесновато, конечно, одежда маралась от побеленных стен, но все относились к неудобствам с пониманием, никто в хоромаш не жил. На проводы можно было выписать мясо в совхозе или зарезать свою свинью. Ещё оставались маринованные огурцы и помидоры в банках, салаты, компоты, солёные грузди, сушёные лисички и боровички. Стол был по-деревенски сытным. Водку подавали обычно вначале, потом догуливали самогоном. Эта перемена ничуть не смущала по соседски присутствующего за столом участкового милиционера, люди были с понятиями. Сашу провожала девчёнка, с которой он дружил.

Гуляли до утра. Мужики вспоминали про свою службу, женщины пели. В нашем доме были две фирменные песни, которые, уважая хозяев, полагалось петь всем. Впрочем, они того заслуживали. О том, что у песен были конкретные авторы, никто не задумывался, они уже давно жили своей собственной жизнью.

Ты у меня одна
Словно в ночи луна
Словно в степи сосна
Словно в году весна...

Это Визбора, а другая, более переделанная, Михаила Гулько. В ней даже действие происходит в Куспекском посёлке, затерявшемся, почему-то, среди гор, наверное, для рифмы, но симпатичное животное оставлено.

Где олень бродит замшевый
Утопая в снегу

Почему же ты замужем
Ну скажи почему.

Хотелось танцевать, но не было места. Молодёжь кочевала по деревне от стола к столу.

Ближе к утру стали собирать Сашу. Одежду «второго» срока, но чистую, не рваную, чтобы не выглядеть нищими. Документы, немного денег, в сшитую матерью котомку положили еду и бутылку водки. Может отберут, а может пригодится.

Последние объятия, последние напутствия призывнику. Кто-то от усталости поднимает символическую рюмку, кто-то настоящую. Тесной компанией спускаемся к зелёной остановке. Со всех сторон села движутся люди. Слышны нестройные звуки гармоней, исполняющих бравые мелодии. Толпа заполняет всё пространство между магазинами, но она не едина, а состоит из обособленных островков со своими новобранцами в центре. Шум, гам. Подъезжают машины с отделений.

Председатель сельсовета объявляет посадку в совхозный автобус и садится сам. Доставить призывников к райвоенкомату его обязанность, речь идёт об исполнении гражданского долга. Мест мало, поэтому вместе с призывниками могут сесть только самые близкие люди. Родители не едут. Долгие проводы – лишние слёзы. Я провожаю Сашу до Арык-Балыка, где он и десятки других поступают в распоряжение бравого райвоенкома майора Степанова, который отправит их в Кокчетав.

На обратном пути в притихшем автобусе щемяще осознаю, как дорог мне мой брат. И наша милая сестрёнка, так мало видевшая от нас, братовъёв, ласки. И добрые родители.

Разлуки расставили всё по своим правильным местам. Исчез дух конкурентного ревнивого противоречия, так свойственного младшим братьям. Вместо него родилось спокойное уважительное отношение друг к другу, ничем не омрачённое до сегодняшнего дня. Более того, я чувствую, что он давно начал почитать меня, как старшего. Так и должно быть.

И такой из Саши вышел ладный солдат, что закончил он службу старшим сержантом в должности старшины роты.

Служил он в Отаре (Казахстан) и ещё где-то в той стороне, в танковых войсках. Рассказывал, что самым страшным было на учениях в тридцатипятиградусный мороз (*это я скорректировал, чтобы меня не упрекнули в преувеличении, сам Саша говорил о сорокоградусном морозе, такие аномалии в полупустыне возможны*), залезать внутрь незаведённого танка. А ещё хотелось сладкого, хотелось как маленьким детям. Организм требовал в ответ на нагрузки первых месяцев службы. К счастью, солдатский буфет предлагал и сгущёнку, и печенье, и газводу. Втянувшись в службу, стало хотеться горького. Наивысшим блаженством считались минуты, когда укрывшись с головой одеялом, чтобы не заметил дежурный, выпить на двоих со своим то-

варищем из горлышка бутылку чудом обрётённой водки, просто выпить, без всякой закуски. На троих был уже не тот эффект. Мало. И если, вдруг, через пару часов звучала команда тревоги, просыпался совершенно трезвым. Алкоголь, как витамин, всасывался в клетки организма, переходя в какие-то другие субстанции. *(Ничего страшного, тот же сахар, только в более изощрённой форме.)*

После окончания службы Саша повторил попытку поступить на агрофак, но опять неудачно. Тогда он подал документы на рабфак.

Это был уже 1977 год, год моего выпуска.

– Вот неправильно всё было! Какого чёрта я погнался за высшим образованием? Счастье что-ли оно мне принесло? Жил бы обычной рабочей жизнью, своей семьёй, рядом с родителями, радовался, зарабатывал хорошие деньги и нервы были бы целее. Это ты во всём виноват. Как же, брат – студент, значит и ты обязан. Кому обязан? Неправильная была политика по этому поводу у нас дома, да и в государстве тоже. С толку сбивала. Я не люблю быть начальником, мне лучше, когда я подчинённый. Пусть за меня решат, а я всё хорошо исполню.

Я тоже не люблю быть первым, но я люблю быть **вторым**, таким вторым, без которого первый не может обойтись, советуется, уважает и доверяет. В переводе с северо-казахстанского, я хотел бы всю свою жизнь проработать, если бы это было возможно, главным агрономом совхоза «Новосветловский», в то же время являясь заместителем директора по производству с правом первой подписи и добавочным червонцем к окладу, что и было на самом деле в течение почти пяти лет.

А в переводе с немецкого по поводу дней сегодняшних и работы в качестве «лагериста» приведу слова моего непосредственного начальника Томаса Шеллера, совсем не последнего человека в нашем Юлиусшпитале.

– Знаешь, за что я тебя не люблю?

– ?

– За то, что ты раньше уйдёшь на пенсию и я останусь без тебя.

Мы должны были ехать на праздник в деревню к нашей бывшей ученице Йоганне. Но в ту субботу был день рождения Полины и я отказался. У всех других тоже нашлись причины, а один Томас не хотел ехать. Оправдывался перед ней, посылая СМС. Но оказалось, что он перепутал даты и вайнфест, который ежегодно проводят её родители-виноделы с целью заработать немного денег, состоится неделей позже. Я был уже свободен, но отказывался: старый, далеко, нет уже тех сил, чтобы гулять до ночи. И тогда Томас, чтобы убедить меня, что мы обязаны ехать, иначе все слова о дружбе останутся пустым звуком, дал мне прочесть свою переписку из прошлой недели.

– Ты ведь знаешь, Йоганна, нас было четверо, но когда тебя не оставили, а Антон умер, мы остались с Виктором вдвоём. Когда мы вместе, я человек, а без него только полчеловека. Дочь у него в этот день родилась, он будет с ней. Один я не поеду. Пойми и прости.

Очень допускаю, что Томас был нетрезв. Но, что у пьяного на уме...

Конечно я поехал.

Это к тому, что некоторые утверждают, будто нас (их!) тут считают за людей второго сорта, вернее эта фраза была очень популярной в первой половине 90-х, когда начался массовый выезд немцев и членов их семей, а так же евреев, в Германию. Если рушится привычный мир, всё надо начинать заново. И по прошествии почти четверти века нашей эмиграции, я могу сказать одно: тебя будут считать таким, каков ты есть на самом деле по своей внутренней сути.

Второй сорт!

Экое самомнение. А несортovým не хочешь?

Ау, паразиты! Не для того вы сюда ехали, чтобы работать. Ну так вам и руки не подадут.

Свои.

А немцы? Что немцы? Немцы в своих демократических шорах уже совсем нюх потеряли, им всё кругом жертвы чудятся. А эта жертва, морду которой и за неделю не об.....ь, сядет им на шею, ноги свесит и едет. На государственном уровне вообще никаких проблем. В нём все только первосортные. В начальный период семья из четырёх человек, в которой ни один из родителей не работает, имеет тот же доход, что и равная ей, в которой муж или жена работают целый день и получают, по вполне объяснимым причинам, зарплату на уровне нескольких сотен ниже среднего по Германии (*хочешь больше – учись, если можешь.*) Просто у первых, как у неимущих, льготы, а вторые обязаны за всё платить сами. Обе ситуации испытаны в первые годы на собственном опыте.

Но немцы пусть и зашорены, но не дураки. Их задача – заставить паразитов работать, цель паразитов – забиться в щели и не вылезать. Зачастую в этом противостоянии побеждают последние.

Я понимаю, что существуют разные жизненные ситуации: и болезни, и неожиданные травмы с последующей инвалидностью, да мало ли что может быть. Предпенсионный возраст, например. И очень важно, как человек распоряжается избыточным свободным временем. Я всё понимаю и многое принимаю. Многое, но не всё. Бравлирующие «отказники» саботируют труд не только потому, что не хотят работать, а часто потому, что не умеют трудиться, навыка нет. Надо жёстче заставлять. Собирать в бригады и отправлять на восточную границу ЕС рыть окопы для обороны от русского зверя. Вручную, лопатами. Может тогда веселее будут искать работу на местах. Земля должна гореть под ногами захватчиков.

А зачем им сегодня что-то искать, когда перед ними уже та самая сказочная шлараффенланд.

Я говорю о своих ровесниках, плюс-минус 5-10 лет. Наши дети учились, стали «немцами» и будут трудиться. Разбираемся только между собой.

Как и во всём остальном мире, люди брезгливо называют их «шлангами». В немецком языке это слово переводится как «Schlauch», но, в качестве лингвистического казуса, почти так же звучит другое – «schlau», то есть, «хитрый», поэтому они

предпочитают второе толкование. Общая ленность подразумевает слабое знание языка.

У Пелевина в «Богам и механизмах» есть любопытный пассаж, который напрямую не относится к затронутой мной теме, но, удивительным образом её иллюстрирует. Герой направляется в преисподнюю:

– Лампа Ламп светила по-прежнему. Но я увидел, как отражается в ней моё сердце. Оно не могло биться рядом с Сердцем Сердец. Оно не готово было гореть – о нет, оно просто хотело как можно больше райской халвы на халяву. Оно желало, чтобы его любили и ласкали в его мерзости и бесстыдстве, и чтобы на ложе этого наслаждения рядом с ним возлежал сам Господь.

Хер вам в сумку!

Я бы на этом остановился, но встречаю особей, которые не только нагло паразитируют, но ещё и снисходительно поглядывают вокруг, вот, мол, какие мы умные, сразу догадались, как можно легко жить, а вы, дурачки, не допёрли.

В такие минуты рука моя непроизвольно тянется к бедру и жадно ищет рифлёную рукоять маузера.

Людей надо как-то различать, чтобы понимать, кто перед тобой, свой или чужой. С возрастом потребность в этом понимании становится всё пронзительнее. И помочь тут может только обращение к таким нравственным категориям, как **Совесть** и **Стыд**. Всё остальное не работает. С голоду никто не умирает.

– Слушай, что ты к ним привязался, к этим паразитам? Пусть ползают, как хотят. Они что, первые или последние?

– Не первые, но во мне вскипает классовая неприязнь и я жажду справедливости.

– А что, справедливость бывает единственной?

Саша о сестре заговорил.

– Про Люду давай не будем. Пусть она сама скажет. Мы про неё вообще ничего не знаем. Когда я уехал учиться, ей было 11 лет. Когда ты уходил в армию, ей и четырнадцати не было.

Много мы с ней общались? Скажи спасибо, что с таким добром нас у себя в доме всю последующую жизнь привечала и до сих пор привечает. Заменили они с Лёшей своей квартирой наш покинутый родительский дом.

Он ведь, Сашка, гад, что делал? По уговору я при необходимости управлялся в сарае, а он убирался в доме. Выгонял нас с Людой на улицу, чтобы не мешали, и мыл полы. Но когда мы, выждав положенное время и замёрзнув, возвращались, он не пропускал нас в комнату, а заставлял стоять у порога кухни до тех пор, пока не придёт с работы мать. Чтобы не замарали.

– А вы что тут стоите? Зашли тока? Ой, а кто тут так чисто прибрался? Ты, Саша? Молодец какой.

Просиявший от похвалы «молодец» с торжеством глядел на нас. Теперь мы могли делать что угодно, его это уже мало интересовало. Попытки прорваться силой заканчивались тем, что мы сцепливались друг с другом и, сопя, катались по полу до тех пор, пока не приходила мать и не начинала стегать нас скрученным в жгут полотенцем, чтобы мы разлепились.

Надо сказать, что мы боролись, но никогда не дрались по-настоящему, используя какие-то бандитские приёмы. Всё-таки мы были родными братьями и это кровное родство удерживало нас на какой-то этической черте, за которую нельзя было заступать.

Саша, в отличие от меня, был спортивным мальчиком, с хорошей такой, ладной фигурой, открытым взглядом. Пользовался большим авторитетом и уважением у своих товарищей. Связей, порочащих его не имел и был беспощаден к врагам Рейха. Ладно, шучу, хотя умению нацистских отделов кадров в нескольких словах охарактеризовать человека можно только позавидовать.

Он и потом не терялся по жизни. Возглавлял рабфакровский стройотряд, был командиром курса на «военке». Но, как Саша сам признавался, всё время обучения в институте его преследовал кошмар моего имени.

– А кем вам приходится наш бывший студент Виктор Гридюшко?

– Братом.

– Ах, братом! Так почему же вы тогда так учитесь?

Учился он, может быть и не плохо, на четвёрки, только иногда проскакивали тройки, но в глазах знавших меня преподавателей, разница была существенной.

В другой раз, умудрённый горьким опытом, он отрешивался от меня, как Пётр от Иисуса.

– Не знаю, может однофамилец.

– Вероятнее всего. Если бы вы были его братом, вы бы, безусловно, учились лучше.

Преподаватель мечтательно закатывал глаза и вспоминал какой-либо эпизод, связанный со мной.

Женился Саша на первом курсе, его жена Валя к этому времени уже заканчивала наш факультет по специальности плодощевоводство. Я стал невольным виновником их знакомства.

В канун 7 ноября 1978 года, возвращаясь из Егоровки на родину, в Куспек, заехал в общежитие к брату. «Восьмёрка» была необычно тиха, все студенты разъехались на праздник по домам, остались только те, кто жил далеко.

Набрали вина и стали праздновать встречу. Проходя по коридору увидели открытую дверь комнаты и скучающую в одиночестве девушку. Я узнал её и мы стали, как это водится, вспоминать общих знакомых. Пригласили за наш стол. Я уехал, а они с этого времени начали встречаться.

Жили сложно, часто надолго расставаясь. Валя уехала работать по направлению, через пару лет вернулась в Омск, устроилась по специальности и они стали снимать в городе квартиру. Саша тоже пошёл работать. В аварийно-спасательную бригаду, которая по ночам выезжала на аварии водопроводов и канализации. К окончанию учёбы он был уже бригадиром, его упрашивали остаться, ставили в очередь на квартиру. Но он выбрал агрономическую стезю.

Примечательно, что по прошествии многих лет именно то время он считает самым счастливым в своей жизни. И ту работу. Видеть дикие глаза жильцов и администраторов, выглядывающих аварийную машину и потом слышать слова искренней благодарности, подкреплённой небольшими подарками. Что ещё нужно человеку, чтобы чувствовать свою нужность и значимость? Агроному подарки редко перепадают, с него самого всё время пытаются что-то сдёрнуть.

Оставим на время брата и его семью. В их жизни будет ещё много неожиданных поворотов, но это тема заключительной книги трилогии и той, заветной четвёртой, о которой я пока могу только мечтать, втайне надеясь, что мне отпущено столько времени.

Это новый коллектив матери, в котором она проработала до пенсии. Стоит справа во втором ряду, а перед ней мать Вити Сайбея, заведующая швейной мастерской совхозного Дома быта.

Да, мать стала швейей.

Сколько себя помню, в доме всегда была ручная швейная машинка, потом к ней добавилась ножная. Прялка, кстати, тоже была. По просьбе родителей купил её на рынке в Омске и довёз хрупкую деревянную конструкцию до Куспека почти целой.

Никогда, наверное, не жила наша семья в материальном плане так хорошо, как в те годы. То же, не погреша истиной, можно сказать и обо всей нашей стране.

Платили швеям с выработки, трудолюбия и мастерства ей было не занимать, так что зарплата вдвое стала превышать прежний оклад школьной технички. Ну а я после каждого каникула возвращался в институт с парой новых брюк, любовно сшитых матерью по мерке и последнему писку тогдашней моды, подразумевающей расклешённый низ.

Форсил и Сашка. У Вити Сайбея тоже не было проблем со штанами.

Когда всё идёт хорошо, жди беды. И она постучала в двери нашей семьи.

Я решил жениться. *(Хорошую вещь браком не назовут.)*

Размышляя сегодня об этой первой и главной своей ошибке можно только удивляться скорости, с какой развивались нежелательные события.

Была поздняя осень 1975 года, уже выпал снег, когда на меня нашло наваждение и из сотен лиц, мелькающих в калейдоскопе дня, её стало для меня единственным.

Через четыре месяца, 12 марта 1976 года, состоялась свадьба. Я даже не успел понять, на ком женюсь. Она тоже. То, что из нашего союза ничего не выйдет, было ясно всем, кроме меня. Ну и неё, отчасти. Оставалась надежда, что может всё как-то образуется. Не-а, не срослось.

– Витя, – на правах старого друга предупредила меня письмом Тоня, – не делай глупости!

Кто наденет намордник на ослеплённого льва?

– Тебе, получается, других забот было мало, что решил ещё и жениться? – искренне удивляется Мир. – А спешка такая зачем? Умные люди чувства временем проверяют, а ты куда, вдруг, понёсся? Ну-ка давай объясняй. Я этого от лица твоих будущих недоумевающих читателей требую.

– Распределение.

– Что, распределение?

– Она заканчивала агрофак и должна была весной распределиться. Я боялся её потерять и у нас родился план.

Впрочем, я не настаиваю на своём авторстве, авантюрный склад ума был более присущ моей будущей жене. Она старше на пару лет, а это много значит в молодые годы.

Последовавшие затем события вовлекли в эту, как показало время, бессмысленную и постыдную драму, уйму хороших и ни в чём неповинных людей, включая родственников с обеих сторон, сокурсников, друзей и тех, кому вынужденно пришлось решать наши вопросы.

Жизнь в одночасье из ясной и оптимистично-желанной превратилась для меня во что-то мутноватое, нехорошее, всё время держащее в напряжении. В меня методично стали имплантировать чувство вины.

– А существует на этом свете хоть что-нибудь, в чём бы я не был виноват?

– Не существует. Ты виноват во всём, – совершенно серьёзно ответила мне моя вторая жена, так что не будем считать гражданку Халикову первопроходчицей.

А может так и должно быть? Был мальчик, теперь мужчина, муж. Обязанности по гнезду. Ответственность.

Может быть, но куда делась радость? Проблемки, конечно, были. Беременность, ожидание рождения сына, дочери. Маленькое тельце Димы, прижимающееся ко мне. Но в основном – тоска и стыд от людей.

Мы оказались совершенно разными и никто не собирался свою натуру менять.

Я не буду, как это делал раньше, всю вину брать на себя.

Да, я уговаривал, но она могла бы и отказать. Опыт имелся. Видимо был интерес и с её стороны, не имеющий отношения к любовной страсти.

У неё, при желании, можно было отыскать много положительных качеств, но отсутствовало что-то главное, о чём в сердцах высказалась наша добрая мать, исчерпав все возможности наладить человеческие отношения со снохой:

– Она только с чёртом сможет жить!

Много крови было выпито ею у меня и моих родителей.

А ещё эти глаза. В спокойном состоянии были красивого зеленоватого цвета, но когда в них поселялась злоба, они мутнели, а порой становились совсем белесыми.

Сегодня я думаю, что у неё с «крышей» не всё было в порядке.

В последний год нашей шестилетней «совместной» жизни её любимым занятием было ходить с Мариной на руках по селу и рассказывать всем, какой я подлец.

Штоль пригласил меня в кабинет, ошарашенно-удивлённо посмотрел и сказал:

– Ваша жена сейчас тут была. Целый час рассказывала о Вас. Я такого в своей жизни ещё не слышал. Если бы я Вас сам не знал, я должен был бы немедленно позвонить в райотдел милиции, чтобы оттуда прислали группу захвата для Вашего ареста и пожизненной изоляции от общества.

– Как вы так живёте?

– А мы и не живём.

– Да, Вам не позавидуешь.

Вопреки ожиданиям, я оказался ещё, несмотря на свою видимую мягкость, неуправляемым, что сильно бесило её, как это бесит большинство женщин, которые не любят своих мужей.

– Мир, я не хочу больше, как Сократ, философствовать на эту тему. Буду излагать только факты.

Хорошая была бы память, сложись всё иначе. Но люди, на ней изображенные, в этой беде не виноваты. Рад тебя снова видеть, Дулат, и тебя, Таня, и тебя, Витя. Я всех вас рад видеть! Только двоих из середины следует убрать.

Свадьбу справляли в кафе, в Нефтяниках. Были мои и её одноклассники, родственники, друзья. Отец привёз с собой пятилитровую пластмассовую канистру с «огненной водой». Двойная перегонка, 70 градусов крепости, почти без запаха. Имела большой успех на второй день в общежитии. Ещё было гуляние для родственников на улице Энтузиастов в квартире Кокиных. Кокины – родной дядя невесты по матери, его жена Люба, преподававшая высшую математику в институте и их дочка. Там угощались разведённым спиртом, который Танин дядя, будучи инвалидом труда, периодически получал от своих товарищей с перегонного завода. Наверное уважали, если рискуя проносили для него через проходную. Сам он по здоровью пить не мог.

Последний привет с воли. Фотография сделана в день свадьбы в нашей комнате возле моей кровати.

Деканат сделал нам роскошный подарок – выделил отдельную комнату в общежитии. Я об этом не просил, то была полностью их инициатива, видимо, в знак уважения. Секретарь партбюро факультета Юрий Михайлович Горбунов с заговорческим видом подвёл меня к двери и лично передал ключ.

Она находилась на четвёртом этаже, прямо по лестнице, слева от Красного уголка. Комната предназначалась по тогдашним нормам проживания для четырёх человек.

– Во, как секретари жировали, а нам лапшу на уши вешали про скромность и справедливость.

Не, не жировали. В той комнате хранились флаги, плакаты и те самые колосья, с которыми наш факультет ходил на демонстрации. Я аккуратно всё составил теснее и свободного места как раз хватило для шкафа, кровати и стола.

Она стала нашим первым домом. Тимур, Танин брат, студент политеха, подрабатывающий сторожем в продуктовом

магазине, заехал к нам в гости и подарил на новоселье 100 банок консервов «Спинка минтая в томатном соусе». Мы составили банки под стол, купили электрическую плитку, разные суповые наборы и стали проводить свой медовый месяц.

Занятия я почти забросил, стал везде опаздывать и мои доброжелатели из деканата стали косо на меня поглядывать. Но я не успел разочаровать их полностью, потому-что в конце апреля на нашем курсе началась полугодовая производственная практика.

Снимок, относящийся к «Учхозу № 2», но более сдвинутый по времени от описываемых событий. На заднем плане зерноочистительный комплекс, впереди, в рубашках без галстуков Крючков Н. М, проректор по науке и бесконечно мной уважаемый сокурсник Лисовский Володя – директор хозяйства.

Глава 27

ПРАКТИКА В «УЧХОЗЕ № 2»

Я по инерции сдал экзамены и уехал в «Учхоз» агрономом отделения, вернее, стажёром.

– Постой, постой. Ты же учился по направлению от Аканского совхоза и по закону должен был практиковаться там.

– Да, должен. Но я преступил закон. Ты что, думаешь, когда я написал, что жизнь моя после женитьбы стала мутной, я это просто так сказал, для красного словца? Нет, Мир, мутное действительно было мутным.

Имея на руках «Свидетельство о браке» мы стали думать, как найти компромисс с государственной комиссией по распределению, чтобы её не направляли на общих основаниях, а сделали исключение из правил. Я поговорил с авторитетными людьми и один из них сказал, что если я буду государственным стипендиатом и распределять меня будет та же самая комиссия, то он походатайствует за мою жену, и та сможет год находиться во взвешенном состоянии, а потом отправиться по месту распределения мужа. То есть, один человек для комиссии потерялся, зато другой нашёлся.

Её не стали трогать, более того, предложили место и она устроилась старшим лаборантом на кафедру физиологии растений и микробиологии нашего института.

Но, чтобы это случилось, я поехал домой и заявил, что отказываюсь от совхозной стипендии, мне будут платить из бюджета и я в совхоз не вернусь. Мне тогда казалось, что я всё делаю правильно и смог убедить в этом родителей.

Меня выручил авторитет отца.

Он сначала сам ходил в контору, попросил за меня, *(бедный отец, как не лежала у него на душе эта гнилая просьба)*, а когда директор сказал, что хотел бы со мной поговорить, пошёл и я. Мы встретились на площади возле конторы. Анатолий Георгиевич в длинном плаще куда-то спешил, но отошёл от машины и стал со мной говорить.

Сначала он сказал мне, что не совсем порядочно перекладывать свои проблемы на родителей, пора самому становиться мужчиной. Потом очень серьёзно высказал, что я делаю большую глупость. И если бы он не уважал моего отца, то все деньги за обучение с меня бы взыскал. Попросил ещё раз обо всём хорошо подумать.

Но я был заряжен инструкциями своей жены и, несмотря на всю правильность его слов, стоял, как молодой бычок и только твердил одно слово:

– Нет.

– Когда-нибудь ты об этом пожалеешь.

На этом расстались, и я был горд, что выполнил волю «пославшей меня жены».

Так я оказался в «Учхозе № 2».

Должностей агрономов отделений штатное расписание не предусматривало и их обязанности исполняли студенты 4-го курса агрофака во время своей производственной практики. Такая специфика.

Куда же я попал? Неужели опять в Камышино? Или в Сибкоммуну? Не помню. Нас было трое практикантов, по числу отделений. Володя Коптев, я и ещё одна девушка (Вусько?) из второй группы. Мы часто встречались в конторе на центральной усадбе.

Меня поселили в половине двухквартирного дома. Вторую половину занимал управляющий отделением со своей семьёй. Со склада выдали койку, матрас, одеяло, простыни и подушку. На кухне стояла газплита. Где-то нашёл стол, два стула. Ведро, кружку и немного другой посуды тоже получил на скла-

де. Когда вечером укладывался спать, отодвигал кровать от стены, потому-что начинали носиться тараканы и мыши.

Конечно, я скучал, и всей душой рвался в общежитие, в нашу комнату. Нас разделяли какие-то несчастные 40 километров, но я мог уехать только в субботу вечером, добравшись с кем-нибудь до трассы. У меня была своя определённая работа и я должен был её исполнять. В посевную выходных не было.

Чтобы что-то начать понимать в агрономии, надо пройти хотя бы один годовой цикл сельскохозяйственных работ. Инструкции мы получали от главного агронома, а оставшись одни, мучительно рылись в памяти в поисках полученных за четыре года знаний. Они были, конечно, но вот беда – к тому, чем мы сегодня занимались, не имели почти никакого прямого отношения. Благодарность можно было объявить разве только преподавателю по физкультуре.

Обычно практикантов не принимают всерьёз, но очень скоро я заставил всех с собой считаться. Если чего-то не знал, совершенно не стеснялся в этом признаться (в основном речь шла о регулировках сельхозмашин) и просил меня научить. А в остальном им не в чем было меня упрекнуть. Я уезжал в поле вместе с механизаторами рано утром и возвращался домой тогда, когда последний трактор покидал загонку. Мог сказать пожилому сеяльщику-пенсионеру: – «Ты отдохни», – и несколько часов выполнять его работу, стоя на сеялке в пыли и становясь грязным, как чёрт. Если видел, что произошла какая-то задержка с семенами, на чём-нибудь попутном летел на ток разбираться.

Хоть и был это «Учхоз», но работа была организована до обидного примитивно. Представьте себе, что на току зерно женщины затаривали в мешки, грузили на телеги, а на поле сеяльщики эти мешки развязывали и, корячась, засыпали семена в сеялки. Жилы лопались от такой работы, полдеревни с этими мешками возилось. Пшеница ничего, в мешке килограмм 60. Ячмень и овёс, те полегче, а вот горох – тяжёлый. Все 80 будет.

Переходили как-то на другой участок, я на поле был, сеялки почистили и ждём. Не везут горох. Я быстрее на ток. Там стоят женщины возле мешков и виновато смотрят.

– Почему не грузите, сеялки в поле стоят!

– А мы поднять не можем.

И ждут, что я делать буду.

– Ладно, – говорю, – залезайте все на телегу и расставляйте там.

Скинул с себя фуфайку, пиджак, и начал к мешкам подстраиваться. Подойду, присяду задом, руками на спину мешок подтяну и поднимаюсь с этой дурной ношей. Дойду, согнутый до края телеги, а там уже женщины перехватывают, тянут. Так один три тонны и поднял, только потом стоять не мог, лёг на асфальт и лежал, а женщины и тракторист вежливо ждали, когда я отойду. Ничего, поднялся, только шатало из стороны в сторону, пот струями тёк, рубаха мокрая и грязная, одни зубы блестели, да глаза горели. Я всегда был худым и мускулатура моя была неразвитой, без всяких там выпуклостей. Но внутри меня (и я это явственно ощущал), проходила какая-то силовая жила, которая компенсировала физическую недостаточность.

Молодость!

Умылся, почистился и опять в поле. Энергия во мне через край перехлёстывала, я как заводной был, везде успевал, и если видел, что кто-то из-за лени или по халатности брак в работе допускает, был беспощаден. Брал у учётика наряды и своей рукой дописывал:

– Снизить зарплату на 15% за брак.

Самое интересное, что механизаторы на меня не обижались. Я ведь по их загонкам пешком проходил, они на тракторе едут, а я рядом по полю ковыляю, глубину меряю (это когда уже пары начались). Я специально в центральную контору к главному экономисту поехал и убедил его, что на «своём» отделении буду применять систему наказаний и поощрений, а поскольку это не по закону (*по закону агроном может применять*

только наказания), то буду соблюдать баланс, чтобы у него не возникало проблем.

Сегодня лишил, а завтра поощрил. Я с самого начала своей трудовой деятельности не испытывал благоговения перед нормами и расценками. Я ими всегда жонглировал. Они для меня были не догмой, а всего лишь инструментом для достижения цели.

Обедал я с механизаторами, завтрак считал буржуазной роскошью, а вот с ужином было туго. Доплетёшься до своего дома часам к десяти вечера, консерву какую откроешь (минтай ещё в посевную закончился), и жуёшь с чёрствым хлебом, крошки мышам бросаешь, а они и рады, поглядывают дружелюбно чёрными крапинками. Холодильника не было, рассчитывал только на магазин. Да закрутишься днём, не успеешь ничего купить, тут тебе и крышка.

Народ там, наверное, неплохой жил, но что-то жадноватый какой-то. Да не жадноватый, просто у каждого своих забот полный рот, дай Бог к полуночи управиться. А привычки продавать не было. Могли дать или не дать, но не продавали.

При половине дома огородчик имелся, жена управляющего с моего согласия его обработала и засадила разными овощами. Лук хороший вырос, зелёный. Я как-то раз у неё попросил нарвать пучок, она разрешила, и другой раз не отказала, а потом смотрю, вроде-бы позволяет, а сама глаза в сторону отводит. Жалко ей лука. Перестал я просить, тоже своя гордость была. А как с магазином пролетишь, так от голода все моральные принципы забудешь. Дождусь ночи, нарву тайком, в соль макаю и ем с сухим хлебом. К чаю у меня привычки не было, обходился, да и сегодня обхожусь, водой. Ну и вином, естественно.

Конечно, такая безалаберность не красит, но здесь свою роль играла специфика работы – целый день в поле. Сначала дело, а уж потом личные нужды. Вечером все возвращались в семьи, где их ждали и кормили, а у меня было наоборот – ждали, когда я покормлю. Один мышонок до того ко мне привязал-

ся, что стоило только зайти в комнату, как он выбегал навстречу и залезал на ботинок, чтобы я его покатал. Потом мы вместе ужинали.

Летом стало легче со встречами. Или я вырывался в город на воскресенье или Таня приезжала вечером в субботу на автобусе. Нарядная, красивая. Шла по селу высокая, стройная, и все оглядывались на неё, таких тут не водилось. Привозила еду, чистую одежду. Мы жарили колбасу, ужинали, отодвигали кровать на середину комнаты и ложились спать. Минимум эмоций. Вроде бы рядом, и в то же время на расстоянии. Мышонок не вылезал, наверно ревновал. В воскресенье она уезжала. Я опять оставался один. Скучал сильно.

Мне хотелось с кем-нибудь поделиться тем, что я чувствую. Взял бутылку вина и пошёл к соседу. Парень лет тридцати, он недавно заочно окончил сельхозтехникум и ждал переезда на центральную усадьбу, в Харламово, где ему была обещана должность инженера по технике безопасности и новая квартира. Это в награду за то, что он три года руководил деревней. В Омской области, да, пожалуй, и во всей стране, была проблема с кадрами управляющих отделений. Этой должности специалисты сторонились. Ответственность большая. Работа без выходных. Животноводство.

Выпили по стакану. Поговорили о текущих делах. Я перевёл разговор на Таню. Мне казалось, что если я так хорошо о ней думаю, то и остальные должны восхищаться. Но управляющий, к моему изумлению, сказал:

– Баба она, конечно, красивая, да вот только непохожи вы на мужа с женой, она тебя быстро в гроб загонит.

Наверное нужно дать её психологический портрет, все писатели так делают.

Она легко сходилась с женщинами, особенно со старшими по возрасту. Была хозяйственной, хорошо готовила, любила возиться со всякими вареньями и соленьями. Жадности в ней не было, могла поделиться последним. Была верна в дружбе. Люби-

ла помогать другим людям, не требуя взамен ничего. В общении была проста, но здесь я должен сделать оговорку. Она любила своей непосредственностью, не замечая, что та на глазах превращается в глупость. Бывает ведь простота, которая обижает человека.

– Не за упрощением я приходил, а за глубиной.

Сначала говорила, лишь бы кто вперёд не сказал, а уже потом начинала думать. В речи её сквозила категоричность, как будто она вещала истины в последней инстанции. Всегда старалась оставить за собой последнее слово. Если ей возражали, лицо покрывалось красными пятнами, а глаза мутнели. Впрочем, про глаза уже было.

В ней жил дух противоречия.

В русском языке для характеристики таких людей существует выражение «поперечный». Все её разговоры по сути сводились к тому, что кто-то ей что-то должен. Ещё она, несомненно, была авантюристкой и комбинатором (комбинаторшей?). Хотя эта черта присуща большинству женщин и сами они почитают её за достоинство. При любой возможности старалась завести нужные связи.

Вся её жизнь прошла в непрекращающейся борьбе с врагами, которых она сама же себе и создавала. Виноваты в этом, были, конечно, все остальные, но только не она.

Как мне этого не хотелось, но летом я был вынужден искать в городе квартиру. Возле нашей комнаты в коридоре стоял противопожарный ящик с песком – излюбленное место курения для полуночников. Слышимость абсолютная. Студенты – они только в кино в очках и малохолые, в реальности – собаки, да ещё матершинники. Выходил, уговаривал, выпроваживал. На смену одним приходили другие.

Кроме того на ящике любили «торчать» парочки. Эти ворковали почти до утра.

– Я так больше жить не хочу, – нервно сказала жена. – Я не могу спать.

Квартиру нашёл на удивление быстро. Доехал на трамвае до 15-й Северной, пересёк пустырь и пошёл по улице. На воротах одного из домов висело объявление. Отдельное строение в глубине двора. Обшитый рубероидом тамбур, маленькая кухонка с печью, комната. 40 рублей, топка своя. Заплатил хозяину за три месяца вперёд. Осенью переселились туда окончательно.

Ближе к уборке перебрался к ребятам с нашего факультета. Учхоз по привычке выезжал на студентах. Нас жило человек пятнадцать в одной комнате. Никуда не спрячешься, весь как на ладони.

Редко когда я встречал в глазах людей такую явную симпатию и обожание в отношении себя, какие читались в их взглядах. Я искренне платил им тем же. Честная кочевая жизнь, перебор гитарных струн, бесконечные ночные разговоры о красоте, идеале, смысле жизни. Судьба дарит иногда удивительные встречи, о которых вспоминаешь с благодарностью всю оставшуюся жизнь.

Давным-давно во французском городке Шартр строился огромный собор.

Один мудрец, всю жизнь пытавшийся найти ответ на вопрос: «В чём смысл жизни?» во время перерыва подошёл к трём уединившимся в тени рабочим и задал им один вопрос: «Что вы делаете?»

Первый ответил сквозь зубы: «Таскаю тяжёлые тачки с этим проклятым камнем!»

Второй сказал добродушно: «Что делаю? Зарабатываю на кусок хлеба, чтобы прокормить жену и детей.»

А третий распрямился, вытер с лица капли пота, широко улыбнулся и гордо сказал:

– Я строю Шартрский собор!

Шарага, спёртый воздух, стоны и храпы уставших за день и задремавших к полуночи ребят. Проснёшься среди ночи, взглянешь в лунном свете на их лица – жить дальше хочется.

И ощущение чистоты, как тогда, в детстве.

Возможно, фотография существует в единственном экземпляре. Буду рад, если кто-то узнает себя на ней. Лохматый парень в тельняшке слева от меня – Николай Кузнец. Он потом стал проректором нашего института. Девушка справа от меня – первая жена Тимура.

Володя Коптев разжился собственным транспортом. Бригада выделила ему маленький колёсный трактор Т-25, на котором он приехал ко мне в гости похвалиться, а я, как человек семейный и хозяйственный, тут же попросил его помочь заготовить дрова. Мы прицепили к трактору трос и поехали на лесозаготовку. Иртыш – могучая река и она много чего несёт на своих водах. В том числе и лес (брёвна), которые на поворотах выбрасывает на берег. Местные жители брезгают ими, но мне было не до жира. За выходной день мы натащили тросом кубов пять, разных пород и конфигураций, в том числе и с комлями. В следующий выходной раздобыли циркулярку и попилили брёвна на

чурки. Потом я их расколол и сложил в поленицу, ожидая неведомой пока оказии в город.

За время практики нам пришлось присутствовать на нескольких районных совещаниях. На них мы с интересом узнали, что в Таврическом районе есть лидер – ОПХ «Новоуральское», принадлежащее СибНИИСХозу (Сибирскому научно-исследовательскому институту сельского хозяйства) и «недоразумение» – «Учхоз №2», принадлежащий ОмСХИ. Если в первом урожайность зерновых культур приближалась к 30 центнерам с гектара, то во втором не дотягивала и до 15. Слово «Учхоз» в разговоре произносилось с извиняющей улыбкой. В приличном обществе о нём пытались не упоминать.

Выступали экономисты. Из ОПХ и из районного управления сельского хозяйства. Наверное, они олицетворяли его будущее. (*Сельского хозяйства.*) Молодые ребята в костюмах и галстуках, хорошо ещё не в смокингах. Умные до невозможности. Это потом по жизни я понял – легко быть умным, когда есть что считать.

Надо сказать, что в отношении «Учхоза» принимались меры. Был сменён директор и незадолго до нашей практики новым стал бывший главный зоотехник Бридер, суровый мужчина лет 50-ти, в очках, с изборождённым глубокими морщинами лицом.

Та же участь ожидала и главного агронома, но того пока держали, ища подходящую замену. Забегая вперёд отмечу с радостью, что положение более-менее удалось выправить, и, судя по найденным мной в Сети материалам, уже в следующей пятилетке средняя урожайность зерновых составила 18 ц/га. Для Сибири это очень неплохо. Впрочем, конец социалистического земледелия был уже не за горами. Привет, ребята в галстуках! Это я не злорадствую, это я плачу.

– В 1981 году ОПХ «Новоуральское» было награждено орденом «Трудового Красного Знамени». (*Редчайший случай. В Кокчетавской области было более 220 хозяйств и ни одного ор-*

денозного, да и в Омской области я о таких не слышал, пока там находился.)

– За годы перестройки и реформ в ОПХ произошли негативные изменения: резко снизилось поголовье скота, урожайность опустилась до уровня сороковых годов. С 1994 года полностью прекратилось строительство жилья, не ремонтировались дороги. Хозяйство было признано банкротом и сегодня его земли берёт в аренду «Омский бекон».

Конечно, со временем ситуация в замлдедии стабилизировалась. Но прорыва не произошло. Сегодняшнее руководство области ликует, если по валовому сбору зерна удаётся выйти на показатели «застойных» лет.

Началась страда. Все газеты кричали об уборочных комплексах. Идея витала в воздухе, но только на следующий, 1977 год, она получит официальное название – «Ипатовский метод уборки урожая». Ставропольцы заявят о себе на всю страну. Коротко и грубо суть его будет сводиться к тому, чтобы собрать все имеющиеся силы в один ударный кулак и за 4 дня весь хлеб свалить, а затем, работая по 20 часов в сутки, за 8 дней обмолоить. Немедленно свакивать солому и на освободившиеся поля загонять трактора для вспашки зяби.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Колонна из 35-ти комбайнов с жатками, с развевающимся Красным знаменем, с технической услугой подъехала к первому намеченному для свала полю и недоумённо остановилась. Недоумевали все. Директор, гл. инженер, парторг, комбайнеры. Недоумевал даже тот человек, который был начальником комплекса, должен был всё предусмотреть и дать команду на предварительные действия.

Поле было не раскошено.

Главный агроном, который не на своём месте, приносит хозяйству больше ущерба, чем десять немецких диверсантов, вооружённых огнемётами. Сорок лет прошло с того дня, но я до сих пор не простил его. Нет срока давности некомпетентности.

Пока обкосили в вдвоенный валок края, пока разбили на загонки, чтобы жатки могли в них зайти, пока поели, прошёл день. Таких нераскошенных полей впереди было более тридцати. *(Косят зерновые поля поперёк сева, чтобы валок ложился на стерню и продувался, а не проваливался между рядами.)*

Собрали экстренное совещание. Мы, трое стажёров, были приписаны к отряду. Володя крутил руль своего трактора, а мы с девчёнкой сидели на крыльях и держались за железяки каркаса, чтобы не свалиться под колёса.

О той поре у меня сложилось впечатление, что люди там ждали какой-то команды, которую они с удовольствием бы исполнили. За Манякиным они так привыкли. Обком партии рулил сельским хозяйством области, рулил толково, грамотно, но ведь это были общие указания, надо же и свою голову на плечах иметь. На тот момент головы там не было. Голова уборки – главный агроном.

Бридер метал громы и молнии. Как ускорить темпы? Как сделать, чтобы комбайны не простаивали? Ведь всё сделали, как было рекомендовано, и вот на тебе...

Я нетерпеливо ждал, когда кто-нибудь встанет и предложит решение. Оно лежало на поверхности и кричало. Но его не слышали. Совещание закончилось общими призывами. И тогда я не выдержал.

Повернулся к Володе, сказал ему пару слов, он в ответ утвердительно кивнул головой и я поднял руку.

Не помню, что говорил вначале. Наверное о том, что существует стратегия, но она мало чего стоит без правильной тактики. У нас, стажёров, есть план. Для того, чтобы разрулить ситуацию, мы предлагаем выделить нам 4 комбайна, Володин трактор и машину для подвозки запчастей и питания. Мы будем раскашивать все совхозные поля в очерёдности, какую нам укажет главный агроном.

Это было единственное практическое предложение за весь вечер и его приняли единогласно.

Наутро мы стали агитировать комбайнёров вступить в наш отряд, но желающих не оказалось. На раскашивании полей норма по сравнению с обычной косовицей уменьшалась только на 15%, а там на одни переезды и ожидания уходит до трети времени. Я на попутке помчался в центральную контору и **убе-дид** главного экономиста, что **для пользы** дела норму на раскашивании надо уменьшить вдвое.

По моему возвращению из конторы от желающих не стало отбоя. Мы отобрали четырёх самых опытных, ориентируясь на возраст.

Рассчитали по формуле окружность колеса трактора, приварили к ободу кусок трубы. Вставили в неё палку с яркой тряпкой на конце. Пока комбайны обкашивали края, Володя успевал проехать по дороге и, считая число оборотов колеса, выставить на обговоренных расстояниях вешки. То же самое на другой стороне делал я с сажнем.

Затем два комбайна становились возле вешек с одной стороны поля, а другие два с противоположной стороны ехали на них как на ясно видимые ориентиры. Это была не прихоть. Это была геометрия, как в Древнем Египте. Если пренебречь точностью, то на загонке могло под конец косовицы образоваться «пузо» или «клин», которые снижали производительность труда.

Никогда не забуду случай, когда при раскосе одного поля (это было ещё до описываемых событий), приказал комбайнёру ориентироваться на видимый вдали отдельно стоящий ориентир. Я стоял и наблюдал, когда «ориентир» пришёл в движение. То был, оказывается, теплоход с высокой трубой. Трубу было видно, а теплоход нет. Комбайнёр, уважавший меня и не желавший ослушаться, последовал за ориентиром. Вот это был «клин»!

Когда комбайны были уже на середине поля, навстречу им, сдвинувшись на 6 метров в сторону (ширина жатки) начинали ехать стоявшие. Таким образом получался сдвоенный валок.

Затем всё повторялось. За 3-4 часа мы готовили поле и переезжали на следующее. Жатки больше не простаивали.

Когда раскосили все поля, следили за качеством уборки, регулировали комбайны, контролировали работу токов.

Директор при встрече здоровался со мной за руку, сажал к себе в машину, называл Виктором Михайловичем и когда было уже поздно (вторая половина ночи) подвозил до общежития. Характеристику выдали превосходную. Хорошо, что мы отчитывались отдельно, мне было бы неловко перед моими товарищами, потому что мой руководитель Виктор Андреевич заявил, будто Бридер сказал ему в разговоре, что я показал себя на голову выше остальных. А может он имел в виду своих специалистов?

Главный агроном, фамилию которого я не запомнил, был мужчиной лет 35, внешностью напоминающий киногероев 50-х годов, того же Ивана Бровкина, ходил в яловых сапогах. Не знаю почему, но сапоги раздражали меня невероятно. Я ничего не имел против, если их носили военные или милиционеры. Но гражданский в яловых (хромовых) сапогах вызывал в моём сознании образ кулака или подкулачника.

Откуда?

Не знаю, наверное из кинофильмов и книг, но он сидел в моей голове прочно. У отца не было хромовых сапог, вернее, он успел сносить пару, привезённую из Сибири, до моего вступления в осознанную жизнь. Потом ходил в кирзовых и резиновых, по праздникам в ботинках.

Любимым занятием шефа было вспоминать, как он хорошо учился в своё время на нашем факультете и его послали на такую же, как у нас, практику, в Курганскую область к Терентию Семёновичу Мальцеву. У физиков есть Эйнштейн, у генетиков Мендель, у драматургов Шекспир, у агрономов – Мальцев.

Он так и говорил: – Я ученик Мальцева!

Не знаю, чему его успел научить Терентий Семёнович, но агроном он был весьма посредственный. Может быть дей-

ствительно много знал, но применить в деле свои познания не мог.

Ну какой, к чёрту, тут Мальцев. Сдвоенный валок и тот на фотографии не различим. Смотреть больно.

Специфика нашей работы заключается в том, что нужно уметь принять решение, из многих вариантов выбрать один, самый верный и убедить в этом остальных.

А если не убедил, но нутром чувствуешь, что прав, надо заставить это сделать.

Редко я встречал среди нашей братии таких нерешительных людей. Впрочем, решительные без компетенции, приносят ещё больше вреда. Он не продержался бы на своём месте и года, если бы не его жена, которая работала семеноводом. У неё как раз были те черты характера, которых Бог ему не дал.

Это обмолот. Комбайн с кабиной, значит СК-5 «Нива».

Она моментально оценивала ситуацию и выдавала готовый рецепт действий. Вот этой хватки я от неё и поднабрался.

«Учхозы» это ведь не только места, где эксплуатируют труд студентов, это ещё и утверждённые государством семеноводческие хозяйства. У них поэтому токовая инфраструктура более развита по сравнению с обычными хозяйствами. Получают суперэлиту для размножения, зимой затаривают зерно в мешки и продают потом элиту совхозам по полуторной цене.

Буду заканчивать рассказ о практике. Опишу случай, когда мне в практическом деле пригодился опыт комсомольской работы и произошло это на глазах у свидетеля. Свидетелем был главный агроном.

В Учхозе кроме своих людей на комбайнах работали студенты третьего курса мехфака. Этот парень один из них. Я со временем научился прилично делать регулировки, поэтому от меня не отмахивались и относились вполне дружелюбно. К тому же за мной оставалось право на 15% штрафа.

Мы встретились на поле и я попросил его довезти меня до моего тока. Было около десяти часов вечера. По пути заехали на ток другой деревни. Семеноводша строго-настрого приказала, чтобы на нём к утру подготовили площадку под «элиту». Заведующий током развёл руками:

– Нет людей.

– А студенты?

– Они работали весь день допоздна и больше не соглашаются..

Поехали к общежитию. Главный пошёл договариваться. Я остался курить возле машины. Меня этот вопрос не касался.

Так. Пейзаж и жанр. Что-то мы по ходу дела решаем. Слева толковый комбайнёр, за ним спина шофёра, я, спина Володи Коптева и два представителя самой суровой сельской профессии – бригадиры тракторных бригад.

Через десять минут он с обескураженным видом вышел и пожаловался, что не хотят.

Я поперхнулся дымом уже второй сигареты.

– Кто не хочет? Студенты что-ли?

– Уговаривал, уговаривал, ни в какую.

– Подождите меня пару минут, они сейчас в очередь будут становиться, чтобы им дали поработать.

Открываю дверь, сквозь сигаретный дым вижу настороженные лица (совесть ведь никуда не пропадает, даже если ты уже исполнил свой официальный долг), нахожу глазами главного (в таких ситуациях он есть всегда) и, глядя на него, прямо с порога говорю:

– Привет, мужики! Кто хочет заработать? Есть калым.
– Сколько?
– За три часа по шесть рублей. Нужно пять человек. Работа срочная, можно управиться быстрее. Наряд получите на руки.

– Я пойду, я пойду!
Зашевелились все, но я приказал главному:
– Возьмёшь с собой четверых, через полчаса встретимся на току. Я подготовлю бумаги.

На току за семь часов можно было по существующим расценкам заработать 2 рубля 70 копеек.

– Пишите наряд на 30 рублей, фамилии вставьте позднее, я их тоже не знаю. При экстраординарных ситуациях и меры должны быть экстраординарными. Собирайте всё, что можете, чтобы выйти на эту сумму. Больше вам никто не поможет. Поторопитесь, студенты сейчас подойдут.

В своей жизни я не встречал людей более толковых, чем заведующие токами. Привыкшие ходить по лезвию бритвы они были отзывчивы на формальные нарушения исходящие от своего вышестоящего начальства, как на доказательство того, что их к ним принуждали. Компромат использовался крайне редко, только если речь заходила об уголовном преследовании. В обычной жизни это были невероятно ответственные люди, думающие в первую очередь о пользе дела.

– Ну ты даёшь! – восхитился главный.
– Детская забава. С деньгами любой сделает, – подумал я, – а что бы ты сказал, если бы знал, что такие вещи мне приходится совершать на одном убеждении.

Вначале так и хотел поступить, причём совершенно не сомневался в успехе, но в последний момент передумал, время поджимало.

– Знаешь, я тебе верю, – говорит Мир. – Ты такой дурак, что за тобой можно и пойти. А был ли какой необычный случай, который больше всего запомнился?

– Был.

Во время посевной в одной деревне случилось гуляние. То ли свадьба, то ли ещё что. Как водится, были приглашены почти все жители. Вечер гуляют, день похмеляются. Руководство подстраховалось и нас, троих практикантов, бросило на прорыв, чтобы мы в этот второй день заменили сеяльщиков. Собрались. Ждём тракториста. Приходит невзрачный мужичок-пенсионер в чистых брюках, белой нейлоновой рубашке, начищенных ботинках и соломой в волосах. Жмём руки. У него ладонь как деревянная, одна сплошная мозоль. Обычно мозоли натруживаются на подушечках пальцев, а тут сплошная. Это от вил и лопат, если работать много и без рукавиц. Раньше такие люди по сёлам встречались чаще.

В глазах огонь и боль. Он тоже был на гулянке, почти до утра, поругался с женой, домой не пошёл из-за принципа, покемарил три часа в скирде, и вот заводит трактор. Он не обязан, уже год на пенсии, но управляющий его попросил и он дал слово.

Посевная!

– Ну, ребята, а теперь держитесь!

Я однажды видел фото из времён Отечественной войны. Пулемёт «Максим» и пулемётчик, сжавший зубы и прищуривший глаза в ожидании атаки. Сразу становилось ясно, что немцы пройдут дальше только через его труп.

Сцеп рядовых сеялок носился по полю, останавливаясь только для заправки семенами. Маркёры мы поднимали и опускали на ходу. Задул ледяной пронизывающий ветер по направлению сева. Когда мы ехали (неслись!) по полю в одну сторону, пыль от 15-метрового сцепа срывалась и накрывала тёмным облаком трактор. Сев – процесс ювелирный, там всё время надо следить за следом маркёра. Наш тракторист в своей нейлоновой рубашке по пояс высывался из кабины, чтобы его не потерять. На обратном пути пыль от трактора накрывала сцеп и наши лица и одежда покрывались её слоем.

Приехал бригадир, привёз бутылку водки и рабочую одежду, видать жена передала.

– Похмелись!

– Нельзя, сеять надо трезвому. А переодеваться нет смысла, всё равно уже всё от мазута пропало.

Две с половиной нормы, выполненные нами за десять часов, не показались чем-то особенным. И если бы сейчас подошёл какой-нибудь неосторожный агрономишко и сказал, что штрафует нас за превышение скорости на 15%, я бы его не только послал, но и указал направление. Агроном должен иметь такт и знать, когда можно играть со штрафом, а когда нельзя.

Задумываюсь о жизни и представляю себе маленькую Русь 15-16 веков, со всех сторон окружённую врагами. Как она выстояла и расширилась, стала великой державой. Потом распалась, но не погибла. В эти минуты я часто вспоминаю того яростного мужика из моих лет, которого мне посчастливилось встретить. Пока в стране есть такие люди, надежда остаётся.

– Нет, что ты, я когда выпивал по-большому, уже не мог работать, отлёживался два-три дня. Болел.

У нас такой привилегии не было.

Последние дни практики жил с командированными из Омска шоферами. Студенты уехали на занятия. Шофера – народ своеобразный, свободолюбивый. На язык острый. Но меня они не обижали и не подначивали. Я был одним из них, такой же заложник уборки, как и они. Помню, как ночь провёл на току, надо было, работал на веялке (нам деньги не платили), утром лёг на кровать и провалился в забытье. Услышал шум, потом голос:

– Тише вы, не видите, человек отдыхает.

Никто не хотел везти мои дрова. Ехать по Омску на грузовой машине – себя не уважать. И только один согласился, когда я уже отчаялся. И денег не взял. Есть люди, которые действительно выше остальных на голову.

А это я отчитываюсь на кафедре растениеводства за практику. Мы брали данные из годовых отчётов хозяйства и анализировали их. В те времена во мне ещё не проснулся аналитик, он проявится позже, уже после окончания института.

Глава 29

«ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ»

Каждая книга имеет свою внутреннюю стройность и логику. Моя тоже. Я пытался вставлять в неё некоторые абзацы из уцелевшей тетради, но они не вписывались в общую канву повествования. Тогда, 27 лет назад, я просто описывал события своей жизни, одно за другим, а в «Броуниаде» я их осмысливаю. Но не хочется, чтобы тот труд пропал зря, поэтому, следуя путём Николая Васильевича, делаю в свою книгу вставку. Это дань памяти тем тетрадям, «живым и мёртвым», и тем деталям жизни, которые не вошли в книгу. Они не займут много времени, основное уже сказано. Листаю страницы и вспоминаю.

— По весне, это ещё первый год был, к нам в комнату приходили девчата с курса и приглашали вместе отдохнуть. Набиралось человек 20.

Складывались, закупались. Рано утром ехали на вокзал, садились в электричку и отъезжали от города километров за 40. Сходили на какой-либо маленькой станции (Сыропятка?) и шли к лесу. Разводили костёр, готовили что-нибудь покушать, играли в мяч, бадминтон, даже в чехарду, фотографировались. Было очень весело, хотя пили чисто символически, немного хорошего вина, выбор в магазинах тогда ещё был. Совместный отдых носил совершенно невинный характер и оставлял после себя ощущение радости жизни и молодости.

Вечером собирались, шли на станцию и возвращались в город. В электричке стоял густой запах перегара и повсеместно слышался мат. Часто случались драки, но если на всё обращать внимание, никаких нервов не хватит. Поэтому мы стерегли толь-

ко своё «стадо», благо, что женщин никто не оскорблял, а разбирались пьяные парни между собой.

В одну из таких поездок в лесу случился пожар. Кто-то оставил не до конца затушенный костёр, уехал и после обеда лес полыхнул. Это было метрах в 500 от нас, мы бросились тушить, но так бестолково, что огонь только разбрасывался нашими ногами и шёл дальше. Потом догадались нарвать веток и стали сметать сухие листья в сторону огня. А вначале я сорвал с себя рубаху и тушил ею. Где-то сильно обжёг руку, потому-что лез в самое пекло, но мне было хорошо, более внимательные, чем всегда, девичьи взгляды целили мои раны лучше любого бальзама.

Потом приехали лесники, привезли лопаты и, часа через два, мы локализовали очаг. Помылись в ручье, одна из девушек дала мне свою косынку, я повязал её на шею, на голое тело натянул ветровку и в таком «приблатнённом» виде, с перевязанной рукой приехал в общежитие.

– Я всё делал, у меня в то время был даже некий политический фанатизм, но и ирония присутствовала. По крайней мере я мог посмеяться сам над собой. И постоянно занимался самообразованием. Учебные предметы само собой, но я в тот период увлёкся атеизмом и философией. В библиотеке старался найти что-то необычное, перелистывал десятки изданий в поисках живой мысли. И даже одна находка оправдывала все затраты времени на её поиск.

– Не Бог создал людей, а люди придумали Бога.

Вы спросите, когда же я читал? На лекциях, которые не были столь обязательны, а это полтора часа, в общежитии перед сном, это тоже пара часов. Ночью, признаюсь, любил поспать. В субботу, в воскресенье, в праздничные дни, на кухне, если твоя очередь готовить, в очереди в столовую. На собраниях не читал, не было возможности. Чаще всего сидел в президиумах. Там можно только в блокноте черкать. Наверное именно в те времена у меня стал формироваться вкус к книгам. Всё ведь невоз-

можно прочесть, поэтому надо знать, как правильно плавать по книжному морю. Ну и выбор должен быть соответствующим. Институтская библиотека меня уже не удовлетворяла. Блата не было, а хорошие книги всё время находились на руках.

– В той комнате, куда я перебрался после второго курса, царил культ Бахуса. Олег, Вася, Боря, я и примкнувший к нам Юра ему поклонялись и приносили жертвы. Неделя проходила в трудах и заботах, а вот в субботу после обеда мы решали культурно отдохнуть. *(Я уже касался этого сюжета в связи с танцами в общежитии, но здесь интерес в другом, посмотреть, что же происходило в субботу за закрытыми дверями комнат, вернее, за нашей дверью.)*

Отправлялись в город за покупками. Старались купить что-то повкуснее – колбасу, немного буженины, копчёной грудинки. Летом на рынке брали зелень для окрошки и овощи. Квас продавался сладкий и окрошка получалась своеобразная на вкус, но съедали. Оставшиеся огурцы и лук просто выкладывали на стол. А самое главное, мы искали хорошее вино. Не сухое, упаси Бог, но и не «Рубин» с «Солнцедаром». Креплёное, но светлое. Портвейн, вермут. Иногда приходилось объезжать 4-5 магазинов, но то, что хотели, мы находили.

– Где деньги брали, студизусы? – интересуется Мир.

– Кто его знает, откуда-то находились. Я имел свои стабильные 70 рублей в месяц, присылаемые из дома, Вася с Юрой, пожалуй, довольствовались большей суммой. Мы не совали нос в чужие финансовые дела. Точно знаю, что труднее всех приходилось Олегу, он, как образцовый студент жил практически на одну стипендию в 40 рублей. К тому же он был городским, из Тары, мать хозяйства не держала. Покупал на месяц талоны в нашу столовую, по которым завтрак и ужин обходились по 25 копеек, а обед по 35. Калымили. Олег чаще, чем мы. Один раз десять рублей нашли на улице. Из дома продукты привозили, экономили в течение недели. Картошку на сале жарили, суп варили.

Часам к 6 накрывали в комнате стол, застилая его газетами, и вот уже шёл первый тост:

– За наших неверных жён!

– За ваших неверных жён, – как всегда уточнял Юра и мы выпивали. Не было ещё их у нас, не ведали мы своего счастья. Просто это была наша традиция, как и полный первый стакан вина каждому. Его старались брать побольше, 2-3 бутылки на человека. Была заветная мечта встать утром в воскресенье и похмелиться остатками. Правда, этот вопрос интересовал в основном Олега, я, например, до сих пор почти не знаю, что это такое. Встаю и иду работать.

Но сколько бы мы его ни покупали, до утра не оставалось ни капли. В этом виделась какая-то чертовщина.

Вина поначалу было достаточно, еды мало. С каждым стаканом она таяла и вот оставалось всего несколько кружочков колбасы. Их разрезали ещё на 8 частей и трапеза культурно продолжалась. Состояние опьянения не вызывало отрицательных эмоций. Процесс перехода к иллюзорному восприятию мира происходил плавно. Вино было вкусным, организмы здоровыми, времени до утра много, впереди воскресенье. Мы с Васей курили в форточку, остальные были некурящими.

Ум делался гибким, тело обретало лёгкость, желания становились романтическими и благородными. К тому же под оправдание этих субботних застолий нами был подведён философский фундамент.

Во-первых, нам предстояло работать на селе. Ни для кого не было секретом, чем там занимаются люди в свободное от работы, а некоторые и в рабочее время. Особенно после получки. Нашей целью было научиться пить, чтобы разговаривать с ними на одном языке. Но цель была ещё и высокой – пить наравне, но силой воли заставлять себя быть трезвым, по крайней мере сильно не пьянеть. Свои застолья мы воспринимали как практические занятия. После 5-6 стаканов начинали следить друг за другом – кто быстрее опьянеет. В доказательство своего полно-

го невосприятия алкоголя ходили по одной доске, отжимались от пола, приседали с сожжённой спичкой между пальцами.

Во-вторых, мы считали вино лечебным средством от болезней желудка. Приводились примеры, когда непьющие ребята выходили из стен института с гастритами и язвами, а умеренно выпивающие краснощёкими здоровяками.

В-третьих, кто не пьёт, тот или подлец, или предатель.

А вот водку не уважали, она займёт свою нишу позже.

Когда кончалась еда, ребята прибирались на столе и начинали играть в карты. Я к игре был равнодушен, поэтому сидел на своей кровати и с удовольствием читал очередную «умную» книгу.

Покой и умиротворение.

Потом вваливалась делегация «танцоров» и покой заканчивался.

Если бы мне, в другой жизни, предложили выбор, жить с алкоголем или без, я бы осознанно выбрал алкоголь. Он – не главное, для меня главное то, что ему сопутствует – место, компания, разговор, закуска.

Наша студенческая жизнь текла подобно песку в стеклянных часах, рассчитанных на пять лет. Но был случай, когда склянка могла запросто разлететься от удара и винить в этом было бы некого, кроме самих себя.

Эта история произошла весной или летом 1973года, когда заканчивался первый курс.

В одно из воскресений мы, ещё не жившие вместе, отправились прогуляться в город.

Отчётливо помню четверых: Юру, Олега, Васю и себя, возможно, был кто-то ещё. Ходили по центру. Где Омка перед вливанием в Иртыш, мост, улица Ленина. Там сегодня бронзовая фигура дореволюционного городского стоит. Проголодались. Купили в магазине трёхкилограммовую банку маринованной сельди, колбасы, хлеба, несколько бутылок вина. Стали искать место, где присесть и пообедать.

Всё-таки бывают на свете случаи коллективного помешательства. Я про якутов писал, как они отдыхали возле нашего института и через костёр прыгали. Умнейшие люди – в лесу и ночью. Мы же со своей селёдкой расположились прямо на траве у кустиков, буквально в 20-ти метрах от сегодняшнего бронзового городского. Дети лесов и степей.

Единственное, что могу сказать в наше оправдание, мы не хотели никого обижать. Кусты нас прикрывали со стороны улицы, а по набережной Омки ходило мало людей, наверное рыскали по магазинам. К тому же недалеко стояла мусорка, куда можно было выбросить пустые бутылки и банку.

Наверное мы успели выпить по разу из складного пластмассового стаканчика, который практичный Олег всегда брал с собой на прогулки. Дальше всё происходило как в кино. Со стороны моста на дорожку, скрипнув тормозами, влетел милицкий «ГАЗик». Разом открылись дверцы и трое милиционеров бегом кинулись к нам. Их решительность и азартный блеск глаз не предвещали ничего хорошего. Если бы они шли спокойно, их бы дождались, чтобы объясниться.

– Бежим! – заорал Олег и мы прыснули воробьями. Я успел ещё заметить странное выражение Васиного лица, которое то ли оцепенело при виде стражей порядка, то ли выразило презрение к ним, но он даже не пошевелился. У остальных была здоровая реакция. Олег рванул на улицу Ленина, где было многолюдно, я каким-то гигантским прыжком с места перескочил через кусты и понёсся в противоположную сторону, к другому мосту. Краем глаза заметил, как, взбрыкивая хромой ногой, в том же направлении, но ниже, по дорожке сайгаком скачет Юра, а за ним гонится милиционер. Оглянувшись я увидел, что мой потерял надежду и возвращается.

Злые от досады менты не дали сказать Васе ни слова, заломили руки и силой затолкали в машину. *(А вот интересно, куда делось наше вино, хлеб, колбаса и селёдка, мы ведь банку не успели открыть.)* Его, практически трезвого, отвезли в медвы-

трезвитель, забрали одежду, выдали простынь и выделили кровать в холодной комнате. Это был конец. Если из вытрезвителя приходила на институт бумага, студент исключался.

Мы с Юрой встретились на мосту. И вот с этого момента буду рассказывать о человеке, которого я стал тогда уважать и сохранил это чувство на всю оставшуюся жизнь. Есть на свете порядочные люди, обладающие к тому же ещё и твёрдостью характера.

– Надо выручать, – сказал Юра. Я подтвердил желание, – Но как?

Мы разыскали вытрезвитель и стали объяснять дежурному, что один из их клиентов попал к ним случайно.

– А, так это вы, один Хромой, другой Длинный. А где третий стрекозёл? Давайте быстрее идите отсюда, а то ребята подъедут, они на вас злые. Хотя, конечно, молодцы. Товарища выручаете. Но я вам ничем помочь не могу. Мне команду дадут, я выпущу. Ищите кого-нибудь, кто нашему начальству пожалуется, а оно мне команду даст.

Мы стали искать. Сначала среди военных в большом чине. Подходили на улице и рассказывали свою историю. Когда доходило до слова «вытрезвитель», контакт прерывался. Лишь один майор проявил интерес к нашему положению и согласился помочь. Заверил нас, что все менты у него «давно схвачены». Только попросил опохмелиться. Мы, рассчитывая на успешный исход дела из последних денег купили ему бутылку коньяка и смотрели, как в какой-то подворотне он в несколько приёмов перелил её в себя. Потом он неожиданно стал нас воспитывать и распалился до того, что отказался помогать «всяким пьяницам». Он выказывал свою подлость явно, его глаза бегали из стороны в сторону, он боялся, что мы станем его бить. С невыразимым наслаждением я плюнул на сапоги этого дерьма, Юра сделал то же самое.

День начинал клониться к вечеру. Улицы пустели. У нас не оставалось ни денег, ни надежды. Но Юра не сдавался. Мы

поехали на квартиру к его сестре, которая училась в юридическом институте. Рассказали ей про свою заботу. Наверное она любила и уважала своего брата, который, несомненно, этого заслуживал, потому что деятельно принялась нам помогать. Своим спасением Вася обязан именно ей. Не будем забывать, что история случилась в воскресный день. Это она разыскала одного из своих преподавателей, а может и самого декана, объяснила, тот связался со своим бывшим студентом, находившимся в хороших чинах, короче, в вытрезвитель в конце концов позвонил помощник прокурора Центрального района г. Омска. В 9 часов вечера мы забрали холодного Васю из вытрезвителя. Дежурный проводил нас уважительным взглядом.

Мы никогда не вспоминали больше об этой истории. Олег сказал, что искал нас, но не нашёл.

Вино в СССР продавали и на разлив

Глава 30

ПЯТЫЙ КУРС

На последнем году обучения секретарь комсомольского бюро факультета гуманно освобождался от своей хлопотной должности. Пятый курс есть пятый курс. Тут и госэкзамены, и научный коммунизм, и политэкономика, и защита диплома, и военные сборы. Осенью после отчётно-выборного собрания я передал дела вновь избранному секретарю, которая (Света Зайцева) была прежде моим заместителем и стал частным лицом. За мной остались только представительские функции.

Хозяином нашего домика был дядя Гоша, пенсионер, запойный пьяница с толстым пористым сизым носом и беззубым ртом. Удивительно, но запои совершенно не мешали ему отстроить большой деревянный дом, выходявший окнами на улицу и в идеальном порядке содержать двор и огород. Сдаётся мне, что и в своём Гортопе, где до пенсии трудился разнорабочим, он был не на последнем счету. Запойные – это особая разновидность алкоголиков, которые попьют, попьют, а потом навёрстывают упущенное. Ну и здоровья соответствующего, тяготеющего к железному. Обыкновенный выпиванец запоя не выдержит, зажмурится.

Ворота с улицы откроешь, собака гавкнет, дед из окошка глянет, кто пришёл, и опять тихо. Он один жил, бабка его год назад умерла, он сильно тосковал, «голубкой» называл. Я с октября до мая был свидетелем двух его «погружений». Трудно сказать почему, но это было предсказуемо. При мимолётных встречах слово «голубка» произносилось всё чаще и наступал день, когда он шёл в магазин, покупал ящик водки, ставил под

кровать, заносил 3-4 охапки дров и начинал пить. Может и закусывал чем поначалу, но потом ему кусок в горло не лез. Неделью, а то и больше так жил. Протопит изредка печь и опять на кровать. А не позволял, чтобы к нему заходили и воспитывали, очень независимый был. *(Собаку то кто кормил?)*

Как ящик кончался, он начинал меня караулить. Я во двор, он в окошко стучал, рукой махал. В комнате не продохнуть от перегара, всё запущенным выглядело. Холодно. Дед с недельной щетиной сидел в кальсонах на кровати и трясся. Просил, чтобы я в магазин сходил и бутылку принёс.

– Эту выпью, и всё!

И правда, наутро уже во дворе копался. Слабый ещё, но постепенно в норму входил.

Жили мы как два суверенных государства. В гости звали. Он иногда заходил, но чаще отказывался. Выпивал пару стопок разведённого спирта и уходил.

– Чему ты удивляешься? Я же сказал, что жена моя была хозяйственная, а на кафедре ректификат был. Сэкономить с умом всегда можно. А дед между запоями остерегался помногу пить. Выпив, любил вспоминать, как до нас в домике жил майор с семьёй, переведённый в Омск из Германии.

– У него одних только коробок с вещами три машины было, – гордился постояльцем дядя Гоша. Вон там, под брезентом лежали. И в доме всё забито. Мы с ним исключительно коньяк пили, пока он квартиру не получил и не съехал.

Топили раз в сутки, вечером. Ночью было жарко, но к утру выстывало. Дров моих хватило до февраля. Столкнувшись с проблемой, я с удивлением сделал открытие, что в городе дрова заготовить легче, чем деревне. Дороже, но легче. Нужно только съездить в Гортоп, сделать заявку, заплатить деньги и ждать несколько дней, когда их привезут и выгрузят возле дома. Чурки. Сырые. Половина осина. Но это у меня стрессовая ситуация. Поколот, сушили поленья возле печки. Ничего, подсыхали и горели.

Дядя Гоша немного позже продемонстрировал мне, как это надо делать **правильно**. Он собрался «заготовить» дрова для следующей зимы (при морозе они легче колятся), поехал в Гортоп, сделал заявку, заплатил деньги и через два дня ему во двор вывалили огромную кучу исключительно берёзовых и сосновых чурок.

На мой завистливый взгляд он с усталостью мудрого человека ответил:

– Не жадничать. Подход к людям иметь.

Из дальнейшего его рассказа я узнал, что он взял бутылку водки, пошёл к мужикам, которые эти дрова пилят и грузят и отдал им её.

– Вам легче, вы там работали, вы их знаете.

– Неважно. Главное, не заискивай. Они «скользких» не любят. Бутылка должна быть как знак уважения к их труду, а они тебя за твоё уважение тоже уважат. Есть и среди них гнилые, но их немного.

Не складывалась у нас совместная жизнь: вроде вдвоём в доме, а всё как чужие.

Я уж по всякому хотел её развеселить, гостей приглашал, своих ребят и с её курса, которые в городе оставались или на день-два заскакивали в институт провести. Нет веселья, о чём ни заговорим, у неё на всё своя теория, никого слушать не хочет, а под конец ещё моих товарищей алкашами обзовёт и из кухни демонстративно в комнату уйдёт. Не стали ко мне ребята приходить. Вообще тоска.

Научный коммунизм и политэкономия сдал отлично. С дипломом вышла неувязка.

Как я уже говорил, моим научным руководителем был Виктор Андреевич Ананьев, заведующий кафедрой растениеводства. Внешность у него была своеобразная, по крайней мере я учёных такими не представлял. Лицо в резких морщинах, без особой утончённости, хотя очки он носил. А за очками – глаза, умные, хитроватые, но с затаённым страданием. Я с ним часто

общался, даже дома у него был, поэтому всяким видел. Как-то про зарплату речь зашла:

– Вам хорошо, вы вон в месяц 300 рублей получаете.

– 350. Но ты запомни одно. Чем больше у тебя денег, тем больше их тебе не будет хватать.

Лекции он читал чудесно, со всякими примерами. Они были одними из немногих, на которых я демонстративно садился за первый стол.

А вспомнить ему было о чём. Работал после института агрономом в Хакасии. Потом лет девять директором совхоза. И всё время опыты ставил, будучи директором и защитился.

Обстановка на кафедре, или, как теперь говорят, психологический климат, были нездоровыми. Коллеги его не любили, он им отвечал тем же. Это моё субъективное мнение, но я умел читать взгляды. Кафедра растениеводства ОмСХИ, как и другие кафедры института – это небольшая комната со столами для преподавателей и отгороженный угол для заведующего. На последнем курсе в том закутке я бывал часто.

Скажу честно и прямо – я не имел склонности к научной работе, мне было скучно ей заниматься. Что требовалось – делал, но не более того. В науке ведь как? Гении стену незнания проломают, а тысячи человек сто лет потом обломки и камешки подбирают и изучают. Тоже нужное дело. Но на любителя.

И Виктор Андреевич по долгу службы изучал. Всё как положено. Но когда и где он упёрся лбом в собственную стенку, я однозначно вам сказать не могу. Наверное повезло.

Задумал он в нашем достаточно консервативном занятии заглянуть в дебри, куда мало кто совался. Стал он нащупывать причины урожаев или, наоборот, неурожаев, в космосе. Солнечная активность. Числа Вольфа-Вольфера. Цикличность. Высшая математика. Накладывал графики солнечной активности на урожайный ряд различных регионов за много лет и получались очень интересные совпадения. Зная прошлое, можно было предсказывать будущее, потому-что солнечная активность тоже

прогнозировалась. Он оторвал взгляд от земли и посмотрел на небо.

Это вызвало недоумение его собратьев по науке. Сегодня я склонен думать, что они были правы. Урожай создаётся в первую очередь на земле. Последующие исторические события показали, что мы тут такое сами можем сотворить, что солнцу с его активностью и не снилось. Я склоняюсь к этому мнению ещё и потому, что через 5 лет, шаг за шагом, повторил путь своего учителя. Самостоятельно, по учебнику, изучил необходимые разделы высшей математики, по многолетним данным урожайности по Кокчетавской области (48 лет), Арык-Балыкскому району и нескольким совхозам, наложенными на график солнечной активности написал работу, которая по своей внутренней сути мало отличалась от кандидатской диссертации В.Ф. Стукача, которую тот защитил в Целиноградском СХИ на материале Северо-Казахстанской области, и которая называлась «Система экономического планирования для хозяйств Северо-Казахстанской области». Я разыскал её в институтской библиотеке, когда меня направили в Целиноград на курсы повышения квалификации. Ближе к теме не было ничего, если не считать статей Балтина.

Своим расширенным рефератом я удовлетворил исследовательскую амбицию, овладевшую мной в то время и понял, что написание кандидатской диссертации не было бы для меня чем-то трудным. Судьбе было угодно поставить меня перед куда более сложным **«вызовом»** (*А. ДЖ. Тойнби*). Отвечая на него пришлось сломать некоторые из существовавших в то время канонов возделывания зерновых культур на Целине и создать **собственную оригинальную** систему земледелия, которая в рамках одного хозяйства (с/х «Новосветловский») позволила уже на первом этапе в полтора раза увеличить урожайность и без применения гербицидов справиться с овсягом. Загнанный обстоятельствами в угол, я был вынужден принимать решения настолько рискованные, что вместо 19 съезда ВЛКСМ, на кото-

рый меня потом избрали, мог запросто с позором лишиться работы за явное вредительство. Наверное, правда, судьба любит смелых. *(Ну что же, заявку на третью книгу будем считать поданной.)*

Виктор Андреевич не был первым. Первым из наиболее известных был, наверное, А.Л.Чижевский, со своей книгой «Земное эхо солнечных бурь». Я держал её в руках, работал с ней, записавшись в районную библиотеку, проживая ещё в Куспеке, и хотел зажить даже за пятикратный по стоимости штраф, но совесть не позволила. Это был единственный экземпляр на весь район. Сегодня корю себя за нерешительность. Впрочем, денег на штраф тоже не было.

Чижевский был гением, сравнимым с титанами Возрождения, и физиком. Вспомним знаменитую «лампу Чижевского». А ещё он дружил с Циолковским и написал о нём книгу. В моей библиотеке она есть. Называется «На берегу Вселенной».

Земляному червяку агроному на небо смотреть не запрещалось, благословенный летний дождь приходил оттуда. Виктор Андреевич посылал свои статьи в различные журналы, причём не только сельскохозяйственные, но и математические. Их печатали. Это, видимо, вскружило ему голову и он решил выступить со своими прозрениями на областном агрономическом совещании. Это была зима или весна 1977 года. Его внимательно выслушали, а потом «размазали по стенке».

– Партия нацеливает нас на **неуклонное** повышение производства сельскохозяйственной продукции.

– Над полями ОПХ «Новоуральское» и «Учхозом № 2» светит одно солнце, но результаты отличаются вдвое. Вы не могли бы, как, **пока** заведующий кафедрой растениеводства, дать, наконец, действенные рекомендации **своему** хозяйству по повышению урожайности, а не дезориентировать нас вашими прогнозами. Мы, в отличие от вас, знаем, что урожайность будет повышаться, потому-что в достижение её вложены огромные средства, как материальные, так и интеллектуальные.

Манякин был прав, но и мой учитель тоже. В ту пятилетку, 1976-1980 г.г урожайность зерновых по области была рекордной (15 ц/га), но через десять лет, несмотря на куда более весомые вложения, только 12,9.

На мой сегодняшний искушённый взгляд смотреть на небо ты имеешь право только тогда, когда сделал всё возможное на земле. Изменить то, что происходит наверху, ты не в силах. Приспособиться – да! Но это тоже земная работа.

Там нет прямой связи по годам. Есть выровненный по пятилетним скользящим ряд, показывающий тенденцию.

Вы спросите, какое отношение это событие имело ко мне лично?

Самое непосредственное. По задумке Ананьева моя дипломная работа должна была быть посвящена именно теме взаимосвязи солнечной активности и урожая, а так же факторов, его определяющих, например, осадков. Все данные брались из открытых источников. Мои материалы по изучению сроков сева пшеницы тоже вошли, но составляли весьма незначительную часть текста. Виктору Андреевичу импонировало во мне то, что я не боялся математики. Работа кипела и двигалась к завершению.

После совещания он позвал меня к себе и там, в закутке, глухо сказал:

– Придётся, Витя, дипломную работу переделать, не хочу, чтобы **они** тебя «зарезали».

– Как переделать? До защиты месяц остался.

– Ты успеешь. Я сейчас кое-какой материал подберу, а основой должны стать твои опыты. Знаю, что мало, но надо как-то выходить из положения. О солнце вскользь упомянешь. Давай сюда графики, чтобы они тебя не смущали.

Дни перемешались с ночью. У ребят уже всё готово, а я только литературу по теме начал подбирать. Слабая работа получилась, что уж тут говорить. Какая это была гонка, пусть вам скажет тот факт, что мне в 11 часов защищаться, а я в 10 ещё у

рецензента сию, жду, когда тот текст пролистает и подпись поставит.

– И это всё? – удивился председатель дипломной комиссии, профессор из Тимирязевской академии. – Не густо для Ленинского стипендиата. Я думаю, есть необходимость более глубоко проверить уровень ваших знаний. Члены комиссии, пожалуйста, вопросы.

От того получаса у меня мало что осталось в памяти. Помню, что защищался. В отношении нападавших сложилось двоякое мнение. Или они мне хотели помочь, направляя в глубину, либо погубить, как ананьевского «выкормыша».

– Ну будет, будет, – удовлетворённо сказал тимирязевец. – Мы своим студентам таких вопросов не задаём, это чересчур сложно. Что же, молодой человек, надеюсь, выражу общее мнение, что несмотря на слабость дипломной работы, отличную оценку вы заслужили. Поздравляю вас.

Нам лишь бы диплом агронома получить, а там хоть трава не расти.

Виктор Андреевич молча пожал руку и именинником проследовал в свой кабинет.

От пережитого стресса меня трясло. Самым мудрым в этой ситуации оказался Олег. Он передо мной защитился на «хорошо». Подмигнул по-свойски и потряс «дипломатом». Мы зашли в туалет и из горлышка выпили бутылку вина. Отпустило. А тут и Таня с цветами подоспела.

Было много лестных и заманчивых предложений. Можно было остаться в аспирантуре. Предлагали и Ананьев и Кравченко. Или пойти работать в СИБНИИСХоз, где обещали научную работу и двухкомнатную квартиру в течение полугода. Областное управление сельского хозяйства предлагало должность в агроотделе. Но я не хотел оставаться в городе.

В комнату, где заседала комиссия по распределению, меня пригласили первым. Я имел право выбрать любое из имевшихся в наличии предложений. Помню, здорово смутил вариант

отправиться на Алтай, в Лебяжинский район, главным агрономом одного из хозяйств. В памяти сразу всплыла дипломная короткометражка Шукшина «Из Лебяжьего сообщают». Но выбрал должность агронома отделения в «ОПХ им. Фрунзе» Тарского р-на Омской области. Это крепкое хозяйство входило в систему СИБНИИСХоза и было его опорным пунктом на севере области. Распределение подразумевало выплату подъёмных и предоставление квартиры. Социалистическое государство поддерживало молодых специалистов.

Таня мне не перечила, куда иголка, туда и нитка. Когда Виктор Андреевич понял, что меня не переубедить, на прощанье позвал к себе и сунул в руку график солнечной активности с прогнозом до 2000-го года.

— Ладно, всё понимаю, сам такой был. Возьми на память, может когда и пригодится, жизнь — она длинная.

Его оказалась короткой. Мы больше не увиделись. Вскоре произошла история, которую я излагаю с чужих слов. На кафедру приняли лаборанткой молодую девушку, которая поступала, да не поступила и решила повторить попытку на следующий год, а пока поработать. Между ними случился роман, хотя в обиходе такие вещи обычно называют другими словами. Дальше в гараже были обнаружены два трупа, сидящих в машине. Экспертиза показала, что смерть наступила в результате отравления выхлопными газами. Дурацкая смерть, но и похороны устроили ей под стать. Зарыли тихонько, как собаку, даже институтская газета соболезнования не напечатала. А мне его жалко. *(Сам, наверно, такой!)*

Ну, что, мои терпеливые читатели, пора завершать книгу. Всё в этом мире имеет своё начало и свой конец. Осталось поведать только о военных сборах и приступить к эпилогу.

После защиты диплома, дающего право на профессию и должность, мы должны были два месяца (май, июнь) пробыть на военных сборах, после которых нам присваивались звания лейтенантов. Естественно, запаса. В этой связи мне с улыбкой вспо-

минается такой анекдотичный случай. Первый Федеральный канцлер послевоенной Германии Конрад Аденауэр недолюбливал «отца экономического чуда», министра экономики Эрхарда, который потом стал его преемником, и считал его дилетантом. На возражения своих советников, что Эрхард – профессор, всегда отвечал, что, да, **но не настоящий**, намекая, что тот официально защитил только кандидатскую диссертацию, а профессором был «почётным».

В ходе дальнейшей жизни я «дослужился» до звания старшего лейтенанта и от командира огневого взвода до старшего офицера батареи. Моя военная карьера завершилась в 1994 году, в связи с отъездом в Германию. *(А ведь мог бы и капитаном стать!)* Военный билет у меня отняли и туда я прибыл рядовым. Но слова о том, что когда-то я был оберлейтенантом Советской армии, да ещё и артиллеристом, неизменно вызывали одобрительные возгласы большинства моих коллег по работе. Такая реакция поначалу озадачивала, но скоро я понял причину. На моём примере они лишний раз убеждались, что им в школе говорили правду. СССР был настолько милитаризованной страной, что там даже агрономы могли стрелять из гаубиц. Советскую армию они уважают на каком-то генетическом уровне, в отличие от сегодняшней российской и собственного Бундесвера.

Сборы проходили на базе кадрированной части, расположенной в г. Ишиме Тюменской обл. Наша казарма размещалась в бывшем монастыре. Ишим – по сибирским меркам относительно старый город, обязанный своим зарождением завоевательным (освободительным), *нужное подчеркнуть*, походам Ермака против Кучума.

Когда после прибытия на ж/д вокзал нас строем повели к месту последующей службы и мы миновали КПП, глазам представилась апокалиптическая картина. Большой экскаватор рыл глубокую *(морозы!)* траншею под водопровод и его ковш то и дело вытаскивал из земли человеческие скелеты, большие и ма-

ленькие, которые рассыпались от удара, а черепа скатывались с насыпи вниз, на дорогу. Мы шли мимо этих зияющих пустыми глазницами черепов и ветер шевелил на них космы волос.

Наверно рядом с монастырём было старое кладбище. Такое старое, что и следов о нём на поверхности не осталось. Случайно оно попало под направление трассы. Сворачивать никто не собирался. Через неделю трубы проложили, траншею зарыли, а оставшиеся черепа и кости погребли в другой яме. Территория части была огорожена, гражданских лиц туда не пропускали. На постах стояли караульные, так что всё обошлось без лишнего шума.

Нам выдали военное обмундирование, а свою одежду, свернув как можно туже, и перевязав ремнями, мы сдали на склад. Белые кальсоны с завязками, нательные рубахи, портянки, кирзовые сапоги. Галифе и гимнастёрки имели настолько причудливый фасон, что даже служившие ребята терялись в догадках, когда так одевали военнослужащих? Я сам относил их к временам Ивана Бровкина и Максима Перепелицы, героев комедий начала 50-х.

Фуражку с лакированным козырьком подобрал по размеру, но когда подстригся, она стала моим злым гением. Всё время лезла на глаза, и если бы не уши, на которых она задерживалась, я был бы слепым. Когда 9 Мая, в день Победы, мы строем прибыли на центральную площадь для принятия присяги, какая-то старушка, стоявшая недалеко от нас, удивлённо сказала своей подруге:

– Господи, и где же их таких нашли?

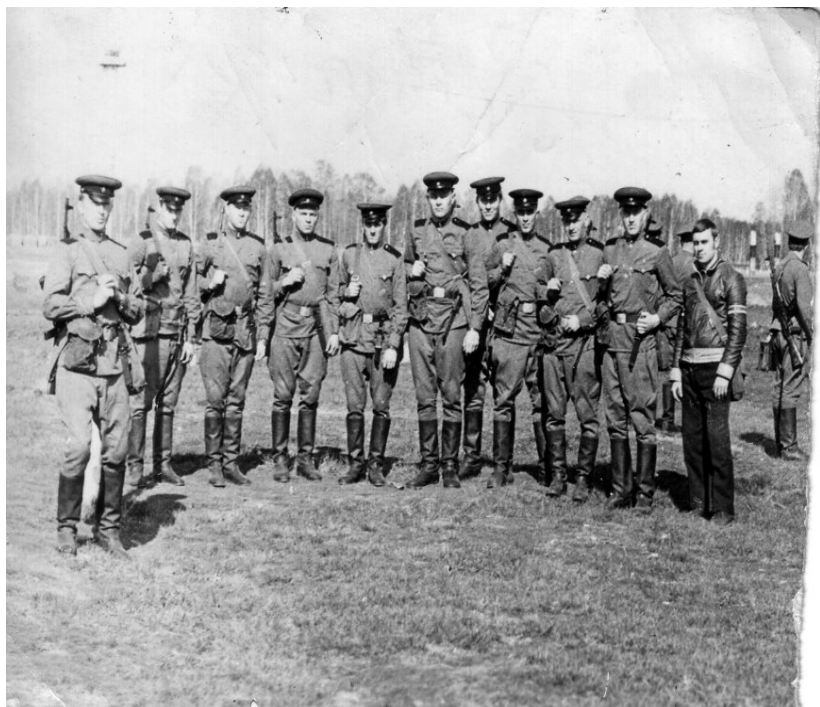
Процедура принятия присяги была долгой, но это ритуал индивидуальный. Каждый из нас, кто не служил в армии, когда наступала его очередь, выходил из строя, подходил к столу, брал в левую руку текст присяги, правую ложил на цевьё автомата, поворачивался опять к строю и торжественно произносил:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых сил, принимаю присягу и

торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...». Закончив читать, опускался на одно колено и целовал край Знамени полка.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

А это ещё один снимок из времён нашей ишимской «боевой» юности. Слева-направо: Боря Косолапов, Серёжа Александров, Володя Коптев, Валера Цисевич, Витя Беккер, Витя Дридигер, Петя Шмелёв, Юра Игнатенко, Вася Трусов, я, Саша Сиротин.

По случаю праздника дополнительно к обычному обеду выдали по варённому яйцу и кусочку солёной красной рыбы, наверное, горбуши. Чувство голода было постоянным. Служившие ребята рассказывали, что это нормально, первые два месяца еды действительно не хватает, потом организм перестраивается. Мы верили на слово, ибо нам не суждено было ощутить сытости от той еды, сборы длились как раз два месяца.

Именно там, в солдатской столовой, я понял, что каждый продукт имеет свой вкус и своё значение. Радовался, когда ви-

дел, что в тарелке с супом плавают пятнышко жира, значит он будет слаще. Кусочек хека, жареного на растительном масле, обсасывал до последней косточки, которые потом тоже перегрызал, как Иван Денисович. Дома этого не чувствуешь, в супе жира на полпальца, ложка не тонет. Чтобы понять, что такое еда, надо хоть иногда побыть голодным. К счастью, в расположении работал буфет, где можно было купить сгущённое молоко, печенье и лимонад. Чёрт побери, я никогда не пил такого вкусного лимонада, интересно, из чего они его делали?

Наша повседневная жизнь мало чем отличалась от обычной солдатской. Строем ходили на обед и с обеда, я, памятуя о своей пионерской мечте, осмелился стать барабанщиком, который должен был отбивать такт ходьбы. Но музыкант из меня вышел посредственный, остальные забоялись, барабан изъяли и в дальнейшем мы шагали под «раз, раз, раз два три».

Занимались на спортивных снарядах, бегали кроссы, маршировали на плацу, занимались в классах, дневалили на кухне и в казарме, ездили в совхоз перебирать картошку (видимо за натуральную оплату), строили дорожку к казарме, ходили в караул.

В караул заступали на сутки с автоматами, заряженными боевыми патронами. На ремне штык-нож. Охраняли склады. Хоть и оружие в руках, а всё-равно страшно. Доходишь до угла склада и делаешь большую дугу, вдруг там кто затаился? К каждому шороху прислушиваешься, пломбы на замках проверяешь. 2 часа на посту, 2 часа бодрствуешь в караульном помещении, 2 часа сон на жёстком топчане. Сначала не заснёшь, а потом, когда тебя будят, кажется, убил бы гада! Но автомат в пирамиде, а штык-нож о такую сволочь марать жалко. Так вперемежку 8 часов на посту, 8 бодрствуешь, 8 спишь. Караул страшно выматывал, а может тоже, как и к еде, должны были привыкнуть, да не успели. Когда мне не спится по ночам, я с теплотой думаю о десятках тысяч солдат и офицеров, которые в эти минуты тоже бодрствуют.

Когда было свободное время, писал письма. Жене и родителям. В армии после кино это любимое развлечение. Как потом ждёшь ответа, дни считаешь. По несколько раз перечитываешь, носишь в кармане гимнастёрки. Таня писала, что плохо переносит беременность, ждёт меня. Пожалуй, в письмах мы и поговорили с ней раз в жизни по человечески. Это она написала, что «врозь нам грустно, вместе тесно».

Затаившийся за стенами части город был недобрым. Каждую неделю мы узнавали об убийствах, кровавых драках, изнасилованиях. Нас предупреждали об эпидемии венерических заболеваний. *(Всех солдат и курсантов этим пугают, не вы первые. Пока в руках сила есть...)*

В городе была тюрьма и кто-то из местных грустно сказал нам, что каждый третий житель в ней уже сидел, другая треть делает всё возможное, чтобы туда попасть. Чтобы не быть голословным, скажу, что мы стали свидетелями двух убийств, совершённых за оградой нашей казармы, правда и место было злачное – пивной павильон. Повар, солдат-срочник, ушёл после ужина в самоволку, вернулся весь в крови и без зубов. Стояли необычно жаркие дни и тягучий сладкий запах порока окутывал улицы города. В увольнении нам запрещалось ходить поодиночке, а если кого-то могла застигнуть ночь, рекомендовали идти по проезжей части, а не по тротуарам, заросшим по бокам густыми клёнами.

Отцы-командиры назначили меня заведовать культурной работой сбора. Комсорг, не комсорг, а что-то вроде редактора «Боевого листка». Но это была общественная нагрузка, от обязанностей службы я не освобождался. Сам сочинял текст и сам же его писал на ватмане. Олег помогал с заголовкам

Служба заканчивалась и в последнюю неделю нас повезли на боевые стрельбы. Полигон, огороженный колючей проволокой, располагался в 20-ти километрах от города, его хорошо было видно с дороги. Гаубицы не было, её заменял миномёт, обслуживаемый двумя толковыми сержантами второго года служ-

бы, но команды оставались в принципе теми же. Целью служили кусты и деревья, растущие в отдалении от позиции (3-4 км).

До меня стреляли многие, но после их команд мины взрывались в такой стороне от целей, что стрелков тут же отсылали обратно в строй, чтобы не тратить зря снаряды на доводку. Двоих отправили сразу, без выстрелов, выяснив, что по их наводке мины должны были улететь в сторону дороги, с которой мы свернули на полигон.

Осталось три мины, и ни одна из заявленных целей не была поражена. Стоявший в кругу других офицеров подполковник Бандура нашёл меня глазами и что-то сказал майору, руководившему стрельбищами. Тот выкрикнул мою фамилию и указал цель. Я посмотрел в бинокль и увидел километрах в трёх несколько отдельно растущих берёзок.

Подожёл к дальномеру, чтобы определить расстояние до цели и тоскливо понял, что смотрю в него впервые в жизни. Когда мы в институте изучали этот прибор, меня или не было на занятии, или я из-за своей стеснительности так к нему и не пробился. До этой минуты незнание прибора не играло никакой роли, расстояние до цели нам задавалось. Пришлось ориентироваться по ходу.

– Дальность 3400!

– Парень, ты ошибся на 100 метров, – тихо и доброжелательно подсказал сержант, дальность 3300.

Ты думаешь, Мир, я послушал его? Нет. Прости солдат моё упрямство. Наверное оно было вызвано чрезмерным психологическим напряжением. Время поджимало. Остальные команды вопросов не вызвали.

Когда мина с воем легла метрах в 100 прямо за целью, все громко выдохнули.

Я хотел подвернуть прицел и второй поразить цель, но тут от группы стоявших офицеров первый раз за стрельбу отделился зам. начальника кафедры подполковник Огарков, подошёл ко мне и, весьма довольный, сказал:

– Я уверен, что следующим выстрелом вы поразите цель, но покажите всем, как она берётся в «вилку».

Был перелёт, я, не меняя других команд, сделал недолёт.

– Пара хромовых сапог зря полетела, – прокомментировал второй выстрел подполковник. Ну а после доворота прицела у берёзок не осталось ни малейшего шанса.

Счастливо улыбался Бандура, я был горд, что не подвёл его. Эта гордость передалась и на нашу группу. Мы попали, а вы нет.

После стрельбы строем пошли к следующей «игрушке». В поле стояла гаубица, вернее сборная конструкция. Всё как у гаубицы, но ствол узкий, как у противотанкового ружья. В 300-х метрах напротив фанерный макет передней части танка. Стрельба прямой наводкой!

Было всего пять больших патронов. Мне в награду за предыдущий успех предоставили право выстрелить. Я припал к окуляру прицела. Сразу вспомнились кадры кинофильма «Горячий снег». Ползут немецкие танки и ты один живой.

Поймал в перекрестие правый угол макета и дёрнул шнур. Макет не шелохнулся, хотя я был уверен, что всё сделал правильно.

– Давай ещё раз, – ободряюще сказал Огарков.

Второй выстрел, результат тот же.

– Идите в строй.

Подполковник сам подошёл к орудию и склонился к прицелу. Три выстрела, результат тот же.

– Прицел сбился, – сказал он задумчиво.

Ну что же, прицел так прицел. По крайней мере моя честь была спасена.

Наступил день отъезда. Мы получили на складе свою помятую одежду и пошли на вокзал. Рано утром прибыли в Омск. Ребята поехали в общежитие, войдя в которое, по сложившейся традиции строем обошли все этажи, громко топая ботинками по деревянному полу.

Я сразу поехал домой. Шёл по летней улице в тёплом свитере, помятых штанах, с неуспевшими ещё отрасти волосами, и нехорошее предчувствие мучило меня.

На кухне избушки сидели наши матери и пили чай. Та-ни не было.

– Ты только не волнуйся, но она в больнице. Лежит на сохранении.

Не стал даже завтракать, а сразу поехал по названному адресу.

Внутри почему-то не пускали, я вышел во двор и стал кричать её имя. В окнах промелькнуло несколько женских силуэтов, и, наконец, показалась она. Вышла на балкон похудевшая, тихая. Мы немного «поговорили», что было не очень удобно, потому-что вместе с ней стояли ещё две женщины, а рядом со мной двое мужиков и мы попеременно что-то орали.

После выписки старался уберечь её от какой-либо работы. Собственно и суетиться нам было не с чего. Таня была в декрете, у меня отпуск.

Диплом я уже получил, красные корочки мне вручили первому. *(Лучше иметь красное лицо и синий диплом, чем наоборот.)* Ромбиков, к сожалению, не было в наличии, обещали дослать, но не сложилось. Раньше с этим было построже, мне нравилось наблюдать, с каким достоинством носили их на лацканах пиджаков пожилые казахи.

Выпускной вечер отмечали в ресторане на берегу Иртыша, прощались в общежитии. Многие возвращались в свои хозяйства. Было печально и сдержанно. Выпили с утра «на посошок», обнялись и разъехались. Через пять лет, когда встречались в том же ресторане, пятерых с курса не было уже в живых.

Я не стал дожидаться конца отпуска, оставил жену на попечение её матери, Евдокии Григорьевны, и поехал на разведку к месту своей будущей работы.

А ПОСЛЕ?

С тех пор прошло больше 40 лет. Пишу эти строки и вспоминаю. В каждый приезд из Вюрцбурга в Омск меня неудержимо тянуло в стены альма-матер, почти так же сильно, как в книжный магазин на Ленина. Раз поехали туда с Алексеем. При съезде с Красного пути, на том месте, где когда-то скромно размещалось название «Омский ордена Ленина сельскохозяйственный институт имени С. М. Кирова», внушительно и помпезно значилось: «Омский государственный аграрный университет имени П.А.Столыпина». Чудно! Во времена нашего обучения упорно ходили слухи, что институту вот-вот присвоят статус академии и мы станем её выпускниками. А тут, вдруг, целый университет! Бронзового Кирова не было видно, наверное улыбался в другом месте, если вообще мог чем улыбаться.

На входе в главный корпус, после высокой лестницы, за вторыми дверьми, стоял пропускной пункт. Была суббота и было начало осени. Мы показали вахтёру (охраннику?) свои паспорта и взволнованно попросили пропустить нас, чтобы посмотреть то место, в котором когда-то учились.

– Что тут можно увидеть? – презрительно сказал вахтёр, мужчина лет сорока, но препятствовать не стал.

Мы бродили по коридорам и тёплая волна памяти пьянила меня. Это был мой родной корпус, агрономический, тут находился наш деканат, наши кафедры, наши аудитории. Было довольно опрятно, пахло свежей краской. Я искал на висящих стендах и табличках знакомые фамилии, но почти все были чужими, родными оказались только имена Юрия Михайловича Горбунова и Коли Анискова из второй группы, который на распределе-

нии выбрал место в СибНИИСХозе и вот стал профессором по ячменю.

Там, где кабинет ректора, наткнулись на картинную галерею.

Большие портреты, писанные маслом. Лёша находил своих, а я с радостью узнал в профессоре и проректоре по научной работе уважаемого мной бывшего институтского комсомольского секретаря Володю Русакова. Не бойсь, мы не только можем ловко клеить языком марки, как некоторые утверждают, мы ещё и работать умеем.

Пошли по территории. Напротив второго корпуса на ободранном постаменте стоял обиженный Ленин. Рука его указывала на это безобразие.

Смотри, Витя, что они со мной делают. И не сносят и не ремонтируют. Со стыда можно расплавиться. Стою тут, как какой последний меньшевик.

Двум другим образам Владимира Ильича повезло больше. Ни у кого не поднялась рука убрать со стены главного корпуса барельеф ордена Ленина, а во втором корпусе над лестницей по прежнему висела большая картина с его изображением. Сохранилась и Доска Почёта, правда фотографий на ней не было.

Почтили память снесённой «восьмёрки», полюбовались новым домом на её месте. Жизнь продолжалась. Берёзовая аллея вдоль дороги уцелела. Возле входа в бывшую Лёшину зоотехническую общагу молоденькая девушка подметала дорожку. Заговорили с ней. Сказали, что тоже когда-то учились в этом заведении.

– Мы не сельхозники, мы гуманитарии, – сразу провела между нами черту юная университетка. – Просто мы здесь живём.

Зашли в вестибюль, постояли, пошли назад.

Новый дом на месте бывшего общежития № 8

Так не бывает, но по пути нам встретился Юрий Михайлович. Первым моим порывом было окликнуть его по имени, но он смерил нас таким равнодушным неузнавающим взглядом, что я постеснялся. Ладно, в другой раз.

Полуразрушенное здание бывшей столовой печально контрастировало с великолепной новой, жёлтого кирпича, институтской библиотекой. Но какая-то жизнь в нём ещё теплилась. Там, где когда-то была раздевалка, располагалось непрятельное, но по-своему уютное кафе на несколько столиков. Тихо звучала музыка, хозяин, парень лет 30-ти, скучал за стойкой. Я попросил себе пива, Алексей ограничился «колой».

– Слушай, Лёша, я вот одного не могу понять, а куда деваются выпускники агрофака, их же больше 100 человек в год набирается? Ты же сам рассказывал, что на селе сейчас фермеры тон задают, им агрономы вроде как не нужны. Ну ладно, девча-

та, где-то замуж выйдут, где-то в городе пристроятся, а парням куда податься?

– Так они сразу в «мусарню» идут. Месяца три подучатся – и готово, – вмешался в наш разговор общительный хозяин.

– В какую «мусарню»? – я вопросительно посмотрел на Алексея.

– Ну, в «ментовку», – как бы извиняясь перед собеседником за мою дремучесть, ответил тот.

Памятная доска на стене главного корпуса

– В деревню сейчас редко кто возвращается, там ловить нечего, все норовят в городе остаться. Я сам мехфак кончал, знаю, что говорю. А агрономы, те почти поголовно в «мусора» идут, – не смягчал остроты своих определений хозяин кафе. Видимо, у него имелся негативный опыт общения с «оборотнями» в колосьях.

К следующей встрече, состоявшейся через три года я подготовился тщательнее – взял с собой альбом с фотографиями всех выпускников агрофака 1977 года.

Поехали вдвоём с Сашей.

Он сопротивлялся, но я уговорил. На вахте сказали, что бывшие студенты, ищем Горбунова Юрия Михайловича. Пошли по коридору, вглядываясь в стенды. Как и прошлый раз пахло свежей краской.

– Это кто меня тут ищет? – раздался за нашими спинами знакомый весёлый голос.

Память о той встрече.

Юрий Михайлович давно на пенсии, теперь подрабатывает на кафедре земледелия. Зарплата у преподавателей маленькая. Доцент, кандидат наук, получает 16 тысяч рублей в месяц.

Меня он так и не узнал, хотя я рассказывал ему, что мы с ним вместе работали, а наши фотографии рядом висели на Доске Почёта.

– Извините, ребята, тысячи лиц прошли перед глазами за эти годы. Стёрлось всё, не могу вспомнить.

Узнав, что Саша из Павлодара, оживился:

– Я в Павлодарскую область распределялся, думал, что в пустыню еду, а попал в край озёр. Там и пристрастился к охоте, до сих пор туда каждый год стараюсь выбраться.

Листал альбом.

– Нет, никого из вашей группы не могу вспомнить. Только Рогалевича, он в Тарском филиале преподавал. Методичку опубликовал. Насобира л ерунды из разных источников, противно было читать. Я ему об этом прямо в глаза сказал. Кравченко. Кравченко? Что-то было про него, в газетах даже писали, а вот что, не скажу. А может это совсем другой Кравченко, не ваш.

Зато про своих коллег живописал. Он правда, хороший рассказчик.

– Когда тяжёлые времена настали, про Владимира Никаноровича вспомнили. Опять деканом назначили. Он тянул эту лямку, пока силы были. Умер недавно, весь агрофак хоронил. Агапыч последним из могикан был, только в прошлом году перестал работать. А ведь ему уже далеко за 80. Принципиальный. Я ему говорил, зачем ты сыну нового декана двойку поставил? Тебя же уволят. Не уволят, отвечал. Уволили. Фарманов интересный человек был. Я когда проректором по заочному обучению работал, приходилось с ним общаться. Заочники страсть как химии боялись, а его самого тем более. Подходили ко мне: «Юрий Михайлович, надо как-то вопрос решить. Не осилить нам этого предмета. А мы в долгу не останемся, за нами ресторан». Составляли ведомость, я шёл к Фарманову, он всем ставил «3» и расписывался. В субботу гуляли. Он небольшого роста был, брюки почему-то короткие носил, еле ботинки закрывали. Как выпьет, любил с женщинами танцевать. «Разрешите Вас

пригласить на танец». Если отказывали, не обижался, подходил к следующей. Не взирая на рост. Так и танцевал, упёршись лбом в грудь дамы. А заочники страховали, чтоб никто его не обидел.

Я вам вот что скажу. Вы другие были, серьёзные, вы учились чтобы работать.

– Так а эти, сегодняшние, зачем учатся?

– Не знаю.

Бывшая Доска почёта